

СОЧИНЕНІЯ
ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА
ДАВЫДОВА.

Со статьей о литературной дѣятельности Д. В. Давыдова
и примѣчаніями,

составленными А. О. Круглымъ.

~~~~~  
Томъ III.

ПРОЗА. — ПИСЬМА.

~~~~~  
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

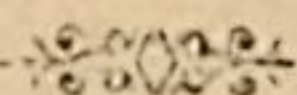
къ журналу

„С Ѣ В Е Р Ѣ“,

за

МАРТЪ

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 марта 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Проза.

XII. О партизанской войнѣ	3
XIII. Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году? . . .	13
XIV. Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона	38
XV. Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ	78
XVI. Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевского	109
XVII. Мысли при извѣстїи о неудачномъ предпрїятїи на Константинополь французскихъ войскъ	128
Рѣчь Давыдова въ Арзамасѣ	236

Письма.

Адлербергу В. Ѳ	162
Императору Александру I.	229
Аракчееву гр. А. А	148
Бестужеву А. А	155
Воейкову А. Ѳ	170
Вяземскому кн. П. А.	150, 151, 153
Горчакову кн. П. Д.	168
Дибичу бар. И. И.	160
Ермолову А. П.	227
Жуковскому В. А.	181, 217
Загоскину М. Н.	173, 176
Закревскому А. А	165
Киселеву П. Д.	231, 232
Коновницыну П. П.	146
Максимовичу М. А.	189
Маркусу доктору.	178
Михайловскому-Данилевскому А. И.	205, 207, 212, 219
Одоевскому кн. В. Ѳ	235
Ольшевскому О. Д.	154
Похвисневу Н. И.	167
Пушкину А. С.	192, 210, 214, 215, 217, 221, 223, 224, 225
Раевскому Н. Н.	143
Салаеву И. В.	182
Сосницкому И. И.	155
Толстому гр. Ѳ. И.	198
Толю гр. К. Ѳ	179
Хвостову гр. Д. И.	200
Чернышеву гр. А. И.	178
Языкову Н. М.	182, 184, 190, 193, 202, 208, 216, 223
Языковымъ А. М. и Н. М.	187, 188, 195, 226
Якубовичу А. И.	156, 158, 159

Объясненія къ рисункамъ.	238
Указатель	239

П Р О З А.

ХІІ.

О партизанской войнѣ.

Односторонній взглядъ на предметъ или сужденіе о немъ съ мнимою предусмотрительностью есть причина того понятія о партизанской войнѣ, которое не престаётъ еще господствовать. Схватить языка, предать пламени нѣсколько непріятельскихъ хванилицъ, недалеко отстоящихъ отъ арміи, сорвать незапно передовую стражу, или въ умноженіи партій видѣть пагубную систему раздробительнаго дѣйствія арміи—суть обыкновенныя сей войны опредѣленія. И то и другое ложно. Партизанская война состоитъ ни въ весьма дробныхъ, ни въ перво-степенныхъ предпріятіяхъ: ибо занимается не сожженіемъ одного или двухъ амбаровъ, не сорваніемъ пикетовъ и не нанесеніемъ прямыхъ ударовъ главнымъ силамъ непріятеля. Она объемлетъ и пересѣкаетъ все протяженіе путей, отъ тыла противной арміи до того пространства земли, которое опредѣлено на снабженіе ея войсками, пропитаніемъ и зарядами, чрезъ что заграждая теченіе источника ея силъ и существованія, она подвергаетъ её ударамъ своей арміи обезсиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительныхъ узъ подчиненности. Вотъ партизанская война въ полномъ смыслѣ слова.

Безъ сомнѣнія, такого рода война была бы менѣе полезна, если-бъ воевали однѣми малосильными арміями, не требующими большаго количества съѣстныхъ потребностей и дѣйствующими однимъ холоднымъ оружіемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены порохъ и огнестрѣльное оружіе, съ тѣхъ

поръ, какъ умножили огромность военныхъ силъ, и наконецъ съ тѣхъ поръ, какъ склонились болѣе къ системѣ сосредоточенія, чѣмъ раздробленія войскъ при размѣщеніи и направленіи ихъ въ походахъ и въ дѣйствіи,—съ тѣхъ поръ и пропитаніе ихъ, извлекаемое изъ того пространства земли, которое они собою покрываютъ, должно было встрѣтить невозможности, а производство зарядовъ въ лабораторіяхъ, обученіе рекрутъ и образованіе резервовъ—необоримыя затрудненія среди тревогъ, битвъ и военныхъ случайностей.

При таковыхъ обстоятельствахъ надлежало искать средства къ снабженію войскъ всѣми для войны необходимыми потребностями не чрезъ извлеченія ихъ изъ пространства земли, войсками покрываемаго, что отъ несоразмѣрности потребителей съ произведеніями было бы невозможно, а изъ предѣловъ, находящихся внѣ боевыхъ происшествій. Отъ сего произошло раздѣленіе театра войны на два поля: на боевое поле и на поле запасовъ, и снабженіе перваго произведеніями втораго, но не вдругъ и не великими громадами, а по мѣрѣ израсходованія съѣстныхъ и боевыхъ предметовъ, возимыхъ при арміи, дабы не обременять еѣ излишними тяжестями и чрезъ то не окочевывать ея движеній. Но само собою разумѣется, что изобрѣтеніе это долженствовало произвести и со стороны противника изобрѣтеніе къ прегражденію снабженія непріятельской арміи предметами столь для нея необходимыми.

Для достиженія этой цѣли два способа представились при первомъ взглядѣ: или дѣйствіе отрядами на боевое поле непосредственно въ тылъ фронта арміи, гдѣ производится раздача привозимыхъ зарядовъ и провіанта и размѣщеніе прибывшихъ войскъ изъ резервовъ, или дѣйствіе оными же отрядами на самое поле запасовъ.

Но тутъ же удостовѣрились, что первое съ трудомъ прикосновенно отъ смежности самой непріятельской арміи съ мѣстомъ, назначеннымъ для нападенія, а послѣднее обыкновенно ограждаемо укрѣпленіями, въ срединѣ коихъ заключаются склады продовольствія, приготавливаются заряды и производится образованіе резервовъ. Осталось то пространство, по которому

всѣ сии три предмета доставляются въ армію: вотъ поле партизанскаго дѣйствія. Оно не представляетъ тѣхъ препятствій, которыми изобилуетъ и боевое поле и поле запасовъ: ибо какъ главныя силы арміи, такъ и укрѣпленія, находясь на оконечностяхъ онаго, не въ состояніи защищать его — первыя отъ стремленія всѣхъ усилій на борьбу съ противоположной имъ главной арміей, послѣднія по причинѣ естественной неподвижности своей. Изъ сего слѣдуетъ, что партизанская война существовать не можетъ, когда непріятельская армія расположена на самомъ полѣ запасовъ; но чѣмъ болѣе увеличивается пространство, отдѣляющее боевое поле отъ поля запасовъ, тѣмъ партизанская война полезнѣе и рѣшительнѣе. Правда, что осторожные полководцы не минуютъ опредѣлять по всему протяженію главнаго пути, разсѣкающему означенное пространство, и укрѣпленные этапы, или пріюты, для защиты подвозовъ во время ихъ приваловъ и ночлеговъ, и отряды войскъ для прикрытія сихъ подвозовъ во время переходовъ ихъ отъ этапа до этапа; мѣры благоразумныя, но далеко уступающія и долженствующія уступить нападенію многочисленныхъ и дѣятельныхъ партій, какъ всякое оборонительное дѣйствіе уступаетъ наступательному. Къ тому же, надо прибавить и то, что эти укрѣпленные этапы сколько ни были бы обширны, никакъ не въ состояніи вмѣщать въ себѣ то количество подводъ, которое составляетъ и самый слабый подвозъ армій нашего времени; прикрытіе, сколько ни было бы многочисленно, никогда совокупно итти не можетъ по той причинѣ, что, охраняя все протяженіе подвоза, оно принуждено растягиваться по мѣрѣ протяженія онаго во время переходовъ, и потому всегда быть слабѣе на точкѣ натиска партіи, совокупно дѣйствующей. Независимо отъ этихъ неудобствъ, сколько надо боевой силы для снабженія ею сихъ укрѣпленныхъ этапъ, болѣе и болѣе умножающихся по мѣрѣ движенія впередъ, по мѣрѣ успѣховъ, увлекающихъ наступающую армію далѣе и далѣе отъ поля запасовъ!

Теперь, чтобы окончательно выразить всю важность партизанской войны при огромныхъ ополченіяхъ и системѣ

сосредоточенія въ дѣйствіяхъ нашего времени, сдѣлаемъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ.

Во-первыхъ, кѣмъ производится война?—Людьми соединенными въ арміи.

Во-вторыхъ, но люди, такъ сказать, съ пустыми руками могутъ ли сражаться?—Нѣтъ. Война не кулачный бой. Этимъ людямъ нужно оружіе; но со времени изобрѣтенія пороха и оружіе само собою недостаточно: этому оружію нужны и патроны и заряды, для произведенія дѣйствія отъ него требуемаго; а такъ какъ патроны и заряды болѣе или менѣе выстрѣливаются въ каждой битвѣ и дѣланіе ихъ затруднительно при движеніяхъ и дѣйствіи войскъ, то необходимо нужно снабжать оружія новыми зарядами и патронами съ того мѣста, гдѣ они приготавливаются. Это ясно доказываетъ, что армія, и съ оружіемъ въ рукахъ, но безъ патроновъ и зарядовъ, ни что иное, какъ устроенная толпа людей съ рогатинами, толпа, которая отъ перваго непріятельскаго выстрѣла должна разсѣяться, или, принявъ битву, погибнуть. Словомъ, нѣтъ силы въ арміи, или, можно сказать, что со времени изобрѣтенія пороха—нѣтъ арміи безъ зарядовъ и патроновъ.

Въ третьихъ, требуетъ ли армія подкрѣпленія въ теченіе войны?—Требуетъ, по мѣрѣ потери людей и лошадей въ сраженіяхъ, въ стычкахъ и перестрѣлкахъ, также и отъ ранъ получаемыхъ или въ битвахъ, также и отъ болѣзней, умножающихся отъ усиленныхъ переходовъ, ненастья, трудовъ и недостатковъ всякаго рода. Безъ укомплектованія себя, арміи должны мало по малу уменьшаться и потомъ исчезнуть совершенно.

Наконецъ въ четвертыхъ, нечего спрашивать, нужна ли пища солдату, ибо человѣкъ безъ пищи не только сражаться, но и жить не можетъ; а такъ какъ доказано, что по многочисленности своему арміи нашего времени не въ состояніи довольствоваться произведеніями того пространства земли, которое онѣ собою покрываютъ, то имъ необходимы подвозы съ пищею, безъ которыхъ онѣ должны или умереть съ голоду, или, разсѣясь для отысканія пропитанія за кругъ боевыхъ происше-

ствій, превратиться въ развратную толпу бродягъ и грабителей, и погибнуть по частямъ, безъ защиты и славы.

Итакъ, чтобы лишить непріятеля сихъ трехъ, можно сказать, коренныхъ стихій жизненной и боевой силы всякой арміи, какое для сего избрать средство? Нѣтъ другого, какъ истребленіе ихъ во время ихъ перемѣщенія съ поля запасовъ на боевое поле, слѣдственно, средствомъ партизанской войны. Что предприметъ непріятель безъ пищи, безъ зарядовъ и безъ укомплектованія себя войсками? Онъ принужденъ будетъ или прекратить дѣйствіе миромъ, или плѣномъ, или разсѣяніемъ, безъ надежды на соединеніе—три послѣдствія весьма неутѣшительныя и совершенно противоположныя тѣмъ, которыя стяжаетъ всякая армія при открытіи военныхъ дѣйствій. Независимо отъ гибели, которою угрожаетъ партизанская война симъ тремъ кореннымъ стихіямъ силы и существованія всякой арміи, есть второстепенныя необходимости, тѣсно связанныя съ благосостояніемъ ея, и не менѣе подвозовъ съ пищею и съ зарядами, не менѣе доставленія къ ней резервовъ подвергающихся опасности: подвозы съ одеждою, съ обувью и съ оружіемъ на смѣну испорченному отъ чрезмѣрнаго употребленія или потерянному въ сумятицахъ сраженій; хирургическія и госпитальныя вещи; курьеры и адъютанты, возящіе иногда весьма важныя повелѣнія изъ непріятельской главной квартиры къ оставшимся позади областямъ, резервамъ, заведеніямъ, отдѣльнымъ корпусамъ и отрядамъ, такъ какъ и донесенія послѣднихъ въ главную квартиру, чрезъ что разрушается содѣйствіе всѣхъ частей между собою. Транспорты раненыхъ и больныхъ, перевозимыхъ изъ арміи въ больницы, или команды выздоровѣвшихъ, возвращающіяся изъ больницы въ армію; чиновники высшаго званія, переѣзжающіе съ одного мѣста на другое для осмотра отдѣльных частей, или для принятія отдѣльнаго начальства, и прочее.

Но это недостаточно. Партизанская война имѣетъ вліяніе и на главныя операціи непріятельской арміи. Перемѣщеніе ея въ теченіе кампаніи по стратегическимъ видамъ долженствуетъ встрѣтить неодолимые затрудненія, когда первый и каждый

шагъ ея можетъ немедленно быть извѣстенъ противному полководцу посредствомъ партій, когда сими же партіями, на первомъ и на каждомъ шагу, она можетъ быть задержана засѣками, истребленными переправами, и атакована всѣми противными силами въ то время, какъ, оставя одинъ стратегическій пунктъ, она не успѣла еще достигъ до другого, что приводитъ намъ на память Сеславина и Малоярославецъ. Таковыми преградами угрожаетъ непріятель и во время отступленія своего. Преграды эти, воздвигнутыя и защищаемыя партіями, способствуютъ преслѣдующей арміи тѣснить отступающую и пользоваться мѣстными выгодами для окончательнаго ея разрушенія: зрѣлище, коему мы были свидѣтелями въ 1812 году, при отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ отъ Москвы до Нѣмана.

Но и этого мало. Нравственная часть едва ли уступаетъ вещественной части этого рода дѣйствія. Поднятіе упавшаго духа въ жителяхъ тѣхъ областей, которыя находятся въ тылу непріятельской арміи; отвлеченіе отъ содѣйствія ей людей безпокойныхъ, корыстолюбивыхъ, посредствомъ всякаго рода добычи, отбиваемой у нея и раздѣляемой съ жителями въ замѣну приманокъ, расточаемыхъ имъ вождями противныхъ войскъ въ однѣхъ только прокламаціяхъ; ободреніе собственной арміи частымъ доставленіемъ къ ней и подъ глаза ея плѣнныхъ солдатъ и чиновниковъ, обозовъ и подвозовъ съ провіантомъ, парковъ и даже орудій, и сверхъ того потрясеніе и подавленіе духа въ противодѣйствующихъ войскахъ: таковы плоды партизанской войны искусно управляемой. Какихъ послѣдствій не будемъ мы свидѣтелями, когда успѣхи партій обратятъ на ихъ сторону все народонаселеніе областей, находящихся въ тылу непріятельской арміи, и ужасъ, посѣянный на ея путяхъ сообщенія, разгласится въ рядахъ ея? когда мысль, что нѣтъ ни прохода, ни проѣзда отъ партій, похищая у каждаго воина надежду при немочи на безопасное убѣжище въ больницахъ, устроенныхъ на поле запасовъ, а въ рядахъ достаточное пропитаніе, съ того же поля привозимое, въ первомъ случаѣ произведетъ въ немъ робкую предумыш-

трительность, въ послѣднемъ увлечетъ его на неизбѣжное грабительство, одну изъ главныхъ причинъ паденія дисциплины, а съ дисциплиною совершеннаго разрушенія арміи.

Иностранные писатели излагаютъ законы военнаго искусства не для насъ русскихъ, а для государствъ, коимъ принадлежали они, слѣдственно, по масштабу и по свойству военной силы, имъ извѣстной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и мѣстность, и понынѣ находясь за предѣлами понятій и расчетовъ ихъ, столь рѣзко разнствуютъ съ другими государствами. Напримѣръ, правила, чтобы не употреблять легкаго войска на долгое время и на дальнее разстояніе отъ главной арміи, дабы чрезъ то не лишить ея той числительной силы, которая въ генеральныхъ сраженіяхъ такъ необходима, и что партизанская война безопасна только въ собственномъ и въ союзномъ государствѣ, но гибельна и невозможна въ предѣлахъ непріятеля—суть правила справедливыя и неоспоримыя относительно всѣхъ европейскихъ государствъ, но ошибочныя относительно Россіи.

Легкая европейская конница составлена изъ людей одинаковаго свойства съ людьми составляющими всѣ другія части линейнаго войска.

Она различествуетъ отъ нихъ одною одеждою и названіемъ, но ничѣмъ другимъ: ни особою способностью къ наѣздамъ и поискамъ, ни особою отважностью, сноровкой и подвижностью; слѣдственно, отдѣленіе отъ главной массы такой легкой конницы на предпріятія, по неспособности ея, невѣрныя и гадательныя—есть истинное раздробленіе арміи на части и лишеніе ея силъ необходимыхъ въ генеральныхъ сраженіяхъ. Къ неспособности этой конницы на отдѣльное дѣйствіе надо присовокупить и малочисленность оной, затрудняющую пребываніе ея въ непріятельской землѣ, которой народонаселеніе въ такой враждѣ или въ явномъ противъ нея возстаніи. Все это чуждо для російской арміи. Легкая конница ея состоитъ не изъ бригадъ или дивизій, носящихъ только званіе легкаго войска, а изъ цѣлыхъ племенъ воинственныхъ всадниковъ, исключительно занимающихся наѣздами и изъ рода въ родъ

передающихъ способность свою къ сему роду дѣйствія. Конница эта никогда нейдетъ у насъ въ счетъ съ линейнымъ войскомъ для генеральныхъ сраженій и, мало полезная въ нихъ, превосходна и неподражаема въ отдѣльныхъ поискахъ.

Итакъ, потому что европейскими арміями не употребляется партизанская война отъ неимѣнія ни единого истинно легкаго всадника и отъ необходимости содержать въ общей массѣ даже и тѣхъ, кои носятъ званіе легкихъ всадниковъ, неужели и мы, обладающіе цѣлыми пародами летучихъ, неутомимыхъ и врожденныхъ наѣздниковъ, ни мало неослабляющихъ отсутствіемъ своимъ регулярную армію, неужели и мы обязаны воспретить себѣ родъ дѣйствія, для насъ столь полезный для противниковъ нашихъ столь гибельный? Если бы случилось Россіи воевать государства, у коихъ не было бы ни артиллеріи, ни конницы, неужели надлежало бы отказаться ей отъ употребленія противу нихъ и артиллеріи и конницы? Что сказали бы объ Англіи, если-бъ вздумала она заключить флотъ свой въ пристаняхъ, вмѣсто того, чтобы сражаться имъ въ открытомъ морѣ съ флотами, столь много уступающими ему и качествомъ и количествомъ? Вотъ, однако же, что дѣлала Россія въ отношеніи къ своей легкой конницѣ. Насыщенная неразрывнымъ рядомъ побѣдъ и завоеваній, пріобрѣтенныхъ усиліями однихъ линейныхъ войскъ своихъ, и потому имѣя все право избѣгать заботы въ изысканіи другого рода средствъ къ покоренію своихъ противниковъ, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служившихъ ей въ теченіе полного столѣтія. Послѣ Бородинскаго сраженія приступлено было къ испытанію этого новаго употребленія легкой конницы. Пущено нѣкоторое число казачьихъ отрядовъ на пути сообщенія непріятельской арміи: и едва отдѣлились они отъ главныхъ нашихъ силъ, какъ безмятежные дотолѣ пути сообщенія непріятеля приняли иной видъ; все обратилось на нихъ вверхъ дномъ и въ хаосъ, и несмѣтное число солдатъ и всякихъ степеней чиновниковъ, подвозовъ съ провіантомъ и съ оружіемъ, парковъ съ зарядами и даже орудій загромождили нашу главную квартиру.

Безошибочно можно сказать, что болѣе трети войска, отхваченнаго у непріятеля, и всѣ транспорты, въ нему шедшіе и доставшіеся намъ въ сей рѣшительный переломъ судьбы Россіи, принадлежатъ тѣмъ изъ казачьихъ отрядовъ, кои дѣйствовали въ тылу и на флангахъ непріятельской арміи. Если выводъ единого испытанія этого, — ибо по малочисленности партій, пущенныхъ тогда на путь сообщенія непріятеля, можно почесть это предпріятіе истиннымъ испытаніемъ, — если выводъ этотъ, говорю я, представляетъ намъ такой огромный выигрышъ при употребленіи такихъ слабыхъ средствъ, то чего не можно ожидать отъ развитія этого рода дѣйствія по размѣру, сообразному съ многочисленностью легкой конницы нашей, въ наступательныхъ войнахъ съ Европою?

Надо надѣяться, или лучше сказать, можно съ достовѣрностью ожидать, что со временемъ и эта часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною вниманія, потому что они судятъ о легкихъ войскахъ нашихъ по своимъ легкимъ войскамъ, что и эта часть, отъ бѣльшаго и бѣльшаго усовершенствованія, вскорѣ поступитъ на степень прочихъ частей военной силы государства.

Огромна наша мать Россія! Изобиліе средствъ ея дорого уже стоитъ многимъ народамъ, посягавшимъ на ея честь и существованіе; но не знаютъ еще они всѣхъ слоевъ лавы, покоящихся на днѣ ея. Одинъ изъ сихъ слоевъ состоитъ, безъ сомнѣнія, изъ полудикихъ и воинственныхъ народовъ, населяющихъ всю часть Имперіи, лежащую между Днѣпра, Дона, Кубани, Терека и верховьевъ Урала, и коихъ поголовное ополченіе можетъ выставить въ поле сто, полтораста, двѣсти тысячъ природныхъ наѣздниковъ. Единое мановеніе царя нашего, и застонуть поля непріятелей подъ копытами сей свирѣпой, неустомимо подвижной конницы, предводимой просвѣщенными чиновниками регулярной арміи! Не разрушится ли, не развѣется ли, не снесется ли прахомъ съ лица земли все, что ни повстрѣчается, живого и неживого, на широкомъ пути урагана, направленнаго въ тылъ непріятельской арміи, занятой въ то же время борьбою съ милліонною нашею

арміей, первою въ мірѣ по своей храбрости, дисциплинѣ и устройству?

Еще Россія не подымалась во весь исполинскій ростъ свой, и горе ея непріателямъ, если она когда-нибудь подыметя!

«Современникъ» 1836 г., т. III.—Въ изданіи 1860 г. эта статья напечатана въ сокращенной и исправленной редакціи и составляетъ «Вступленіе» къ «Опыту теоріи партизанскихъ дѣйствій» съ слѣдующимъ эпиграфомъ: «Je ne suis qu'un soldat et je n'ai bue du zèle».

ХІІІ.

Морозъ ли истребилъ французскую армію

въ 1812 году?

(Посвящается графу Карлу Ѳедоровичу Толю).

Два отшиба потрясли до основанія власть и господствованіе Наполеона, казавшіяся непоколебимыми. Отшибы эти были произведены двумя народами, обитающими на двухъ оконечностяхъ завоеванной и поращенной имъ Европы: Испаніею и Россіею.

Первая—противуставшая французамъ безъ союзниковъ и безъ Наполеона, потрясла налагаемое на нее иго при помощи огромныхъ денежныхъ капиталовъ и многочисленной арміи союзной съ нею Англіи. Послѣдняя, принявшая на свой щитъ удары того французскаго ополченія, но усиленнаго возставшимъ на нее всѣмъ Западомъ, которымъ предводительствовалъ и управлялъ самъ Наполеонъ,—достигла того же предмета безъ всякихъ иныхъ союзниковъ, кромѣ оскорбленной народной гордости и пламенной любви къ отечеству. Однако жъ всѣ уста, всѣ журналы, всѣ историческія произведенія эпохи нашей, превознесли и не перестаютъ превозносить самоотверженіе и великодушныя усилія испанской націи, а о подобномъ самоотверженіи, о подобномъ же усиліи русскаго народа нисколько не упоминаютъ; они, въ добавокъ, уничтожаютъ ихъ

разглашеніемъ, будто всѣ удачи произошли отъ одной суровости зимняго времени, неожиданно наступившаго въ необыкновенный срокъ года.

Двадцать-два года продолжается это разглашеніе между современниками, и двадцать-два года готовится передача его потомству посредствомъ книгопечатанія. Всѣ враги Россіи, всѣ союзники Франціи, въ послѣдствіи предательски на нее возставшіе, но въ неудачномъ вмѣстѣ съ нею покушеніи противъ насъ вмѣстѣ съ нею же раздѣлявшіе стыдъ неудачнаго покушенія, неутомимо хлопотали и хлопочуть о распространеніи и укорененіи въ общемъ мнѣніи этой ложной причины торжества нашего.

Должно однако замѣтить, что не въ Германіи, а во Франціи возникъ первый зародышъ этого нелѣпаго разглашенія;— и не могло быть иначе. Надутая двадцати-лѣтними побѣдами, завоеваніями и владычествомъ надъ европейскими государствами, могла ли Франція простить тому изъ нихъ, которое безъ малѣйшей посторонней помощи и въ такое короткое время отстояло независимость свою не только отраженіемъ отъ себя, но и поглощеніемъ въ нѣдрахъ своихъ всей европейской орды, ей принадлежавшей, ополчившейся съ нею подъ предводительствомъ величайшаго генія вѣковъ и міра? Этой ли націи, исполненной самолюбія и самохвальства, преслѣдуемой порицаніями и, что еще чувствительнѣе, карриатурами и насмѣшками, болѣе всего для нея несносными, можно ли было ей признаться въ истинной причинѣ несостоятельности своей въ обѣщаніяхъ славы и добычи увлеченнымъ ею государствамъ? И когда! когда, обладая монополією словесности, проникающей во всѣ четыре части свѣта, завоеванныя ея нарѣчіемъ, справедливо почитаемымъ общимъ нарѣчіемъ нашего вѣка, она болѣе другихъ народовъ могла ввести въ заблужденіе и современниковъ и потомство на счетъ событія, столь жестоко омрачившаго честь ея оружія, столь насильственно ниспровергнувшаго призрака ея непобѣдимости! Будемъ справедливы; какая нація рѣшилась бы на пожертвованіе такого преимущества? какая нація, напротивъ, не успливалась бы поддержать свой кредитъ

въ общемъ мнѣніи, и славы своего оружія, потрясенныхъ столь неожиданнымъ ударомъ?

Франція не пренебрегла этимъ преимуществомъ и поступила похвально; священнѣйшій долгъ всякаго народа состоитъ въ томъ, чтобы дорожить своимъ достоинствомъ, спасти и защищать всѣми мѣрами, всѣми средствами нравственное бытіе свое, неразрывно сопряженное съ его вещественнымъ существованіемъ. Но похвально ли для нѣкоторыхъ изъ насъ, еще болѣе для тѣхъ изъ насъ русскихъ, которые, бывъ свидѣтелями, даже дѣятелями въ этомъ великомъ подвигѣ, знаютъ истинную причину гибели нахлынувшихъ на насъ полчищъ, — похвально ли имъ повторять чужой вымыселъ, для того только, чтобы не отстать отъ моднаго мнѣнія, какъ не отстаютъ они отъ покроя фраковъ, или повязки галстуковъ, изобрѣтенныхъ и носимыхъ въ Парижѣ? И пусть бы разглашали это городскіе господчики или маменькины сынки, которымъ извѣстенъ лишь огонь восковыхъ свѣчъ и кенкетовъ, да запахъ пороху на фейерверкахъ. Словамъ, произносимымъ подобными устами, награда извѣстна. Но грустно слышать эти же слова отъ тѣхъ самыхъ людей, которымъ знакомы и чугунъ, и свинецъ, и желѣзное остріе, какъ хлѣбъ насущный. Грустно слышать, что тѣ, которые въ моихъ глазахъ подвергали опасности покой, здоровье и жизнь свою на войнѣ Отечественной, приписываютъ теперь блистательный исходъ ея одной лишь причинѣ, приводимой ея врагами, противъ которыхъ они такъ неустрашимо и ревностно тогда подвизались; они, въ угожденіе имъ, жертвуютъ собственными трудами, подвигами, ранами, торжествомъ и славою Россіи, — какъ будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опровергъ въ изданной мною нѣкогда особой статьѣ ¹⁾ ложное показаніе Наполеона, будто въ кампаніи 1812 года легкія войска наши не нанесли ни малѣйшаго вреда его арміи. Теперь приступаю къ другому вопросу, къ опроверженію того, будто „армія

¹⁾ Разборъ трехъ статей Наполеона.

Наполеона погибла единственно отъ стужи, настигшей неожиданно въ необыкновенное время года“, а не отъ другихъ обстоятельствъ; будто она погибла:

Во-первыхъ, не отъ искуснаго занятія нашей арміею Тарутинской позиціи, прикрывавшей хлѣбороднѣйшія губерніи, и въ то же время угрожавшей единственному пути непріятельскаго сообщенія; позиціи, на которой князь Кутузовъ, обѣщаніемъ мира, успѣлъ усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно было ему для возрожденія нашей арміи.

Во-вторыхъ, не отъ заслоненія Калужскаго пути при Малоярославцѣ, чѣмъ принудилъ онъ Наполеона обратиться на Смоленскій путь, опустошенный и безпріютный.

Въ третьихъ, не отъ фланговаго марша арміи отъ Тарутина до Березины, прикрывавшаго, подобно Тарутинской позиціи, всѣ жизненные и боевые наши подвозы, которые шли къ намъ изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожавшаго заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную непріателемъ, при малѣйшемъ его замедленіи.

Въ четвертыхъ, не отъ усилій, трудовъ и храбрости нашихъ войскъ, разстроившихъ единство непріятельской арміи при Малоярославцѣ, Вязьмѣ и Красномъ.

Въ пятыхъ, не отъ чудеснаго соединенія, почти въ опредѣленный день у Борисова на Березинѣ, трехъ армій, пришедшихъ одна изъ-подъ Москвы, другая изъ Финляндіи и отъ Пскова, третья изъ Молдавіи и Волыни.

Въ шестыхъ, не отъ истребленія подвозовъ и фуражировъ нашими партіями и не отъ изнуренія непріятельской арміи ежечасными, денными и почными тревогами и наѣздами нашихъ партій, которыя тѣснили ее, какъ въ ящикѣ, отъ Москвы до Нѣмана, не позволяя ни одному солдату отлучаться на шагъ отъ большой дороги, для отысканія себѣ пищи или убѣжища отъ стужи.

Въ седьмыхъ наконецъ, будто армія эта погибла не отъ неусыпнаго надзора надъ нею тѣхъ же партій, отъ чего каждое движеніе малѣйшей ея части было тотчасъ извѣстно нашему главнокомандующему и встрѣчало противодѣйствіе.

Я уже изложилъ въ „Опытъ партизанскаго дѣйствія“ мнѣніе мое на этотъ счетъ: здѣсь представлю мнѣніе иностранныхъ писателей, охлажденное временемъ и, слѣдовательно, нѣсколько очищенное отъ того отвратительнаго пристрастія, которымъ ознаменованы всѣ произведенія ихъ, касающіяся военныхъ подвиговъ французской арміи.

Начнемъ съ господина Коха ¹⁾. Онъ говоритъ:

„Вообще точность замѣчаній генерала Гурго достойна похвалъ; но пристрастіе къ Наполеону увлекаетъ его къ защитѣ мнѣній, совершенно ложныхъ. Таково, напримѣръ, увѣреніе его, что одна стужа причиною злополучія французской арміи. Во время похода отъ Смоленска до Орши, стужа во всѣ четыре дня была слабѣе, нежели въ 1795 году, когда сѣверная армія перешла по льду Вааль и овладѣла голландскимъ флотомъ въ Зюйдерзе; слабѣе, нежели въ 1807 году, когда огромныя толпы конницы неоднократно наскоками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озерахъ. Слѣдственно, если, по собственному расчету генерала Гурго, французская армія состояла только изъ сорока-пяти тысячъ дѣйствовавшего войска, по прибытіи ея на берега Березины, то должно искать иныхъ причинъ ея уменьшенію. Онѣ, какъ кажется, состоятъ въ недостаткѣ распорядительности относительно продовольствія“.

Но тотъ самый Гурго, на котораго возстаетъ господинъ Кохъ за то, что онъ всѣ бѣдствія французской арміи приписываетъ одной стужѣ, самъ себѣ противорѣчитъ, говоря слѣдующее ²⁾:

„Въ это время, 22-го октября (3-го ноября нов. ст.), то-есть, на обратномъ пути около Вязьмы, французская армія не была еще въ томъ безпорядкѣ и развратномъ положеніи, въ какомъ французскій историкъ старается показать ее. До 25-го октября, то-есть, на обратномъ пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа гораздо умѣреннѣе той, кото-

¹⁾ Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

²⁾ Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

рую мы переносили во время кампаніи въ Пруссіи и въ Польшѣ въ 1807 году и даже въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе зимней кампаніи 1808 года, подъ предводительствомъ самого императора. Октября 25-го, на обратномъ пути около Дорогобужа, корпуса арміи еще находились въ устройствѣ; они были составлены изъ дивизій, бригадъ и полковъ, хотя уронъ, понесенный ими въ походѣ, много убавилъ числительную силу ихъ. Господинъ придворный чиновникъ (графъ Сегюръ) ошибается еще въ томъ, будто бы въ Оршѣ безпорядокъ въ арміи умножился: напротивъ, найденные въ Оршѣ запасы розданы были войскамъ, а оттепель, послѣ сильныхъ морозовъ, сдѣлала биваки сносными. Что касается до сильной стужи, то мѣру ея опредѣлить можно тѣмъ, что Березина не была еще покрыта льдомъ, во время переправы чрезъ нее“.

Господинъ Шамбре представляетъ намъ слѣдующія измѣненія термометра ¹⁾:

„Октября 15-го ст. ст. четыре градуса стужи“. (Это было на обратномъ пути отъ Малоярославца).

„Октября 23-го, снѣгъ, слѣдственно стужа умѣренная“. (Это было на обратномъ пути изъ Вязьмы).

„Октября 24-го, снѣгъ продолжается“. (Это на обратномъ пути между Вязмою и Дорогобужемъ).

„Октября 25-го, снѣгъ сильнѣе съ вѣтромъ, слѣдственно немного холоднѣе, чѣмъ наканунѣ“. (Это было тамъ же и уже около Дорогобужа).

„Октября 28-го, двѣнадцать градусовъ стужи“. (Это было на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ).

„Октября 31-го и ноября 1-го, семнадцать градусовъ стужи“. (Это было на обратномъ пути въ Смоленскъ).

„Ноября 2-го, стужа гораздо слабѣе“. (Это было на обратномъ пути, по выступленіи изъ Смоленска къ Красному).

„Ноября 6-го, оттепель“. (Это было на обратномъ пути между Краснымъ и Оршею).

¹⁾ Histoire de l'expédition de Russie par M*** (Chambray). Tome III.

„Ноября 12-го, оттепель прекращается“. (Это было на обратномъ пути между Оршею и Борисовымъ).

„Не одна стужа разстроила и истребила французскую армію, потому что второй и девятый корпуса сохранили совершенный порядокъ, не взирая на то, что терпѣли такую же стужу, какъ и главная армія. Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войска отъ Москвы до перваго снѣга, была болѣе полезна, нежели гибельна. Главныя причины злополучія, постигшаго нашу армію, были во-первыхъ голодъ, потомъ непрерывные переходы и кочевья, и наконецъ уже стужа, когда она была сопряжена со снѣгомъ. Что касается до лошадей, то, сытые, онѣ весьма легко переносятъ стужу, сколь она ни жестока. Онѣ гибли не отъ нея, а отъ голоду и усталости.

„Я уже сказалъ, и еще повторяю: сытые лошади переносятъ кочевья безъ затрудненія, какъ бы стужа ни была велика. Итакъ, не стужа погубила лошадей французской арміи, и ихъ пало не до тридцати тысячъ въ одну ночь, какъ сказано въ одномъ изъ бюллетеней. Самая жестокая стужа, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, продолжалась отъ 28-го октября до 1-го ноября, ст. ст., то-есть, на обратномъ пути между Дорогобужемъ и Смоленскомъ.

Самъ Наполеонъ говоритъ ¹⁾: „Еще три дня хорошей погоды, и армія совершила бы въ устройствѣ отступленіе свое“.

Генераль Жоини, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи ²⁾, заставляеть говорить Наполеона: „Главныя причины неудачи предпріятія на Россію относили къ ранней и чрезмѣрной стужѣ; всѣ мои приверженцы повторяютъ эти слова до пресыщенія. Это совершенно ложно. Какъ подумать, чтобы я не зналъ о срокѣ этого ежегоднаго явленія въ Россіи! Не только зима наступила не ранѣе обыкновеннаго, но приходъ ея 26-го октября, ст. ст., былъ позже, нежели какъ это ежегодно случается. Стужа не была чрезмѣрна, потому что до

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page. 113.

²⁾ Vie politique et militaire de Napoléon. Tome IV.

Краснаго она измѣнялась отъ трехъ до восьми градусовъ, а 8-го ноября наступила оттепель, которая продолжалась до самаго прибытія нашего къ берегамъ Березины: одинъ только день пѣхота могла переходить по льду чрезъ Днѣпръ, и то до вечера; вечеромъ оттепель снова испортила переправу.

„Стужа эта не превышала стужи Эйлауской кампаніи: въ послѣдней громады конницы носились по озерамъ, покрытымъ льдомъ, и въ эту эпоху рѣка была такъ сильно имъ схвачена, что могла бы поднять цѣлую армію съ артиллеріею. Но при Эйлау армія моя не разстроилась, потому что была въ краѣ изобильномъ, и что я могъ удовлетворять всѣмъ ея нуждамъ. Совсѣмъ противное произошло въ 1812 году: недостатокъ въ пищѣ и во всемъ необходимомъ произвелъ разбродъ войска; многочисленныя колонны наши обратились въ буйную сволочь, въ которой солдаты разныхъ полковъ были чужды одинъ другому. Чтобы собраться и распутаться, намъ надлежало остановиться дней на восемь въ укрѣпленномъ лагерѣ, снабженномъ огромными магазинами.

„Въ Смоленскѣ этого нельзя было сдѣлать, и мы должны были погибнуть: потому что оттуда до Вислы не было уже мѣста, довольно безопаснаго для пристанища, а у Вислы армія уже не существовала. Я прибылъ въ Смоленскъ 28-го октября, ст. ст. Вся армія собралась 1-го ноября. Она во всемъ нуждалась. Спѣша къ Смоленску, какъ къ землѣ обѣтованной, какъ къ предѣлу своего злополучія, что обрѣла она тамъ? Обрушенные дома, заваленные больными, умирающими, и пустые магазины! Двухмѣсячное пребываніе корпуса маршала Виктора вокругъ города, гарнизонъ, пятнадцать тысячъ больныхъ и раненыхъ и проходившія команды издерживали въ сутки по 60000 раціоновъ.

„Армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая на себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа была достаточно, чтобы ее частью разстроить“.

Въ примѣчаніи сказано: „Стужа во время кампаніи въ Голландіи въ 1795 году и въ Эйлаускую кампанію въ 1807 году была сильнѣе той, которая продолжалась отъ Москвы

до Березины. Но въ этихъ двухъ кампаніяхъ войска получали пищу, вино и водку, и не каждыя сутки, какъ въ послѣдней кампаніи, кочевали голодными, съ увѣренностью, что завтра будетъ хуже.

„Такъ какъ уже извѣстно, что стужа до Березины была умѣреннѣе, а при всемъ томъ, по прибытіи къ берегамъ этой рѣки у насъ осталось не болѣе пятидесяти тысячъ изъ трехъ сотъ, которыя я привелъ на берега Двины и въ Москву, то должны быть другія причины столь ужасному злополучію.

„Не въ пользу мою дѣйствуютъ тѣ, которые порочатъ моихъ противниковъ и унижаютъ ихъ подвиги. Они вмѣстѣ съ тѣмъ унижаютъ и мою славу и славу французской арміи, состоящую въ преодолѣніи преградъ неожиданныхъ. Какъ бы то ни было, никто не похититъ у русскихъ, что, не взирая на разрывъ ихъ линіи, при первомъ шагѣ моего вторженія, они умѣли избѣгнуть пораженія и отступить тысячу-двѣсти верстъ, сохранивъ все тяжести и не оставивъ намъ ни одного трофея. Если-бъ мы творили одни чудеса, а непріатели наши однѣ ошибки: то какъ Барклай и Багратионъ, выступившіе одинъ изъ Дриссы, другой изъ Слонима, и отдѣленные одинъ отъ другаго тремя-стами тысячами моего войска, — какъ могли бы они соединиться наперекоръ моему старанію не давать имъ соединиться? Какъ Витгенштейнъ, начальствовавшій надъ корпусомъ, въ половину малочисленнѣе трехъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ противъ него, могъ бы сохранить угрожающую осанку въ теченіе всей кампаніи? Не менѣе сверхъестественно было бы и то, чтобъ, при непрестанныхъ промахахъ, армія, разстроенная подъ Бородинымъ, могла явиться въ назначенный часъ подъ Краснымъ и схватиться грудъ съ грудью съ нашей арміею, какъ это и случилось. Наконецъ, могъ ли непріатель, если бы онъ не обладалъ ни военными качествами, ни дарованіями, и при началѣ кампаніи раздѣленный и раздробленный на части, — могъ ли бы онъ сообразить и исполнить наступательное соединеніе обоихъ крылъ и средины арміи своей при Березинѣ, и къ самой рѣшительной эпохѣ привести изъ

Финляндіи и отъ береговъ Прута войска, долженствовавшія оспаривать намъ переправу?

„Безъ сомнѣнія, ему вспомоществовали обстоятельства, а противъ меня возстало все то, что ему благопріятствовало; но надо быть чрезъ мѣру ненавистливымъ, чрезъ мѣру несправедливымъ, чтобы порицать то, что достойно похвалъ и подражанія.

„Конечно, русскіе дѣйствовали не безъ ошибокъ. Главнѣйшія суть: начальное размѣщеніе силъ на границѣ, направленіе къ Дриссѣ и образъ отступленія отъ Смоленска; дознано также, что Кутузовъ могъ бы сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, и будь я на его мѣстѣ,—я бы вѣрно не упустилъ случая истребить армію, возвращавшуюся изъ Москвы; но, не смотря на излишнюю его осторожность, должно признаться, что онъ далъ искусное направленіе движеніямъ своей арміи.

„Смѣшно увѣрять, будто русскіе совершенно были чужды въ нашемъ злополучіи. Правда, этому злополучію причиною не генеральныя сраженія, выигранныя у насъ нашими противниками; но какъ не согласиться въ томъ, что ему способствовало пламенное рвеніе арміи, правительства, народа и генераловъ, ознаменованное особенно во второй части кампаніи? Высокопарныя ругательства могутъ имѣть временное вліяніе на чернь и людей несмыслящихъ: истина господствуетъ надъ вѣками!“

Заклучимъ выписки эти извлеченіемъ изъ извѣстнаго сочиненія сэра Вальтера Скотта ¹⁾:

„Причины такого ужаснаго событія скрывались въ ложныхъ разчетахъ, которые зародились при первыхъ мысляхъ объ этомъ предпріятіи и сдѣлались очевидными при первомъ шагѣ къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. Мы знаемъ, что такой способъ смотрѣть на предметъ не во вкусъ обожателей Наполеона. Вѣря безусловно словамъ, которыя онъ самъ распространилъ, они почитаютъ, что ихъ герой могъ быть побѣжденъ только стихіями. Объ этомъ объявлено и въ двадцать-

¹⁾ Vie de Napoléon Bonaparte, par Sir Walter Scott. Tome IV.

девятомъ бюллетенѣ: „До 25-го октября, ст. ст., говорятъ тамъ, успѣхи его были одинаковы, но выпавшій тогда снѣгъ, въ шесть дней разстроилъ духъ его арміи, отнялъ мужество у солдатъ его и, ободривъ презрительныхъ казаковъ, лишилъ французовъ артиллеріи, фуража и кавалеріи, и повергъ ихъ, хотя русскіе мало тому способствовали, въ то жалкое положеніе, въ какомъ они вступили въ Польшу!“ Наполеонъ никогда не выходилъ изъ этого увѣренія, и это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, отъ которыхъ восторженные его обожатели отступаютъ съ крайнимъ нежеланіемъ. Но прежде, нежели согласиться съ ихъ мнѣніемъ, надобно рѣшить три вопроса: первый, обыкновенное паденіе снѣга, или походъ чрезъ страну, покрытую снѣгомъ, должны ли непременно сами по себѣ причинить всѣ тѣ бѣдствія, которыя французы имъ приписываютъ? Второй, возможность такого происшествія не должна ли была входить въ расчеты Наполеона? Третій, паденіе ли снѣга, какъ бы впрочемъ оно чрезмѣрно не было, причиною разстройства арміи Бонапарте, или вліяніе климата благопріятствовало скорѣйшему развитію многихъ другихъ причинъ ея гибели,—причинъ, неразлучныхъ съ этимъ походомъ при самомъ его зарожденіи и уже дѣйствовавшихъ до суровой зимы?

„Безполезно распространяться на счетъ перваго вопроса. Паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основанія отступающую армію; безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ слабые солдаты должны погибнуть; но цѣлой арміи удобнѣе производить движенія зимою, нежели въ дождливую погоду“.

Тутъ знаменитый авторъ представляетъ нѣкоторыя удобства для военнаго дѣйствія зимою, вознаграждающія до нѣкоторой степени нужды, причиняемыя суровостью времени.

„Перейдемъ ко второму вопросу. Если морозъ и снѣгъ въ Россіи суть бѣдствія непреодолимые, могущія уничтожать цѣлыя арміи: то какъ же эти обстоятельства не вошли въ расчеты генерала, столь знаменитаго, предпринявшаго столь огромное дѣло? Развѣ въ Россіи никогда не идетъ снѣгъ?

Развѣ морозы въ ноябрѣ мѣсяцѣ тамъ рѣдкое явленіе? Говорятъ, что морозы начались ранѣе обыкновеннаго: мы увѣрены, что это оправданіе не имѣетъ никакого основанія; но во всякомъ случаѣ, въ высшей степени безразсудно подвергать сохраненіе и цѣлость арміи, столь многочисленной и употребленной на такое важное предпріятіе, зависимости отъ мороза, могущаго появиться нѣсколькими днями ранѣе или позднѣе.

„Дѣло въ томъ, что Наполеонъ предвидѣлъ, что въ октябрѣ настанетъ стужа, такъ какъ онъ въ іюлѣ предвидѣлъ необходимость собрать съѣстные припасы, достаточные для продовольствія своей арміи; но, увлеченный нетерпѣніемъ, онъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не принялъ мѣръ, для преодоленія голода и стужи, которые предвидѣлъ.

„Въ двадцать-второмъ бюллетенѣ сказано: „Можно ожидать, что Москва-рѣка и прочія рѣки Россіи замерзнутъ въ половинѣ ноября“. Это должно было приготовить императора къ снѣгу и къ началу морозовъ пятыю или шестью днями ранѣе.

„Въ двадцать-пятомъ бюллетенѣ признана необходимость зимнихъ квартиръ и изображенъ императоръ, самодовольно осматривающій вокругъ себя, гдѣ бы ему избрать квартиры: на югѣ ли Россіи или во владѣніяхъ преданной ему Польши. „Время прекрасное, говоритъ бюллетень; но должно ожидать холода въ первыхъ числахъ ноября и, слѣдственно, должно заботиться о зимнихъ квартирахъ: особенно кавалерія имѣетъ въ нихъ нужду“. Невозможно, чтобы тотъ, предъ глазами котораго составлялись эти бюллетени, или тотъ, кто составлялъ ихъ, былъ бы самъ изумленъ паденіемъ снѣга 6-го ноября: это такое событіе, вѣроятность котораго была предвидима, но противъ котораго не было принято мѣръ предосторожности“.

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, что начальство забыло перековать лошадей и запасти подковами.

„Въ третьихъ, хотя, безъ сомнѣнія, суровость погоды значительно умножала бѣдствія и потери арміи, имѣвшей недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ одеждѣ и подверга-

вшейся всякаго рода нуждамъ; однако жъ она не была первою и ни съ какой точки зрѣнія главнѣйшею причиною этихъ бѣдствій. Читатель долженъ припомнить походъ чрезъ Литву: Наполеонъ, не бывъ разбитъ ни разу, потерялъ десять тысячъ лошадей и около ста тысячъ людей уже тогда, когда онъ проходилъ страною дружелюбною. Развѣ эта потеря въ іюнѣ и въ іюлѣ причинена раннимъ снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, выпавшій 6-го ноября? Совсѣмъ нѣтъ: причину этому находятъ, какъ говоритъ бюллетень, въ неизвѣстности, томленіи, маршахъ и контръ-маршахъ войскъ, ихъ усталости, нуждахъ, кои они терпѣли, словомъ, въ той системѣ усиленныхъ переходовъ, которая впрочемъ не доставила Наполеону никакой существенной выгоды; она всегда стоила ему около четвертой части арміи, прежде нежели она достигала до поля сраженія ¹⁾. Если предположить, что онъ оставилъ на обоихъ флангахъ и позади себя силу во сто-двадцать тысячъ человекъ, подъ командою Макдональда, Шварценберга, Удино и другихъ военачальниковъ, и началъ настоящее вторженіе въ Россію съ двумястами тысячами, то половина этой значительной силы погибла до прибытія его въ Москву, въ которую онъ вступилъ лишь съ сотнею тысячъ человекъ. Усталость погубила множество людей, битвы и госпитали поглотили остальныхъ. Наконецъ Наполеонъ покидаетъ Москву 7-го октября, ст. ст., какъ городъ, гдѣ ему нельзя уже было оставаться, хотя выступленіе оттуда, какъ онъ самъ предвидѣлъ, было сопряжено съ значительными затрудненіями. Тогда находилось подъ его начальствомъ около 120000 человекъ. Армія его была усилена до этого числа присоединеніемъ къ ней оправившихся послѣ болѣзни бродягъ и командъ, прибывшихъ изъ резервовъ. Онъ вступилъ въ сраженіе безполезное, хотя и съ честью выдержанное, при Малоярославцѣ; но, не успѣвъ проложить себѣ дороги къ Калугѣ и Тулѣ, онъ былъ принужденъ бѣжать чрезъ Бородино по разграбленной и опустошенной Смоленской дорогѣ. На этомъ пути онъ

¹⁾ Мнѣніе совершенно ложное.

далъ сраженіе подъ Вязмою, въ которомъ потеря французовъ была весьма значительна; его колонны были безпрестанно тревожимы казаками, и онъ лишился плѣнными многихъ тысячъ. Два сраженія столь кровопролитныя, не считая притомъ пораженія Мюрата и безпрестанно возобновляемыя стычки, стоили французамъ убитыми и ранеными (ибо каждый раненый былъ уже бесполезнымъ для Наполеона) по крайней мѣрѣ 25000 человекъ. Наконецъ, наступило 25-е октября. До этого дня еще не видали блока снѣгу, который въ самомъ дѣлѣ пошелъ лишь тогда, когда Наполеонъ испыталъ большую часть бѣдствій, потому что въ то время фланги его и резервъ уже выдерживали жестокія сраженія и понесли большіе уронъ, не получивъ никакой существенной выгоды. Такимъ образомъ почти три четверти арміи, которую онъ привелъ въ Россію, были сокрушены, а оставшая четвертая часть была приведена въ жалкій безпорядокъ еще до снѣга, которому онъ потомъ приписалъ неудачу свою.

„Конечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, тогда нужды и потери французской арміи еще болѣе умножились; но зима была только союзницею русскихъ, а не такъ какъ тогда думали—единственною ихъ защитницею: отступление наполеоновой арміи совершилось подъ остріями казачьихъ пикъ, прежде нежели морозы съвера понудили ее къ отступленію“.

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ можно заключить слѣдующее: Непріятельская армія, выступивъ изъ Москвы 7-го октября, ст. ст., двигалась при хорошей погодѣ, по словамъ Шамбре и Жюмини, до 28-го октября, то-есть, двадцать-однѣ сутки, а по словамъ Гурго до 25-го октября, то-есть, восемнадцать сутокъ. Но съ этого времени армія въ теченіе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбре, Жюмини и самого Наполеона, или въ теченіе пяти сутокъ по словамъ Гурго, терпѣла стужу, которая, по наблюденію Шамбре, простиралась отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ, а по словамъ Жюмини, отъ трехъ до восьми градусовъ. Далѣе, всѣ писатели соглашаются уже въ томъ, что во время переходовъ французской арміи отъ Смоленска до Орши, стужа весьма уменьшилась, и если

позволено мнѣ прибѣгнуть къ моей собственной памяти, то смѣло могу увѣрить, что тогда морозы простирались отъ двухъ до четырехъ градусовъ. Наконецъ Шамбре, Гурго и Жюмини соглашаются въ томъ, что отъ Орши до Березины продолжалась оттепель. Послѣдній упоминаетъ даже объ опасности, коей подвергались при переправѣ чрезъ Днѣпръ подъ Оршею 8-го ноября; а мы помнимъ, что, при переходѣ чрезъ эту рѣку корпуса Нея, при Гусиновѣ, большая часть его тяжестей и нѣкоторая часть войска этого отряда провалилась и погибла.

Итакъ, во все время слѣдованія французской арміи отъ Москвы до Березины, то-есть, въ теченіе двадцати-шести дней, стужа, хотя и не чрезвычайная (отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ), продолжалась не болѣе трехъ сутокъ, по словамъ Шамбре, Жюмини и Наполеона, или пяти сутокъ, по словамъ Гурго.

Между тѣмъ французская армія, при выступленіи своемъ изъ Москвы, состояла, по списку французскаго главнаго штаба, отбитому нами во время преслѣдованія, изъ 110000 человекъ свѣжаго войска, а по словамъ всѣхъ историковъ кампаніи, представляла только 45000 по прибытіи своемъ къ берегамъ Березины. Какъ же подумать, чтобы сто-десяти-тысячная армія могла лишиться шестидесяти-пяти тысячъ человекъ вслѣдствіе трехъ или пяти суточныхъ морозовъ, тогда какъ гораздо сильнѣйшіе морозы въ 1795 году въ Голландіи, въ 1807 году во время Эйлауской кампаніи, продолжавшіеся около двухъ мѣсяцевъ сряду, и въ 1808 въ Испаніи среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе всей зимней кампаніи, не разрушали единства и устройства ея?

Все это приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что не стужа, а другое обстоятельство было причиною гибели сего гигантскаго ополченія.

Читая представленныя мною выписки, можно ясно видѣть, что всѣ историки кампаніи согласны въ отысканіи истинныхъ причинъ событія. Они полагаютъ, что эти причины состоятъ: во-первыхъ, въ голодѣ, который терпѣла французская армія;

во-вторыхъ, въ непрерывныхъ, усиленныхъ переходахъ и въ третьихъ, въ кочевьѣ подъ открытымъ небомъ.

Соглашаясь отчасти съ ними, я предлагаю вопросъ: что обыкновенно производитъ голодъ въ арміи по безлюдному или опустошенному краю, безъ обозовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, или, какъ технически ихъ называютъ, безъ подвижныхъ магазиновъ?

Казалось, что это двойное несчастіе не должно было угрожать французской арміи, потому что, при выступленіи ея изъ Москвы, она, по словамъ самого Наполеона, несла на себѣ и везла съ собою на двадцать дней провіанта ¹⁾. Сверхъ того, какъ всеѣмъ извѣстно, она имѣла намѣреніе и напрягала все усилія, чтобы, прибывъ прежде насъ чрезъ Малоярославецъ въ Калугу, двигаться оттуда на Юхновъ и Рославль къ Днѣпру, по краю, изобилующему съѣстными припасами, и быть преслѣдуемой нашею арміею съ тылу, а не съ боку, какъ это случилось.

Такимъ образомъ французская армія не имѣла бы никогда недостатка въ пищѣ; переходы ея могли бы быть совершаемы безъ поспѣшности, потому что никто не угрожалъ бы пресѣченіемъ ея пути отступленія, и подъ прикрытіемъ сильнаго аррьергарда, котораго войска смѣнялись бы чрезъ нѣсколько дней свѣжими войсками; она была бы въ возможности безпрепятственно располагать на квартиры, если не все свои корпуса, то, по крайней мѣрѣ, большую часть ихъ, что доставило бы покой ея войскамъ на ночлегахъ и укрыло бы ихъ отъ непогоды. Уже снабженная, какъ я выше сказалъ, на двадцать дней провіантомъ, скрытно обогнувшая оконечность лѣваго фланга нашихъ войскъ, занимавшихъ Тарутинскую позицію, французская армія достигла почти той точки, отъ которой можно было ей отступать, не будучи никѣмъ тревожима и имѣя все въ изобиліи. Вдругъ партизанъ Сеславинъ выхватываетъ солдата изъ колоннъ главной французской арміи, даетъ о томъ знать Ермолову, находившемуся съ корпусомъ Дохту-

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page. 113.

рова въ Аристовѣ; тотъ немедленно извѣщаетъ Кутузова и самъ спѣшитъ занять Малоярославецъ до его прибытія; Кутузовъ со всею арміею летитъ отъ Тарутина туда же и заслоняетъ Наполеону Калужскій путь, и такимъ образомъ, не допустивъ его до изобильнаго края, по которому онъ намѣревался слѣдовать, принуждаетъ его предпринять отступленіе по пути, уже опустошенному. Хотя при французской арміи находилось еще на двадцать дней пищи, но и это вспомогательное средство вскорѣ исчезло. Кутузовъ бросаетъ вслѣдъ за нею всю свою легкую конницу, и въ трое сутокъ не остается у непріятеля ни одной подводы съ провіантомъ. Наконецъ представляется послѣдній способъ къ прокормленію арміи: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ опустошеннаго пути, по которому прошла она лѣтомъ, находились еще деревни, не совершенно ограбленныя; онѣ могли бы снабдить ее хотя малымъ количествомъ пищи. Но и на фуражированіе въ этихъ деревняхъ нельзя было ей отважиться съ тѣхъ поръ, какъ многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмѣливалось отдѣляться на одинъ шагъ отъ большой дороги. И вотъ французская армія слѣдуетъ по пути опустошенному, безъ обозовъ, наполненныхъ пищею, и не смѣетъ посылать фуражировъ въ придорожныя деревни. Что жъ этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутинѣ, заслоненіе Калужской дороги при Малоярославцѣ, отстраненіе непріятельской арміи отъ края, изобилующаго съѣстными припасами, необходимость итти по разоренному Смоленскому пути, овладѣніе непріятельскихъ обозовъ съ пищею нашей легкой конницей, которая, окруживъ французскія колонны отъ Малоярославца до Нѣмана, не позволяла ни одному солдату отлучиться отъ большой дороги для отысканія себѣ пищи и пріюта.

Въ такомъ положеніи Наполеону необходимо было спѣшить къ магазинамъ своимъ, въ Литвѣ расположеннымъ; но какъ спѣшить съ войскомъ, которое не могло подкрѣпить себя послѣ cadaго перехода и потому съ каждымъ днемъ становилось неспособнѣе къ перенесенію физическихъ трудовъ? Какъ

было, между тѣмъ, и медлить для отдохновенія, или дѣлать короткіе переходы? Отдохновенія, сколько бы они ни были продолжительны, переходы, сколько бы коротки они ни были, не могли безъ пищи подкрѣплять человѣка голоднаго! Къ тому жъ и здѣсь выказывается превосходство фланговаго марша Кутузова: чѣмъ продолжительнѣе были бы привалы и стоянки непріятеля, чѣмъ переходы его были бы короче, и словомъ, чѣмъ медленнѣе происходило бы движеніе до Литвы, тѣмъ Кутузовъ, слѣдуя съ своею арміею параллельно французской по краю изобильному и еще неприкосновенному, по которому въ началѣ намѣревался слѣдовать Наполеонъ, могъ бы, опередивъ его болѣе и болѣе, угрожать заслоненіемъ единственнаго пути отступленія по Смоленской дорогѣ. Итакъ, непрерывные переходы, которые, по словамъ иностранныхъ писателей, были причиною гибели французовъ не менѣе голода, произошли отъ той же причины, отъ которой и голодъ, съ прибавленіемъ къ тому еще фланговаго марша Кутузова, грозившаго отрѣзать имъ путь отступленія. Что касается до кочевья подъ открытымъ небомъ, то и оно было слѣдствіемъ общей причины, произведшей и голодъ и непрерывные переходы: путь, по которому, противъ воли своей, должна была слѣдовать французская армія, разоренный отчасти русскими войсками, во время нашего отступленія лѣтомъ и окончательно опустошенный непріателемъ, насъ преслѣдовавшимъ, не представлялъ ни избы, ни сарая для пріюта; а непрерывный надзоръ и набѣги легкой конницы нашей и поспѣшность, необходимая для достиженія края, болѣе изобилующаго съѣстными припасами, не позволяли французамъ ни отдѣлать малыя части войскъ за черту большой дороги для отысканія себѣ пріюта, ни большой громады войскъ отъ прямой дороги, чтобъ не увеличить окружными путями разстоянія, отдѣляющаго армію отъ избранной ею цѣли.

Словомъ, подводя къ одному знаменателю всѣ три причины гибели французской арміи, мы видимъ, что гибель произошла, какъ я выше сказалъ, отъ отстраненія непріятельскихъ силъ отъ изобильнаго края, по которому хотѣли онѣ

слѣдовать; обращенія ихъ на путь опустошенный; успѣшнаго дѣйствія легкой нашей конницы, лишившей ее обозовъ съ пищею и не позволявшей ни одному солдату отдаляться отъ большой дороги, для отысканія пищи и убѣжища; наконецъ отъ фланговаго марша нашей арміи, который угрожалъ Наполеону пресѣченіемъ единственнаго пути отступленія.

Но неужели при отысканіи причинъ гибели французской арміи, можно удовлетвориться только тѣми, которыя мы привели сейчасъ? Если-бъ было такъ, то ни одно ружье, ни одна пушка въ русской арміи не закоптились бы отъ пороха; ни одинъ штыкъ, ни одна сабля, ни одна пика, не облились бы кровью непріятельской, а мы помнимъ кровопролитныя битвы подъ Тарутинымъ 6-го октября, подъ Малоярославцомъ 12-го октября и подъ Краснымъ 5-го и 6-го ноября; я не говорю уже о ежедневныхъ сшибкахъ непріятеля съ отдѣльными отрядами и даже корпусами нашими.

Присоединивъ три приведенныя причины ко всѣмъ битвамъ, мы можемъ, подведя приблизительный итогъ урону французской арміи, согласить наши исчисленія съ показаніями историковъ кампаніи о количествѣ непріятельскихъ силъ, погибшихъ во время отступленія отъ Москвы до Березины, также и насчетъ числа войскъ его, которое прибыло къ берегамъ этой рѣки; мы этимъ и заключимъ наше разсужденіе.

Вальтеръ-Скоттъ полагаетъ, что уронъ французской арміи въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и при Вязьмѣ простирался до 25000 человѣкъ: это чрезмѣрно! Я почитаю, что это число тогда только будетъ вѣрно, когда мы къ двумъ сраженіямъ, при Вязьмѣ и Малоярославцѣ, присоединимъ сраженіе при Тарутинѣ, сшибку Платова при Колоцкомъ монастырѣ и другія частныя битвы до Смоленска.

Потомъ, по официальнымъ спискамъ плѣнныхъ, взятымъ подъ Краснымъ и составленнымъ при отправленіи ихъ въ нѣдра Россіи, вѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, мы видимъ, что число ихъ доходило до 21170 нижнихъ чиновъ при 300 офицерахъ.

Наконецъ, полагая слишкомъ 18000 человекъ, что весьма умѣренно, число взятыхъ и убитыхъ легкою конницею, крестьянами, замерзшихъ и погибшихъ на поляхъ сраженій отъ Смоленска до Березины, — мы удостовѣримся, что главная французская армія дѣйствительно подошла къ Березинѣ, въ числѣ 45000 человекъ, и что изъ 110000, выступившихъ изъ Москвы, пропало 65000 человекъ не отъ одной стужи, какъ стараются въ томъ увѣрить насъ пристрастные приверженцы Наполеона, или вѣчные хулители славы російскаго оружія, а глубокими соображеніями Кутузова и его ближайшихъ помощниковъ, мужествомъ и трудами войскъ нашихъ и неусыпностью и отвагой легкой нашей конницы. Вотъ истинная причина гибели непріятельской арміи; все прочее есть выдумка, соображенная не безъ искусства, потому что ея изобрѣтатели знали, что дѣлаютъ, смѣшивая двѣ эпохи отступленія, столь рѣзко отличавшіяся между собою. И подлинно, общее выраженіе: „армія Наполеона погибла отъ стужи и мороза“, сливается, такъ сказать, въ одну эпоху отступленія ея отъ Москвы до Березины и отъ Березины до Нѣмана; этимъ смѣшеніемъ двухъ эпохъ скрываютъ истину, облакая ее неоспоримымъ фактомъ: стужею и морозомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи не чуждымъ истребленію французской арміи. Вниманіе слушателей и читателей, легко приковывается къ этому факту, по видимому, наиболѣе вѣроятному, который, слѣдовательно, можно легче постигнуть, чѣмъ фактъ отвлеченный, состоящій изъ соображеній и разбора движеній, доступныхъ лишь лицамъ, изучившимъ военное ремесло.

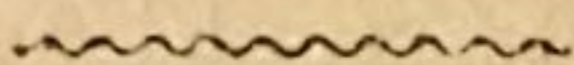
Но чтобы извлечь истину изъ этого ложнаго показанія, надлежитъ, отдѣливъ одну эпоху отъ другой, прибѣгнуть къ вопросу о времени появленія губительнаго феномена природы: — наступило ли оно въ первую или во вторую эпоху отступленія непріятеля, или оно свирѣпствовало въ обѣ эпохи?

Доказано уже, что въ теченіе двадцати-шести дней, составляющихъ первую эпоху, морозъ отъ 12 до 17 градусовъ продолжался не болѣе трехъ или пяти сутокъ, а во второй

морозъ, достигнувъ отъ 20 до 25 градусовъ, почти непрерывно продолжался двадцать-два дня.

Въ теченіе первой эпохи вліяніе холода на непріятеля было весьма слабо; во второй оно было для него истинно губительно. Но дѣло въ томъ, что уже въ концѣ первой эпохи, то-есть, уже у береговъ Березины, арміи не существовало: я говорю объ арміи въ смыслѣ военномъ, вооруженной, устроенной, твердой чинопослушаніемъ и, слѣдственно, способной къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ. Единая часть ея, еще находившаяся въ этомъ положеніи, состояла изъ корпусовъ Удино и Виктора, пришедшихъ отъ Полоцка и совершившихъ свой переходъ въ то самое время, какъ главная армія бѣжала отъ Москвы къ Березинѣ; они потому, подобно ей, перенесли трехъ или пяти-суточный морозъ и ни мало не потеряли отъ этого ни относительно своего устройства, ни относительно числительной силы своей; потому что причины, которыя испровергли устройство и уменьшили числительную силу главной арміи, не существовали при отступленіи корпусовъ Удино и Виктора. Когда подошла вторая эпоха, то-есть, когда всѣ эти войска перешли за Березину и наступила смертоносная стужа, тогда арміи, въ смыслѣ военномъ, уже не существовало, и ужасное явленіе природы губило уже не армію, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, толпы людей, скитавшихся безъ начальства, устройства, и даже безъ оружія; оно губило армію, приведенную въ такое положеніе, не столько вслѣдствіе стужи, сколько причинъ, мною выше приведенныхъ.

Я на всё сказанное не только не опасаюсь возраженій, но вызываю ихъ; бросаю перчатку, подымай кто хочетъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По поводу этой статьи, уже въ журналѣ „Библіотека для чтенія“, господинъ редакторъ этого журнала пригласилъ любителей отечественной исторіи прибѣгнуть къ архиву бывшаго Виленскаго университета, для отысканія точныхъ свѣдѣній о состояніи воздуха во второй половинѣ 1812 года, изъ вѣдомостей, представленныхъ гимназіями тѣхъ губерній, чрезъ которыя Наполеонъ совершалъ свое отступленіе. Виленская астрономическая обсерваторія доставила ему изъ метеорологическихъ книгъ все, что касается до состоянія Реомюрова термометра въ Вильнѣ съ 1-го августа по 31-е декабря того года; но ни въ архивѣ университета, ни на обсерваторіи не отыскалось ничего о термометрическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ другихъ губерніяхъ, по причинѣ разстройства учебныхъ заведеній вслѣдствіе грозы военной. Какъ ни мало удовлетворительны доставленные въ „Библіотеку для чтенія“ документы, представляющіе состояніе температуры въ одной только Вильнѣ, которой географическая широта южнѣе Смоленской 6-ю, а Оршинской 11-ю минутами, и которой долгота простирается отъ 6 до 7 градусовъ къ востоку ¹⁾; при всемъ томъ можно ясно видѣть, что до 23-го ноября какъ въ Вильнѣ, такъ въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ, положеніе воздуха не доходило до той смертоносной стужи, о какой чужеземцы стараются разглашать по всему свѣту.

	Широта			Долгота отъ Ферро.		
¹⁾ Вильна.	54°	41'	2"	42°	57'	23"
Смоленскъ	54	47	15	49	45	5
Орша	54	30	22	48	5	21

Чтобы дополнить возраженія мои на молву, болѣе и болѣе отъ времени укореняющуюся, я представляю здѣсь выписку изъ Виленской вѣдомости; въ этой выпискѣ означены измѣненія высотъ Реомюрова термометра въ Вильнѣ, со дня отступленія французской арміи изъ Малоярославца до совершенія переправы ея черезъ Березину. Я далѣе не выписываю потому, что, какъ уже сказалъ, за Березиной французская армія, въ смыслѣ военномъ, уже не существовала.

«Библіотека для чтенія» 1835 г., т. X.

Виленской астрономической обсерваторіи.	Показаніе Гурго.	Показаніе
Число градусовъ.		
Октября 15 + 5° } — — — 15 + 3°.7 } — — — 17 + 3. 5 }	тепла.	4° стужи
— — — 18 — 0. 5 } — — — 19 — 0. 5 } — — — 20 — 2°.5 } — — — 21 — 4. } — — — 22 — 5°.2 }	мороза.	
— — — 23 — 0 —		23-го числа свѣтъ умеренная.
— — — 24 + 2° тепла.		24-го числа свѣтъ
— — — 25 + 1°.5 } — — — 26 + 1° } — — — 27 + 1 }	тепла.	25-го числа свѣтъ
— — — 28 — 2° мороза.		ромъ, слѣдствіе 28-го числа 12 стужи.
— — — 29 + 1° } — — — 30 + 1 }	тепла.	
— — — 31 + 3°.5 } Ноября 1 — 8° } — — — 2 — 9. 2 } — — — 3 — 6. 5 } — — — 4 — 3 } — — — 5 — 2 }	мороза.	31 ч. } 17° 1 ч. Н. } жи. Со 2-го числа ст
— — — 6 + 1°.5 } — — — 7 + 1. 5 }	тепла.	6-го ч. началас 7-го ч. оттепель
— — — 8 — 0. 5 } — — — 9 — 2°.2 } — — — 10 — 6. 2 } — — — 11 — 5. 5 } — — — 12 — 2° } — — — 13 — 2° } — — — 14 — 4° } — — — 15 — 4° } — — — 16 — 1°.5 }	мороза.	8-го числа оттепель въ полной силѣ. Съ 7-го на 8-е пилъ въ Днѣпрѣ на берегу оруд чинѣ тонкости 12-го числа от

ЛИСТА ПОКАЗАНИЙ.

Шамбре.	Показаніе Наполеона.	Показаніе Жомини и Коха.
Единственно, стужа продолжается. Сильный съ вѣт- холоднѣе. самая сильная стужа до Берез. уменьшилась. теплъ. жилась. Ней частію поточастію оставилъ тяжести по при- ть прекращается.	 Еще три дня хорошей погоды—и армія совершила бы въ устройствѣ свое отступленіе. 	Самая жестокая стужа продолжалась отъ 28-го октября до 1-го ноября. Кохъ. 1-го ноября армія вступила въ Смоленскъ толпами и непохожая на себя: трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа ее разстроила. До Краснаго стужа измѣнилась отъ 3° до 8°. Жомини. 8-го числа наступила оттепель. Жомини.

XIV.

Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ

въ

ЗАПИСКАХЪ НАПОЛЕОНА.

посвящается моимъ друзьямъ и сотрудникамъ, служившимъ
въ моей партіи 1812 года.

Я давно читаю и не перестаю читать записки Наполеона, сочиненныя имъ на островѣ св. Елены и изданныя послѣ смерти его генералами Гурго и Монтолономъ.

Широкіе очерки, живыя картины, неожиданныя мысли и выраженія, и вообще какая-то воинственная оригинальность слога, отличаютъ произведеніе это отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода произведеній. Смѣло можно сказать, что Наполеонъ явился на этомъ новомъ для него поприщѣ, каковымъ бывалъ онъ на полѣ брани, въ государственномъ совѣтѣ и въ частныхъ бесѣдахъ: вездѣ исполнилъ мысли, вездѣ со своимъ собственнымъ, цѣльнымъ характеромъ, но увы! всегда и всюду, играя легковѣріемъ людей, онъ представляетъ имъ обстоятельства и событія въ томъ свѣтѣ, въ какомъ желаетъ, чтобы ихъ видѣли, а не въ томъ, въ какомъ они дѣйствительно были. Можетъ быть, въ началѣ онъ почиталъ это средство самымъ дѣйствительнымъ, для увлеченія умовъ за колесницею

побѣдителя; но поэтъ въ душѣ, увлеченный симъ полетомъ своего воображенія, онъ мало по малу самъ убѣдился въ истинѣ всѣхъ ложныхъ сказаній, имъ же самимъ вымышленныхъ и обнародованныхъ лишь для введенія въ заблужденіе другихъ. Такимъ образомъ Руссо любилъ идеальную Юлію, какъ существо живое, его любившее; такимъ же образомъ пламенный Тассъ былъ убѣжденъ, что битвы подъ стѣнами Іерусалима происходили не иначе, какъ онѣ изображались въ безсмертномъ его твореніи.

Я могу ошибаться, но при всемъ томъ мое мнѣніе правдоподобнѣе: смотрите, съ какою рѣшительностью, съ какимъ нетерпѣніемъ и даже, если только можно сказать, съ какою досадою Наполеонъ опровергаетъ въ запискахъ своихъ великія дѣянія, всему свѣту извѣстныя! Притворство не имѣетъ подобныхъ порывовъ, впрочемъ, какая бы ни была причина неосновательныхъ описаній, разбросанныхъ по сей сокровищницѣ военныхъ и политическихъ наблюденій, причина не оправдываетъ слѣдствія, и мы не безъ удивленія видимъ, какъ этотъ новый историкъ, опровергая и уничтожая описанія подвиговъ тѣхъ войскъ и военачальниковъ, которые противъ него сражались, касается и службы русскихъ партизановъ.

„Ни одинъ больной“, говоритъ онъ, „ни одинъ отдалившійся, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ не были захвачены въ теченіе этой кампаніи отъ Майнца до Москвы. Не проходило дня безъ полученія извѣстія изъ Франціи, не проходило дня безъ того, чтобы Парижъ не получалъ писемъ изъ арміи“ ¹⁾. Потомъ четырнадцать страницъ далѣе онъ говоритъ:

„Во время движенія на Москву, онъ никогда не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля. Во время двадцати-дневнаго пребыванія его въ этой столицѣ, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ съ зарядами не были перехвачены, ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ; артиллерійскіе подвозы и военные экипажи

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon publiés par Montholon. Tome I, page 98.

безпрепятственно доходили“¹⁾). И наконецъ, семь страницъ далѣе, опять обращаясь къ тому же предмету, онъ повторяетъ: „Во время Аустерлицкой, Іенской, Фридландской и Московской кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ; не проходило дня, чтобы главная квартира не получала извѣстія изъ Парижа“²⁾).

Слова, падшія съ такой высоты, не суть уже шипѣніе раздраженной посредственности, столь давно преслѣдующей нашихъ партизановъ. Это удары Юпитера; звукъ ихъ можетъ увѣковѣчиться въ общемъ мнѣніи, какъ увѣковѣчились въ немъ всѣ тѣ ложныя преданія, которыя не были изслѣдованы, вслѣдствіе равнодушія и лѣности людей, безпечно повторявшихъ то, что уже было сказано другими.

Я одинъ изъ обвиняемыхъ. Честь вооружаетъ меня противъ нареканій ужасныхъ, сокрушительныхъ, можетъ-быть, неотразимыхъ. Но что дѣлать? Новый Леонидъ, иду на громады Ксеркса! Мнѣніе мое о партизанской моей службѣ не равняется съ тѣмъ вниманіемъ, коимъ почтили ее мои соотчичи, однако оно не упадаетъ и до презрѣнія. Я скажу болѣе: я считаю себя рожденнымъ единственно для роковаго 1812 года, но рожденнымъ подобно тому рядовому солдату, который въ дыму и сумятицѣ Бородинской битвы, стрѣляя на удачу, убилъ съ десятокъ французовъ. Какъ мало не употребилъ онъ на то и знанія и дарованія, при всемъ томъ ему выпалъ жребій уменьшить непріятельскую армію десятью человѣками и этимъ содѣйствовать своимъ товарищамъ въ общемъ ея истребленіи.

Такъ думаю я о себѣ; я ослабилъ непріятельскую армію по мѣрѣ способовъ, предоставленныхъ мнѣ начальствомъ, и способностей, данныхъ мнѣ природою.

Въ волѣ Наполеона налагать, въ числѣ прочихъ, и на меня проклятіе за пролитую кровь его воиновъ; но не отнимай онъ у меня дѣлъ моихъ, не стирай съ сабли моей кровавыхъ

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon publiés par Montholon. Tome II, page 112.

²⁾ Les mêmes. Tome II, page 119.

брызговъ, этихъ отпечатковъ чести, купленныхъ трудами и ежеминутною жертвою жизни. Это моя собственность, это мой участокъ, въ славѣ земляковъ моихъ тѣмъ для меня драгоценнѣйшій, что онъ одинъ возвышается на моей жизни, безплодной въ своей юности и до самой старости никакимъ полезнымъ и славнымъ дѣяніемъ не ознаменованной! Но какой избрать способъ къ защитѣ этой собственности? Обнародовать эфирныя строки моихъ собственныхъ записокъ, въ надеждѣ, что онѣ затмятъ во мнѣніи людей неизгладимый приговоръ чрезвычайнаго человѣка, было бы верхъ смѣшной и бесполезной дерзости, да и кто возьметъ на себя трудъ читать описаніе, поступившее въ область вымысловъ съ тѣхъ поръ, какъ клеймо отверженія горитъ на каждомъ его листѣ.

Опровергнуть взводимыя на нашихъ партизановъ нареканія убѣдительными и неопровержимыми доказательствами! Но гдѣ для этого найти документы? Постараемся отыскать ихъ въ бюллетеняхъ французской арміи, сочиненныхъ какъ извѣстно самимъ Наполеономъ; въ Мониторѣ, въ этомъ единственномъ офиціальномъ журналѣ французскаго правительства; въ письмахъ маршала Бертье къ начальникамъ корпусовъ большой арміи; въ отбитыхъ у непріятеля бумагахъ, хранящихся въ главномъ штабѣ государя императора, и въ тѣхъ описаніяхъ кампаній 1812 года, авторовъ которыхъ нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ нашему войску.

Такъ, напримѣръ, Наполеонъ говоритъ: „Во время Аустерлицкой и Французской ¹⁾ кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ; не проходило дня, чтобъ армія не получала извѣстія изъ Парижа!“

Правда, что въ кампаніяхъ Аустерлицкой и Іенской мы не слышали ни объ одномъ партизанскомъ покушеніи. Я полагаю, что причиною этого бездѣйствія было оцѣненіе австрійскихъ и прусскихъ военачальниковъ, вслѣдствіе понесенныхъ ими рѣшительныхъ пораженій, при самомъ открытіи обѣихъ кампаній. Страхъ и изумленіе такъ сильно овладѣли самыми

¹⁾ Я съ намѣреніемъ выпускаю слово «и Московской»; о ней сказано будетъ особо.

твердыми душами, что самъ Блюхеръ, подобно прочимъ прусскимъ генераламъ, имѣя сверхъ 33 баталіоновъ 54 эскадрона, положилъ оружіе въ Ратковѣ; видя опасность неминуемую, онъ могъ съ этимъ средствомъ двинуться къ Гамбургу или Науенбургу и, перейдя Эльбу, долго наносить партизанской войной чувствительные удары непріятельской арміи. Я увѣренъ, что если-бъ Іенское сраженіе не воспослѣдовало при самомъ началѣ войны, и если бы прусское войско успѣло бы нѣсколько привыкнуть къ разнообразію военныхъ случайностей, то не только Блюхеръ, но и генералы, менѣе его одаренные мужествомъ и духомъ предприимчивости, прибѣгли бы къ этому послѣднему средству погибающей храбрости и извлекли бы изъ него великую пользу для своего отечества. Какъ бы то ни было, но слова Наполеона на счетъ кампаній Аустерлицкой и Іенской, относительно партизанскаго дѣйствія, совершенно справедливы и не допускаютъ ни малѣйшаго возраженія.

Нельзя того же сказать о такъ называемой имъ Фриландской кампаніи (что мы называемъ кампаніею 1807 года въ восточной Пруссіи).

Съ самаго начала этой кампаніи, русская армія твердо и мужественно встрѣтила непріятеля. Подъ Пултускомъ она отразила часть Наполеоновой арміи и отступила лишь потому, что съ нашей стороны бой происходилъ не на томъ пунктѣ, гдѣ бы слѣдовало его принять. Главныя силы французской арміи были обращены тогда не на Пултускъ, а двигались изъ Плоцка и Торна, онѣ угрожали правому флангу нашей арміи, находившемуся у Голомина и Макова; слѣдовательно, въ случаѣ успѣха и неудачи, намъ нельзя было оставаться у Пултуска, и еще менѣе преслѣдовать къ Варшавѣ французскія войска, надъ которыми мы подъ Пултускомъ одержали верхъ. Малѣйшее замедленіе наше, малѣйшій шагъ впередъ вдоль границы восточной Галиціи, тогда принадлежавшей Австріи, дали бы Наполеону возможность пресѣчь наше сообщеніе съ Россіею или вынудили бы насъ вступить въ нейтральное государство. Это побудило Беннингсена немедленно отету-

пить и перенести театр войны въ старую Пруссію. Мы избрали направленіе ошибочное, но обязаны спасеніемъ лишь тому обстоятельству, что перехватили курьера, посланнаго Бертю къ Бернадоту, преслѣдуемому нами по направленію къ Торну. Мы быстро сосредоточили нашу армію при Янковѣ и сразились съ непріятелемъ при Прейсишъ-Эйлау; послѣ этого кровопролитнаго, но нерѣшительнаго сраженія, каждая сторона хвалилась побѣдой. Итакъ, побѣда французовъ при Фридландѣ есть единственный рѣшительный успѣхъ, одержанный надъ непріятелемъ въ этомъ походѣ; но до этого несчастнаго для насъ событія мы имѣли время приучить наши легкія войска къ частнымъ сшибкамъ съ непріятелемъ, и эта школа продолжалась около полугода. Нечаянныя удачи привели къ успѣхамъ обдуманымъ и зрѣлымъ. Наконецъ, въ слѣдствіе наблюденія, опытности, отваги, наши предпріятія стали принимать характеръ партизанской войны. Но, будучи плодомъ частныхъ вдохновеній и порывовъ, а не соображенія главнаго начальства, эти дѣйствія не имѣли связи между собою. Невозможно было еще составить нѣчто цѣлое и дружно направить натискъ къ одной общей цѣли, которую въ то время еще не признавали ни начальники, ни наѣзники. Спустя долгое время послѣ нашего отступленія въ нѣдрахъ Россіи, когда гибель отечества принудила всѣхъ напрягать умственные и существенныя силы наши къ его спасенію, только тогда убѣдились мы въ большей или меньшей пользѣ, какую могли принести легкіе отряды, дѣйствующіе въ согласіи между собой на сообщеніяхъ наступательной непріятельской арміи, по мѣрѣ ея отдаленія отъ источника средствъ и запасовъ. Итакъ, соглашаясь съ тѣмъ, что партизанскіе набѣги въ кампаніи 1807 года были произведены независимо отъ вліянія высшаго начальства и, слѣдовательно, безъ взаимной между собой связи, я не могу сказать, что подобныхъ набѣговъ вовсе не было. Бюллетени и Мониторъ, эти архивы истины, въ которыхъ французы признаются въ своихъ неудачахъ, возопіютъ противъ меня! Записки Наполеона, оцѣняя важность одной изъ перехваченныхъ въ этой кампаніи депешей, весьма справедливо изображаютъ

бѣдственное положеніе нашей арміи, если-бъ эта депеша достигла своего назначенія. Онѣ между тѣмъ окажутъ намъ и другую услугу: въ нихъ мы встрѣчаемъ явное противорѣчіе удостовѣренію мною опровергаемому и въ той же книгѣ изложенному. Начнемъ съ записокъ, а потомъ приведемъ въ свидѣтели Мониторъ и Бюллетени.

„Послѣ сраженія при Пултускѣ, въ декабрѣ 1806, командовавшій руссійскою арміею генералъ Беннингсенъ выступилъ къ нижней Вислѣ съ тѣмъ, чтобы напасть на маршала принца Понте-Корво (Бернадота), занимавшаго Эльбингъ. Наполеонъ, оставивъ Варшаву $\frac{13}{25}$ января 1807, сосредоточилъ армію въ Вилленбергѣ и двинулся на лѣвый флангъ русскихъ въ намѣреніи опрокинуть ихъ къ Фришъ-Гафу. Снѣгъ и ледъ покрывали землю. Русская армія находилась въ крайней опасности; уже французская армія достигла тыла ея, какъ вдругъ казаки схватили офицера главнаго штаба принца Невшательскаго (Бертье). Взятая на немъ депеша извѣстила о движеніи. Беннингсенъ, утраченный, поспѣшно стянулся къ Алленштейну“ ¹⁾, и прочее.

Вотъ что объявлено о томъ же въ Мониторѣ:

„Французская армія еще не трогалась съ мѣста. Всѣ другіе корпуса покойно оставались въ своихъ квартирахъ. Она медлила за тѣмъ, чтобы дѣйствіе непріятели болѣе обрисовывалось, и боялась своимъ движеніемъ обратить его вниманіе на бѣдствія, которымъ онъ подвергался.

„Между тѣмъ движеніе русскихъ все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ обозначалось. Они прошли Остероде и вступили въ Лебау. Тогда по сигналу, данному во французской главной квартирѣ, войска тронулись, и всѣ устремились на лѣвый флангъ непріятели, съ намѣреніемъ зайти ему въ тылъ. Но на войнѣ встрѣчаются обстоятельства, не подвластные расчетамъ. Офицеръ, принадлежавшій главному штабу, былъ посланъ къ принцу Понте-Корво съ описаніемъ движенія войскъ французской арміи. Начальникъ главнаго штаба, извѣщая принца о намѣреніи императора, предписывалъ ему отступить

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 55.

до самага Торна, дабы тѣмъ заманить далѣе непріятеля. Офицеръ этотъ былъ схваченъ казаками и не успѣлъ разорвать своей депеши. Итакъ, російскій генераль узналъ заблаговременно объ опасности, которая бы неминуемо постигла его сорока-восемью часами позже. Это способствовало ему прибыть (22-го января) 3-го февраля со всею арміею въ Алленштейнъ и встрѣтить въ боевомъ порядкѣ шедшую по сему пути французскую армію. Таковое обстоятельство показалось неизъяснимымъ. Тайна открылась на другой лишь день, когда узнали, что посланный офицеръ былъ взятъ непріателемъ, не успѣвъ сжечь депеши“ ¹⁾).

Мониторъ заключаетъ статью эту повтореніемъ: „Онъ (непріятель) былъ бы истребленъ, если бы офицеръ, посланный съ депешами къ принцу Понте-Корво, сжегъ ихъ, ибо все было такъ разочтено, чтобы непріятель не прежде сорока-восьми часовъ могъ извѣститься о томъ, о чемъ узналъ изъ депеши. Російская армія избѣгла гибели вслѣдствіе одного изъ происшествій, которыя предоставлены случаю, для напомниманія людямъ, что онъ участвуетъ во всѣхъ человѣческихъ соображеніяхъ и событіяхъ, и что если рѣшительные удары, истребляющіе армію и измѣняющіе ходъ кампаніи, суть плоды опытности генія, то они не менѣе того нуждаются въ его содѣйствіи“ ²⁾. Такой курьеръ стоитъ ста эстафетъ, часто привозящихъ извѣстія лишь о сплетняхъ парижскихъ актеровъ, или о пустословіи Брутовъ, болтуновъ Пале-Рояля.

Въ теченіе этой кампаніи были взяты и другіе курьеры, между которыми находился извѣстный императорскій ординарецъ Монтескью; но такъ какъ о нихъ не было упомянуто въ официальныхъ бумагахъ, то и я умолчу о нихъ.

Огносительно больныхъ извѣстно, что при нападеніи на корпусъ маршала Нея, 24-го мая (5-го іюня) при Гутштадтѣ и ²⁵/₆ при Анкендорфѣ, не только больные этого корпуса, но и обозы, паркъ, канцелярія и собственные экипажи маршала сдѣлались добычей казаковъ Платова, переплывшаго черезъ

¹⁾ Moniteur de 1807.

²⁾ Monituer de 1807.

Алле и черезъ Пассаргу. Въ доказательство того, что они дѣйствовали въ тылу непріятеля, служить 78-й бюллетень французской арміи, въ коемъ сказано о дѣлѣ при Анкендорфѣ. „Нашъ уронъ состоялъ въ сто-шестьдесятъ человекъ убитыми, двѣсти ранеными и двѣсти-пятьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Большая часть послѣднихъ были схвачены казаками, которые по утру до атаки, появились въ тылу арміи“. 78-й бюллетень, 31-го мая (12-го іюня) 1807 года, Гейльсбергъ ¹⁾.

Изъ этого видно, что отрядъ Платова, составленный изъ десяти казачьихъ полковъ, Павлоградскаго гусарскаго, 1-го егерскаго и двѣнадцати орудій конной артиллеріи, былъ уже въ тылу четырнадцати-тысячнаго корпуса, когда поведена была на него восьмидесяти-тысячной арміи атака съ трехъ сторонъ. Спрашиваю всякаго истинно военнаго человека: могли ли Платовъ не похитить всего того, что находилось на этомъ удобномъ для похищенія пунктѣ. Если уже тамъ взяты всѣ находившіяся при корпусѣ важнѣйшія бумаги, которыя донынѣ хранились у генерала Беннингсена, если, по увѣренію самого бюллетеня, тамъ взяты были и двѣсти-пятьдесятъ здоровыхъ солдатъ, то какимъ же способомъ могъ избѣжать подобной же участи транспортъ больныхъ? Перемѣщеніе ихъ было столь же затруднительно, какъ передвиженіе артиллерійскихъ парковъ, провіантскихъ фуръ, которыя, не имѣвъ времени при внезапной атакѣ удалиться въ безопасное мѣсто, также попались въ руки летучему корпусу атамана.

Впрочемъ, зачѣмъ привязываться къ словамъ? Намѣреніе Наполеона очевидно: говоря о безпрепятственномъ доставленіи эстафетъ и о неприкосновенности своихъ больныхъ, онъ не столько имѣлъ въ виду эстафеты и больныхъ, какъ убѣдить, что въ теченіе этой кампаніи тылъ его арміи былъ недоступенъ, и что войска наши ничего здѣсь не отбили. Вотъ сущность обвиненія, и такъ прибавимъ къ этому слѣдующее:

Въ одномъ изъ бюллетеней сказано: „Генералъ Викторъ (впослѣдствіи маршалъ и герцогъ Бюлленскій; онъ командовалъ

¹⁾ Ложное показаніе. Въ сей день было взято 60 офицеровъ, 1500 рядовыхъ и 2 орудія. Одни казаки взяли 55 офицеровъ и 705 рядовыхъ.

тогда вторымъ корпусомъ большой арміи), былъ, во время проѣзда своего въ Штетинъ, схваченъ съ адъютантомъ своимъ партією, производившею въ той странѣ поиски и состоявшею изъ 25 гусаръ“. 53-й бюллетень 10-го января (22-го февраля) 1807, Варшава.

Въ другомъ: „Въ сторонѣ Вилленберга три тысячи русскихъ плѣнныхъ были освобождены партією, состоявшею изъ тысячи казаковъ“. 60-й бюллетень ⁵/₁₇ февраля 1807, Эйлау. Тутъ нужно замѣтить слѣдующее: что плѣнные были освобождены не казаками, а Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ командою генералъ-майора Львова; этотъ генералъ былъ посланъ на поискъ изъ отряда Седморацкаго, занимавшаго Іоганисбургъ. Явившись въ тылу французской арміи, во время ея движенія къ Прейсишъ-Эйлау, онъ отбилъ въ окрестностяхъ Вилленберга не 3000 русскихъ, а до 5000 русскихъ и прусскихъ плѣнныхъ, слѣдовавшихъ въ Варшаву, и благополучно возвратился съ ними въ Іоганисбургъ.

Если этого не довольно, то вотъ еще случай, который можетъ мнѣ служить сильнѣйшею подпорою:

¹³/₂₅ января Бернадотъ опрокинулъ авангардъ нашъ подъ Морунгеномъ и до глубокой ночи преслѣдовалъ его къ Либштадту, не заботясь о первомъ мѣстечкѣ, оставшемся въ тылу его и, повидимому, совершенно безопасномъ влѣдствіе наступательнаго его движенія. Къ его несчастію, прибыли того же числа къ вечеру въ село Лоокенъ полки, Сумскій гусарскій и Курляндскій драгунскій, находившіеся тогда подъ начальствомъ — первый графа Петра Петровича Палена, а послѣдній — флигель-адъютанта князя Михаила Долгорукаго. Примѣтивъ, что пушечный гулъ болѣе и болѣе отдаляется по направленію къ Либштадту, благородный и неустрашимый Паленъ почелъ за стыдъ оставаться въ бездѣйствіи въ то время, какъ другіе сражаются, и рѣшился самовольно двинуться въ тылъ французскаго корпуса. Между тѣмъ, не желая совершенно очистить занятый имъ пунктъ, который могъ быть весьма важенъ въ предначертаніяхъ главнаго начальства, онъ умѣлъ сочетать отважность съ благоразуміемъ. Онъ лишь

съ тремя эскадронами драгунъ и двумя эскадронами гусаръ, двинувшись на Экерсдорфъ и Гимельфортъ, прибылъ въ глубокую ночь къ Морунгену, занятому лишь непріятельскими обозами; Паленъ и Долгорукій, ворвавшись въ улицы, разбудили оружіемъ и выстрѣлами спокойно отдыхавшее прикрытіе. Все находящееся въ Морунгенѣ попало въ руки нашимъ эскадронамъ, такъ что ¹⁵/₂₇ числа, когда Бернадотъ, вслѣдствіе наступательнаго на него движенія всей нашей арміи, возвратился съ корпусомъ въ Морунгенъ, онъ нашелъ въ немъ лишь мертвыя тѣла, изрубленныя повозки и разсыпанныя вѣтромъ бумаги его канцеляріи; все имущество Бернадота, вскорѣ ему возвращенное, сдѣлалось добычей предприимчивыхъ генераловъ нашихъ ¹).

Я бы этимъ могъ заключить возраженія свои на кампанію 1807 года; но справедливость требуетъ, чтобы я не умалчалъ и о собственномъ неумѣніи нашемъ извлечь всю пользу, которую могли доставить намъ огромныя полчища легкихъ войскъ, прибывшія въ армію съ береговъ Дона, Кубани и Урала. И подлинно, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ дѣйствій, изъ которыхъ лишь два принадлежатъ казакамъ, вся служба ихъ ограничивалась лишь содержаніемъ передовой стражи и дѣйствіемъ наравнѣ съ линейными войсками; эти дѣйствія не соотвѣтствовали разнороднымъ ихъ наклонностямъ, подвижности, хитрости и вообще качествамъ воинственнаго народа, котораго методическіе уставы не привели еще къ европейскому однообразію.

Отрядъ атамана Платова состоялъ, какъ я уже выше сказалъ, изъ слѣдующихъ полковъ: десяти казачьихъ, одного гусарскаго, одного егерскаго и 12 орудій конной артиллеріи. Какое было назначеніе этому отряду?

До марта мѣсяца онъ находился въ авангардѣ главной арміи. Отъ 1-го (13-го) марта до 24-го мая (5-го іюня) онъ составлялъ при Пассенгеймѣ связь главной арміи съ кор-

¹) Сущность дѣла взята изъ донесенія главнокомандующаго государю императору; нѣкоторыя подробности его собраны мною на мѣстѣ сраженія.

пусомъ, дѣйствовавшимъ на Наревѣ, а потомъ до Тильзитскаго мира онъ не выходилъ изъ состава боевой линіи главной арміи. Какую извлекли изъ этого пользу? Никакую, или весьма скудную! Казаки били, были биты, нападали, отступали и наконецъ отступили до Тильзита вмѣстѣ съ прочими войсками арміи. Но, Боже мой! какое представлялось ему обширное поле для приложенія къ дѣлу его природной удали!

Если бы, во время движенія французской арміи отъ Вилленберга чрезъ Алленштейнъ и Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, большая часть казачьихъ полковъ была оставлена на правомъ берегу Алле, между Зебургомъ и Гейльсбергомъ для дѣйствія партіями въ тылу непріятеля, какъ то едѣлалъ генералъ Львовъ съ однимъ лишь драгунскимъ полкомъ....

Если бы вмѣсто того, чтобы заниматься въ окрестностяхъ Пассенгейма около трехъ мѣсяцевъ сшибками и перестрѣлками съ новонабранными польскими войсками, параллельно противъ нихъ стоявшими въ окрестностяхъ Инденбурга, казаки наши, раздѣлясь на партіи, предприняли бы поиски, съ одной стороны между Гогенштейномъ и Гилленбургомъ на сообщеніе главной французской арміи съ Торномъ, а съ другой чрезъ Хорцеленъ и Присницъ на сообщеніе корпуса Массены съ Варшавою....

Если бы во время наступательнаго движенія французской арміи на Гейльсбергъ, казачьи полки были двинуты отъ Гейльсберга чрезъ Гутштадтъ вдоль лѣваго берега Пассарги на Морунгенъ, Прейсишъ-Голландъ и Мюльгаузенъ, и наконецъ, если бы во время отдѣленія нашей арміи отъ Фридланда къ Тильзиту, означенные полки, отойдя къ Гердауену, вдругъ ринулись бы оттуда чрезъ Фридландъ къ Кёнигсбергу....

Тогда только они принесли бы истинную пользу общему дѣлу. Дѣйствуя совершенно въ смыслъ партизанской войны, въ землѣ, съ нами союзной и противъ конницы утомленной и неспособной къ отраженію внезапныхъ партизанскихъ натисковъ, они неминуемо распространили бы ужасъ въ тылу французской арміи. Безъ сомнѣнія, имъ было бы невозможно задержать вполнѣ арміи великаго полководца; но отвлекши, по крайней

мѣръ, большую часть его конницы, они чрезъ то, лишивъ Наполеона того орудія, которымъ предпріятія его быстро достигали цѣли и узелъ битвы разсѣкался внезапно, значительно замедлили бы его наступленіе.

До сихъ поръ возраженія мои относились къ кампаніи, въ которой партизанскіе набѣги играли второстепенную роль; я теперь обращаюсь въ войнѣ, въ которой набѣги вступили въ составъ общаго предначертанія главнаго начальства и своими славными успѣхами не могли не обратить на себя особеннаго вниманія Наполеона. Станемъ отвѣчать по статьямъ.

„Во время движенія на Москву, онъ (Наполеонъ) нигдѣ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля“.

Тутъ представляется нѣкоторое затрудненіе. Какъ разумѣть слова: „Dans sa marche sur Moscou?“ — „во время Московскаго похода“: то-есть: „во время Московской кампаніи“, или „во время движенія на Москву?“ По послѣднему смыслу, Наполеонъ правъ: ибо до вступленія его въ столицу легкая конница наша содержала лишь передовую стражу, и о партизанской войнѣ не было слуха. Первый набѣгъ былъ сдѣланъ при Царевѣ-Займищѣ $\frac{2}{14}$ сентября, въ самый день занятія Москвы, а второй $\frac{9}{21}$ сентября при селѣ Перхушковѣ. Я придерживался бы послѣдняго смысла и, слѣдовательно, не приступилъ бы къ возраженію, если бы самъ историкъ, продолжая говорить о томъ же предметѣ, не уничтожилъ этого смысла слѣдующими словами: „ни одинъ подвозъ не былъ взятъ въ теченіе этой кампаніи, ни одна эстафета не была перехвачена“, и прочее; это доказываетъ то, что онъ имѣлъ въ виду всю кампанію, то-есть, дѣйствіе отъ Нѣмана до Москвы, пребываніе въ Москвѣ и отступленіе изъ Москвы до Нѣмана.

Для рѣшенія этой задачи, намъ надлежитъ объяснить слѣдующее: „онъ не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля“. Какъ разумѣть эти слова? въ тактическомъ или стратегическомъ смыслѣ? Если въ тактическомъ, то Наполеонъ опять правъ: ибо армія его, расположенная по московскимъ предмѣстьямъ лицомъ въ поле, имѣла въ тылу своемъ только Бѣлый-го-

родъ, Китай-городъ и Кремль ¹⁾), занятые главною и корпусными квартирами, ей принадлежащими. Но этого нельзя предположить; Наполеонъ былъ не комендантомъ или не начальникомъ полиціи, чтобы ограничить свой кругъ дѣйствія завѣдываніемъ лишь войсками, не выходявшими за шлагбаумы. Начальствуя несмѣтными силами, одаренный всеобъемлющимъ, дальновиднѣйшимъ геніемъ, онъ, конечно, видѣлъ далѣе камеръ-коллегскаго Вала ²⁾), и потому нельзя предполагать, чтобы онъ хотѣлъ увѣрить насъ въ томъ, что тылъ всякой арміи граничитъ только съ лазаретными фурами, хлѣбопеками и дежурствами. Изъ этого ясно видно, что онъ разумѣлъ не тактическій, но стратегическій тылъ свой, то-есть, не Бѣлый-городъ и Кремль, а пространство, по которому армія его прибыла и получила свѣстные и боевые подвозы; она должна была имѣть сношеніе съ фланговыми своими корпусами, союзными государствами и Франціею и съ путемъ, по которому надлежало ей отступать въ случаѣ неудачи. Разумѣя такимъ образомъ слово Наполеона, я рѣшаюсь доказать ихъ неосновательность; не прошло пяти дней по занятіи французскою арміею Москвы, какъ уже сообщеніе ея не могло не подвергнуться опасности влѣдствіе искуснаго движенія Кутузова съ Рязанской дороги на Калужскую. Это движеніе возбудило восторгъ и удивленіе во всей нашей арміи, и о превосходствѣ его по сіе время умалчиваютъ иностранные писатели, либо по низкому чувству зависти, либо просто по невѣжеству. Итакъ, одна Тарутинская позиція, столько же наступательная въ стратегическомъ отношеніи, сколько оборонительная по мѣстности и своимъ укрѣпленіямъ, одно уже занятіе этой позиціи, само собою опровергаетъ все сказанное Наполеономъ. Если прибавимъ къ тому, что отрядъ Дорохова и партія Сеславина производили поиски между Смоленской и Боровской дорогами, по направленію къ Вязьмѣ; если скажемъ, что отдѣльныя команды князя Вадбольскаго находились между Вереей и Можайскомъ, Бенкендорфа между Можайскомъ и Волоколамскомъ,

¹⁾ Имена частей города, составляющихъ средину Москвы.

²⁾ Насыпь, окружающая Москву.

Чернозубова между Можайскомъ и Сычевкой, Фиглева ¹⁾ въ окрестностяхъ Звенигорода, и моя партія между Гжатью и Дорогобужемъ: тогда смѣло можно сказать, что слова Наполеона сказаны весьма опрометчиво и недостойны сего великаго человѣка.

„Во время двадцати-дневнаго пребыванія въ Москвѣ“.

Наполеоново пребываніе въ Москвѣ продолжалось не двадцать, а тридцать-четыре дня. Онъ вступилъ въ Москву ²/₁₄ сентября, а выступилъ изъ нея ⁷/₁₉ октября. Замѣчаніе это весьма важно, ибо эти четырнадцать дней суть главнѣйшіе союзники превосходной тарутинской позиціи, имѣвшей такое непосредственное вліяніе на судьбу непріятельской арміи. И подлинно, выступи армія эта четырнадцатью днями ранѣе, ни одинъ замыселъ фельдмаршала не достигъ бы полной зрѣлости! Армія наша не успѣла бы усилиться частію войскъ, сформированныхъ княземъ Лобановымъ; въ самомъ лагерѣ обученіе рекрутъ и поступившихъ въ линейные полки ратниковъ не пришло бы къ окончанію, съ Дону не успѣли бы прибыть двадцать-четыре полка казаковъ, что съ находившимися при арміи полками составило болѣе 20000 превосходной легкой конницы, нанесшей непріятелю столь чувствительные удары во время его отступленія; духъ арміи не успѣлъ бы еще возвыситься вслѣдствіе побѣды, одержанной надъ непріятельскимъ авангардомъ ⁶/₁₈ октября, и наконецъ доставленіе продовольствія не успѣло бы еще вступить въ колею навыка такъ, чтобы, во время преслѣдованія непріятеля, подводы могли постоянно кругообращаться изъ арміи въ хлѣбороднѣйшія губерніи, а изъ нихъ въ армію всюду, гдѣ она ни находилась. Все это совершилось между 23-мъ сентября (5-мъ октября) и 7-мъ (19-мъ) октября.

Напротивъ, послѣдніе четырнадцать дней довершили разстройство непріятельской арміи. Недостатокъ въ продовольствіи

¹⁾ Не надо принимать Фиглева за Фигнера. Первый служилъ въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, а послѣдній въ артиллеріи. Первый находился въ отрядѣ генерала Винценгероде, а послѣдній былъ партизаномъ и дѣйствовалъ въ то время около Москвы, между дорогами Тульской и Калужскою.

оказался уже по истеченіи двадцати-дневнаго срока; ибо все, что еще оставалось подъ рукою, все окончательно израсходовалось, а по израсходованіи всего число бродягъ неимоვნѣрно возрасло, и духъ разврата овладѣлъ всѣми частями арміи. Если бы эта армія выступила четырнадцатыю днями ранѣе, то она не только избѣгла бы голода, но и прошла бы все разстояніе отъ Москвы до Смоленска путемъ сухимъ и при ясной погодѣ, по той причинѣ, что осень была необыкновенно теплая, а стужи и вьюги поднялись только 28-го октября (9-го ноября) между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, то-есть, въ то время, когда непріятель могъ уже быть далеко за Смоленскомъ. Я не упрекаю и не критикую, а повѣствую, предоставляя самому читателю дѣлать заключеніе о важности тѣхъ четырнадцати дней, о которыхъ Наполеонъ умалчиваетъ.

„Ни одинъ почтовой укрѣпленный домъ (таковой находился на каждомъ посту) не былъ атакованъ“.

Партизаны не должны были этого предпринимать; таковыя предпріятія не въ духѣ партизанскаго дѣйствія. Что можетъ принудить партизана къ приступу? Два предмета: или овладѣніе какимъ либо подвозомъ, курьеромъ и чиновникомъ, остановившимися въ укрѣпленномъ почтовомъ домѣ для кратковременнаго отдыха, или упроченіе себя на пути сообщенія непріятеля.

Но до перваго всякій партизанъ можетъ достигъ, не прибѣгая къ тѣмъ усиліямъ, которыхъ требуетъ приступъ: ему стоитъ только расположиться въ какомъ либо открытомъ мѣстѣ, смежномъ съ большою дорогою, между двумя почтовыми станціями (*étapes*) и добыча, къ которой онъ стремится, вскорѣ предстанетъ передъ нимъ на чистомъ полѣ. Что же касается до послѣдняго, онъ никогда его не можетъ достигнуть, ибо при первомъ появленіи передъ нимъ самой малочисленной пѣхотной команды, казаки его должны непременно оставить мѣсто, имъ дорого стоившее; защищая его, они погибнуть въ немъ для предмета, совершенно противнаго ихъ назначенію.

Но положимъ, что партія удержитъ за собою этотъ укрѣпленный постъ, и тутъ самый успѣхъ будетъ болѣе вреденъ,

чѣмъ полезенъ; онъ привуетъ партію къ одному мѣсту, и принудить чрезъ это подвозы миновать это мѣсто окружными дорогами, тогда какъ непрестанною подвижностью и появленіемъ партіи на нѣсколькихъ пунктахъ въ одни сутки весьма немного можетъ отъ нея ускользнуть. Если же штурмовать укрѣпленія для того только, чтобы по овладѣніи ими немедленно оставлять ихъ, то это дѣло не столько отважное, сколько безумное, и подобный партизанъ немного напартизанить, какъ бы ни была огромна его партія.

Но когда это было необходимо, то не только укрѣпленный домъ, но и городъ Верея, обнесенный валомъ и палисадами, былъ взятъ отрядомъ генерала Дорохова; и да не подумаютъ, что городокъ этотъ былъ защищаемъ лишь малымъ числомъ войскъ: въ немъ взято одними плѣнными триста-семьдесятъ-семь рядовыхъ, пятнадцать штабъ и оберъ-офицеровъ и одно знамя ¹⁾).

„Ни одинъ больной, ни одинъ отдалившійся не были взяты“.

Справедливѣе было бы сказать: во время движенія къ Москвѣ и пребыванія ея тамъ ни одинъ госпиталь не былъ взятъ, и вотъ почему: когда армія шла къ Москвѣ, то, какъ я уже замѣтилъ, партизановъ еще не было, а непріятельскіе больные были оставляемы на пути въ городахъ и въ обнесенныхъ оградами монастыряхъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними оставались и войска, какъ для ихъ охраненія, такъ и для открытія слѣдовавшихъ къ арміи съѣстныхъ и боевыхъ подвозовъ.

Когда же эта армія вступила въ Москву, то больные не отсылались уже назадъ, а помѣщались въ самой столицѣ; итакъ, нашимъ партизанамъ было бы не легко врываться въ улицы городовъ и перелѣзать чрезъ ограды монастырей для подвига, хотя оправдываемаго пользою отечества, но въ сущности всегда ненавистнаго для всякаго истинно православнаго воина! Къ тому же надлежало бы брать ихъ приступомъ, но

¹⁾ Изъ «Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray). Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la Russie et la France par Vaudoncourt». Донесеніе Дорохова фельдмаршалу князю Кутузову отъ 29-го сентября и 2-го октября.

эти приступы были чужды всего того, что составляет прелесть отважнаго предпріятія: великодушной и возвышенной цѣли, той поэзіи нашего кроваваго ремесла, безъ которой мы ничто иное, какъ привилегированные душегубцы!

Впрочемъ отерочка продолжалась не долго; всякій знаетъ, что при общемъ отступленіи непріятельской арміи, ни одинъ госпиталь не успѣлъ быть упраздненъ, и всѣ они безъ малѣйшаго усилія попались въ руки побѣдителей.

Что же касается до безопаснаго перемѣщенія больныхъ изъ одного госпиталя въ другой, по случаю накопленія ихъ въ одномъ и уменьшенія въ другомъ госпиталѣ; что касается до благополучнаго проживанія въ тылу непріятельской арміи отдалившихся отъ нея, коихъ принято называть бродягами или мародерами, то это нареканіе уничтожается однимъ уже пребываніемъ нашихъ партій на пространствахъ, гдѣ были разсыяны непріятельскіе больные и мародеры. Кого увѣрить можно, чтобы наши многочисленныя партіи, рыскавшія вдоль большой Смоленской дороги отъ Москвы до Дорогобужа, смотря хладнокровно на всѣ эти необузданныя шайки разбойниковъ, слѣдовавшія мимо ихъ и грабившія окрестныя села и города, не старались бы истреблять ихъ? Если бы партіи и рѣшились на то, то возможно ли, чтобы поселяне допустили ихъ предавать безпрепятственно огню и мечу ихъ самихъ, равно и имущества! Въ доказательство того, что движеніе взадъ и впередъ людей и подвозовъ по непріятельскому пути сообщенія было не такъ безопасно, какъ о томъ сказано въ разсма-триваемомъ мною сочиненіи, служитъ слѣдующее предложеніе, слѣланное Лористономъ 23-го сентября (5-го октября): онъ просилъ прекратить народную войну, которая, будучи возбуждаема и поддерживаема партизанами, наносила непріятелю столь страшный вредъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Народъ разумѣетъ войну эту нашествіемъ татаръ и, слѣдовательно, считаетъ всякое средство къ избавленію себя отъ враговъ не только не предосудительнымъ, но похвальнымъ и священнымъ“. Этого мало: встревоженный умноженіемъ числа партизанскихъ партій, Наполеонъ, побѣдивъ въ себѣ чувство гордости, возобновляетъ

изъ села Троицкаго ⁸/₂₀ октября предложеніе Лористона. Маршалъ Бертъе, въ письмѣ своемъ къ князю Кутузову, говоритъ между прочимъ: „Генералу Лористону предложено было предложить вашей свѣтлости мѣры, чтобы сообразовать военныя дѣйствія съ правилами, установленными во всѣхъ войнахъ, дабы государство терпѣло лишь то зло, которое истекаетъ изъ самой сущности войны“ ¹). На это фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Весьма трудно обуздать народъ, оскорбленный всѣмъ тѣмъ, что передъ нимъ происходитъ, народъ, не выдавшій непріятеля въ нѣдрахъ своего отечества уже двѣсти лѣтъ и потому готовый погибнуть за него; онъ не умѣетъ различать принятые обычаи отъ тѣхъ, кои не допускаются въ обыкновенныхъ войнахъ. ⁹/₂₁ октября, 1812. Тарутино“ ¹).

Впрочемъ, не одни мародеры, но и самые фуражиры погибали въ этой борьбѣ войскъ съ цѣлою націею. Взглянемъ, что о томъ говорятъ Ларрей, генералъ штаба, докторъ главной французской арміи, господинъ Шамбре, сочинитель „Исторіи нашествія на Россію“, и наконецъ самъ Наполеонъ.

„Начальники непріятельской арміи поддерживали нашихъ въ надеждѣ на миръ, увѣряя, что прелиминарные пункты будутъ на дняхъ подписаны. А между тѣмъ тучи казаковъ окружали мѣсто, на коемъ были расположены войска наши, ежедневно похищая у насъ великое число фуражировъ“ ²).

„Къ изнуренію фуражировъ присоединялись пораженія, наносимыя имъ казаками, подѣзжавшими даже къ заставамъ Москвы“ ³).

Повелѣніе Наполеона къ Бертъе. Гжатскъ. 22-го августа (3-го сентября) 1812 г.

„Напишите генераламъ, командующимъ корпусами, что мы ежедневно теряемъ много людей отъ безпорядка, господствующаго въ образѣ, принятомъ войскомъ для отысканія пищи; что нужно безъ отлагательства, чтобы они условились между собою на счетъ мѣръ, которыя должны быть соблюдаемы для

¹) Lettre du M. Berthier au M. P. Koutousoff ⁸/₂₀ Octobre. Troidzkoé.

²) Larrey. Mémoires de la Chirurgie militaire.

³) Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Tome III

прекращенія случаевъ, угрожающихъ арміи разрушеніемъ, что число людей, захватываемое непріятелемъ, простирается ежедневно до нѣсколькихъ сотенъ; и потому непременно надлежитъ подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, запретить солдатамъ отлучаться поодионокѣ, а посылать за пищею войска (руководствуясь учрежденіемъ для фуражировъ) командами, наряженными отъ cadaго корпуса, если армія стоитъ совокупно, или отъ каждой дивизіи, если армія раздѣлена на части; надо поручить начальство надъ ними генералу или штабъ-офицеру, придать имъ достаточное число войскъ, для прикрытія ихъ отъ казаковъ и поселянъ во время фуражированія; надо, чтобы они старались тамъ, гдѣ найдутъ жителей, получать провіантъ и фуражъ посредствомъ требованія, не причиняя имъ большаго вреда насильствомъ и похищеніемъ другихъ предметовъ. Наконецъ, исполненіе этого предписанія весьма важно, и, безъ сомнѣнія, ревностью моею къ службѣ генералы и корпусные начальники изыщутъ всѣ средства къ прекращенію неустройствъ, о которыхъ идетъ дѣло. Вы не преминете написать также Неаполитанскому королю (Мюрату), командующему конницею, о томъ, что необходимо нужно, чтобы конница его, прикрывая фуражирующихъ, охраняла бы ихъ отъ казаковъ и непріятельской конницы, посылаемыхъ для этого предмета изъ лагеря. Вы предложите принцу Экмюльскому (Даву) не подходить къ авангарду ближе двухъ льё (10 верстъ). Вы ему внушите необходимость сей мѣры, дабы фуражиры, искавъ фуража и провіанта, всегда находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ непріятеля. Наконецъ, вы замѣтите герцогу Эльхингенскому (Нею), что онъ теряетъ ежедневно болѣе людей во время фуражированія, чѣмъ на полѣ сраженія, и потому необходимо, чтобы первое производилось съ большимъ устройствомъ, при чемъ не слѣдуетъ далеко высылать фуражировъ“¹⁾).

Итакъ, если фуражиры, отправлявшіеся всегда на добычу въ большихъ массахъ чѣмъ мародеры и наблюдавшіе нѣкоторыя правила и устройства, не могли, не взирая на упрёки

¹⁾ Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Lettre de Napoléon au Major-général. 3 Sept. 1812. Gjatsk. T. III.

Наполеона, избѣжать плѣна или смерти, то какимъ же образомъ могли мародеры, скитавшіеся въ землѣ, имъ неизвѣстной, безъ опредѣленной цѣли, безъ начальниковъ, иногда безъ патроновъ и всегда безъ прикрытія пребывать невредимо среди народа озлобленнаго, вооруженнаго и жаждавшаго мщенія? Если бы дѣйствительно партизаны и поселяне, сложа руки, хладнокровно глядѣли на неистовства, производимыя этою безопасною для нихъ сволочью, то зачѣмъ было Бертье и Лористону предлагать князю Кутузову принятіе мѣръ для сообразованія военныхъ дѣйствій съ установленными во всѣхъ войнахъ правилами? Зачѣмъ было Наполеону хлопотать о правильномъ устройствѣ во время фуражированія, ибо, какъ видно, онъ смотрѣлъ на мародеровъ своихъ, какъ на фуражировъ безъ начальства и связи? Не многозначительны ли эти слова, во-первыхъ: „Мы ежедневно теряемъ много людей отъ безпорядка во время отыскиванія пищи; во-вторыхъ, нужно безотлагательно условиться на счетъ мѣръ, которыя должны быть приняты къ прекращенію случаевъ, угрожающихъ арміи разрушеніемъ; въ третьихъ, число людей, забираемыхъ непріателемъ, ежедневно простирается до нѣсколькихъ сотенъ, и въ четвертыхъ, Ней ежедневно теряетъ болѣе людей на фуражированіи, нежели въ сраженіи?“ Но, довольно говорить о бродягахъ и мародерахъ, истребленіе которыхъ было впрочемъ болѣе дѣломъ поселянъ, нежели партій устроенныхъ и направившихся на сообщеніе непріателя съ гораздо важнѣйшею цѣлью.

„Ни одна эстафета не была перехвачена....“

Не говоря уже о тѣхъ, которыя попались мнѣ въ руки, я упомяну только о нѣкоторыхъ курьерахъ, перехваченныхъ другими партизанами.

Мнѣ, можетъ-быть, скажутъ, что донесенія начальству не суть документы вѣрные и неоспоримые; я согласенъ, когда они упоминаютъ лишь о числѣ убитыхъ и раненыхъ; это число бываетъ часто преувеличено относительно непріателя и уменьшено относительно своихъ войскъ. Что же касается до донесеній о плѣнныхъ или о перехваченныхъ курьерахъ съ де-

пешами, то большой ошибки сюда допустить нельзя, ибо плѣнный или курьеръ лично представляется въ главную квартиру, гдѣ, послѣ допроса, онъ поступаетъ въ списокъ тѣхъ плѣнныхъ, которые были взяты прежде него; отобранныя отъ нихъ депеши хранятся подъ нумерами, что можно и теперь видѣть въ главномъ штабѣ государя императора.

Итакъ, вотъ мои доказательства:

Въ рапортѣ фельдмаршала къ государю императору, отъ 22-го сентября (4-го октября), сказано: „Сентября ¹¹/₂₃ генералъ-маіоръ Дороховъ, продолжая дѣйствія съ своимъ отрядомъ, доставилъ перехваченную имъ у непріятеля почту въ двухъ запечатанныхъ ящикахъ, а третій ящикъ съ ограбленными церковными вещами; ¹²/₂₄ сентября поймано его же отрядомъ на Можайской дорогѣ два курьера съ депешами“, и прочее.

Въ рапортѣ генерала Винценгероде къ государю императору изъ города Клина, отъ ³/₁₅ октября, сказано: „На сихъ дняхъ симъ послѣднимъ полковникомъ (Чернозубовымъ) взяты два французскіе курьера, ѣхавшіе изъ Москвы съ депешами“.

Фельдмаршалъ доноситъ также государю императору, отъ ¹/₁₃ октября, о взятіи 24-го сентября (6-го октября) курьера близъ Верей подполковникомъ княземъ Вадбольскимъ.

Генералъ Винценгероде доноситъ государю императору, отъ ⁸/₂₀ октября, изъ села Чашникова, о взятіи курьера въ слѣдующихъ словахъ:

„Я получилъ рапортъ отъ подполковника Чернозубова, находящагося со ввѣреннымъ ему полкомъ на Можайской дорогѣ между городами Гжатскомъ и Вязмою“.

Вотъ этотъ рапортъ: „Прибывъ съ полкомъ, мнѣ ввѣреннымъ, къ деревнѣ Теплухѣ на большой Московской дорогѣ, находящейся гдѣ учреждена французская почта (étape), я успѣлъ схватить непріятельскаго почталіона (estafette), предъ моимъ прибытіемъ выѣхавшаго изъ сей деревни. Всѣ бумаги, при немъ найденныя, при семъ къ вашему превосходительству представляю, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ французскихъ войскъ, взятымъ на самой большой дорогѣ.“

„Послѣ сего я пошелъ прямо по той же самой дорогѣ къ Цареву-Займищу и на пути взялъ въ плѣнъ одного офицера и тридцать-восемь рядовыхъ, которыхъ, для поставленія въ Тверь, препроводилъ къ Сычевскому исправнику. До упомянутаго Царева-Займища я не могъ дойти, по причинѣ встрѣтившейся въ большомъ числѣ пѣхоты, препровождавшей обозъ, котораго часть отбивъ, я поворотилъ назадъ, и имѣю ночлегъ сего числа въ деревнѣ Холмѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ большой дороги. Вашему превосходительству о семъ донести честь имѣю, равно и о томъ, что въ сихъ предпріятіяхъ содѣйствовали мнѣ города Сычевокъ дворянскій предводитель Нахимовъ и исправникъ Богуславскій“.

Господинъ Шамбре, въ „Исторіи нашествія на Россію“, опровергаетъ съ успѣхомъ слова Наполеона, мною здѣсь оспариваемыя; онъ говоритъ: „Наполеонъ въ этомъ случаѣ самъ себѣ противорѣчитъ въ письмахъ своихъ отъ 3-го, 23-го, 24-го и 27-го сентября (н. м.), такъ какъ и отъ 6-го, 10-го, 2-го и 24-го октября, 9-го ноября, 2-го декабря (н. м.) и въ другихъ еще письмахъ, мною не объявленныхъ оттого, что я не нашелъ въ нихъ ничего достойнаго замѣчанія. Сверхъ этихъ писемъ, донесенія генерала Бараге-д'Ильера, приложенныя къ сему второму изданію, достаточно удостовѣряютъ не въ собственномъ заблужденіи Наполеона, а въ умышенномъ стараніи его ввести другихъ въ заблужденіе, дабы чрезъ то прикрыть славу и самолюбіе свое отъ нападокъ. Безъ сомнѣнія, онъ не рѣшился бы сказать все мною оспариваемое, если бы зналъ, что часть его писемъ, записки Бертье и другихъ генераловъ, вѣдомости о движеніяхъ войскъ и другіе драгоцѣнные документы, необходимыя для описанія нашествія на Россію, будутъ нѣкогда обнародованы; обстоятельство, которое, повидимому, должно было быть вовсе никому неизвѣстнымъ, становится, напротивъ, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ событій нашего времени“ ¹⁾.

¹⁾ Histoire de l'expédition en Russie, par M*** (Chambray) Tome III, pag. 249.

Вотъ нѣкоторыя выписки изъ сихъ писемъ: „Мы не получали эстафетъ послѣ прибывшей 7/19 октября. Недостаетъ тѣхъ, которыя должны были прибыть 8/20, 9/21 и 10/22“ ¹⁾. „Доведите до его, (маршала Виктора) свѣдѣнія, что не получая эстафетъ по сіе время, я не знаю, что происходитъ въ его сторонѣ“ ²⁾. „Императоръ не получилъ двухъ эстафетъ; быть можетъ, что это есть слѣдствіе нашего отступленія къ Сенно, и чрезъ это стало доступнымъ непріятелю большое пространство земли“ ³⁾.

И наконецъ господинъ Шамбре заключаетъ: „Во время отступленія, Наполеонъ получилъ отъ Смоленска до Молодечно лишь двѣ депеши изъ Франціи, и то чрезъ Марета (герцога Бассано). На доставленіе первой изъ этихъ депешей отважился польскій дворянинъ, объ имени котораго я умолчу, дабы не подвергнуть его подозрѣнію; вторую доставилъ ему еврей за деньги; онъ встрѣтилъ Наполеона въ Каменѣ, послѣ перехода чрезъ Березину“ ⁴⁾.

Теперь мы подошли къ главному предмету партизанскаго дѣйствія, а именно, къ истребленію непріятельскихъ подвозовъ съ боевыми и съѣстными припасами, отрядовъ, командъ и войскъ, проходящихъ въ армію, или изъ оной. Достигли ли наши партизаны этого предмета, или нѣтъ, мы увидимъ изъ достовѣрныхъ документовъ, которыми я вооруженъ. Прежде всего представимъ легкій очеркъ того положенія, въ которомъ находились пути сообщенія французской арміи; очеркъ этотъ принадлежитъ не мнѣ, а господину Шамбре. „Невѣдѣніе его (Наполеона) о движеніяхъ этого генерала (Кутузова), умножаясь вслѣдствіе рыскавшихъ около Москвы русскихъ партій, ввергло его въ совершенное недоумѣніе на счетъ намѣренія непріятеля. Партіи эти, безпокая съ неутомимою дѣятельностью фуражировъ, пресѣкли всѣ прямыя сообщенія между Мюратомъ, Бессьеромъ и Понятовскимъ. Ихъ предпріятіямъ

¹⁾ Lettre du M. Berthier à Junot 23 Octob. Fominskoé.

²⁾ Lettre de Napoléon au major-général.

³⁾ Lettre du M. Berthier à Victor 9 Nov. Smolensk.

⁴⁾ Histoire de l'expédition en Russie, par M.*** (Chambray).

содѣйствовали тѣ изъ поселянъ, которые оставались еще въ селеніяхъ, увѣдомленіемъ о движеніяхъ французскихъ войскъ. Наконецъ взятіемъ нѣсколькихъ артиллерійскихъ палубъ и нѣсколькихъ командъ между Москвою и Можайскомъ, Дороховъ преградилъ путь подвозамъ, принудивъ ихъ измѣнить свое направленіе. Для возстановленія этого сообщенія, Наполеонъ отрядилъ, ¹¹/₂₃ сентября, гвардейскихъ драгунъ, двѣ роты гвардейской конной артиллеріи и одинъ линейный полкъ. Этому отряду было предписано остановиться въ селѣ Вязѣмѣ, находящемся на столбовой дорогѣ въ 7 льѣ (35 верстахъ) отъ Москвы. Спустя нѣсколько дней, ¹⁴/₂₆ сентября, онъ еще отрядилъ на половину пути отъ этого села къ Москвѣ дивизію Брусъера, принадлежавшую корпусу принца Евгенія, легкую кавалерію того же корпуса и гвардейскихъ конныхъ егерей съ артиллерійскою конною ротою. Такъ какъ и сама дорога отъ Можайска къ Смоленску много подвергалась нападеніямъ партій, то было приказано Наполеономъ отправлять войска изъ этого города не иначе, какъ вмѣстѣ, и не менѣе какъ въ числѣ 1500 человекъ“. Томъ III, стр. 151.

Теперь перейдемъ къ документамъ.

Донесеніе Бертье генерала Бараге-д'Ильера, военного губернатора Смоленской губерніи, квартировавшаго въ Вязьмѣ.

Вязьма. ⁸/₂₀ сентября.

„Число и отвага вооруженныхъ поселянъ, повидимому, увеличивается; въ глубинѣ области ³/₁₅ сентября крестьяне деревни Клушина, что возлѣ Гжатска, перехватили транспортъ съ понтонами, слѣдовавшій подъ командою капитана Мишеля. Поселяне повсюду отбиваются отъ войскъ нашихъ, рѣжутъ отряды, которые мы вынуждены посылать для отысканія пищи. Эти неистовства, чаще происходящія между Дорогобужемъ и Можайскомъ, достойны, по моему мнѣнію, вниманія вашей свѣтлости. Необходимо тотчасъ взять мѣры къ прекращенію новыхъ безпокойствъ, возбуждаемыхъ крестьянами, или примѣрно наказать ихъ наглость за прошедшія преступленія ¹).“

¹) Lettre du gén. Baraguay d'Hilliers au M. Berthier.

„Казаки рыщутъ на флангахъ нашихъ. Разъѣздъ, состоявшій изъ 150 гвардейскихъ драгунъ, подъ командою генерала Мартода, попался въ засаду казаковъ между дорогами Московской и Калужской; изрубивъ 300 человекъ, они хотя и пробились, но оставили 20 человекъ на полѣ сраженія. Они были взяты, а вмѣстѣ съ ними и тяжело раненый майоръ“. 23-й бюллетень,^{9/21} октября, Москва ¹⁾).

„Казаки показались на Смоленской дорогѣ, въ 24 или въ 28 верстахъ отсюда. Они въ числѣ тридцати человекъ внезапно атаковали подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ, состоявшій изъ 15 ящиковъ, и сожгли его“. Бертье къ Мюрату, отъ ^{10/22} сентября. Москва.

„Вы, конечно, уже извѣщены о томъ, что произошло на Можайской дорогѣ; казаки, въ числѣ около сорока человекъ, напали нечаянно въ одной деревнѣ на 15 артиллерійскихъ палубъ и подорвали ихъ. Императоръ послалъ майора Летора съ 250 драгунами на Можайскую дорогу, въ самое то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Майоръ Леторъ имѣетъ повелѣніе остановить всѣ кавалерійскія команды, которыя слѣдуютъ въ армию, отчего отрядъ его достигнетъ до полуторы тысячи или до двухъ тысячъ человекъ. Съ этимъ отрядомъ онъ назначенъ прикрывать дорогу“, и прочее. Изъ письма Бертье къ Бессьеру, ^{10/22} сентября. Москва ²⁾).

„Пятьсотъ или шестьсотъ казаковъ, пресѣкшихъ Можайскую дорогу, намъ нанесли много вреда. Они подорвали 15 артиллерійскихъ палубъ и взяли два резервные эскадрона, шедшіе въ армию, то-есть, около двухсотъ конныхъ солдатъ. Эти эскадроны принадлежали резервной командѣ генерала Ланюса, который неосторожно расположилъ ихъ вправо отъ себя; послѣ того казаки хотѣли атаковать большой обозъ

¹⁾ 23-me bulletin, 9 Oct. Moscou.

²⁾ Lettre du M. Berthier à Murat. 22 Sept. Moscou. Этотъ набѣгъ, встревожившій маршала Бертье, былъ произведенъ сорока казаками, но потеря непріятели состояла не въ 15, а въ 36 палубахъ, двухъ капитанахъ, пяти офицерахъ и девяносто-двухъ рядовыхъ. Это можно видѣть въ рапортъ Дорохова, хранящемся въ главномъ штабѣ его величества. Это нападеніе было произведено на село Перхушково сотникомъ Юдинымъ.

съ артиллерійскими снарядами, но были отражены ружейной пальбой прикрытія. Такъ какъ я уже извѣщалъ васъ, маіоръ Леторъ прибылъ вчера въ домъ князя Голицына, что на Можайской дорогѣ, съ двумястами конныхъ солдатъ. По извѣстіямъ, даннымъ вами, и также по извѣстіямъ, полученнымъ отъ короля (Мюрата), его величество приказалъ генералу Сентъ-Сюльпису выступить со всѣми своими драгунами на подкрѣпленіе маіора Летора, если только это будетъ необходимо. Я полагаю, что не нужно будетъ прибѣгать къ этому, ибо движеніе войскъ, посланныхъ вами къ Подольску и къ Деснѣ, должно вовсе удалить казаковъ отъ Можайской дороги“. Изъ письма Бертье къ Бессьеру ¹¹/₂₃ сентября. Москва ¹).

Наполеонъ къ Бертье. Москва. ¹¹/₂₃ сентября.

„Увѣдомьте генерала Бараге-д'Ильера и герцога Абрантесскаго (Жюно), что кавалерія и артиллерія, которыя должны прикрывать транспорты, должны слѣдовать совокупно, ночевать въ кареѣ близъ транспорта и ни подъ какимъ предлогомъ не раздробляться; начальникъ транспорта долженъ ночевать среди его; всякій начальникъ, который не будетъ соблюдать этихъ повелѣній, будетъ наказанъ за нерадѣніе и будетъ виновенъ въ случаѣ взятія транспорта.

„Подтвердите это повелѣніе въ Смоленскѣ, чтобы каждый транспортъ былъ посылаемъ подъ командою штабъ-офицера и подъ прикрытіемъ 1500 человекъ пѣхоты и кавалеріи, не

¹) Lettre du M. Berthier à Bessiéres. 23 Sept. Moscou. Я не почитаю нужнымъ оспаривать странное мнѣніе маршала Бертье, будто бы движеніемъ кавалеріи Бессьера къ Подольску и къ Деснѣ можно было остановить покушенія партій нашихъ на Смоленскую дорогу; нелѣпость такого мнѣнія недостойна опроверженія. Надо объяснить положеніе дѣлъ, о которыхъ упоминаетъ этотъ маршалъ: дѣло означенное въ выпискѣ этого письма, принадлежитъ полковнику Сиверсу, который взялъ въ плѣнъ ѣхавшаго съ повелѣніями адъютанта маршала Нея, съ однимъ капитаномъ и тремя рядовыми. Въ 23-мъ бюллетенѣ и въ выпискѣ письма Бертье къ Бессьеру отъ 26-го сентября, о которой я упомяну, говорится о другомъ дѣлѣ, происходившемъ у села Бурцова, что на Боровской дорогѣ; въ этомъ дѣлѣ взяты маіоръ Мартодъ, четыре офицера и сорокъ восемь рядовыхъ; съ нашей стороны уронъ былъ значительный: убитъ полковникъ Сиверсъ, тяжело ранены полковникъ князь Хилковъ и маіоръ графъ Гудовичъ, нижнихъ чиновъ ранено и убито двадцать-пять.

считая артиллерійскихъ, инженерныхъ и обозныхъ погонщиковъ. Дайте знать, что я съ прискорбіемъ вижу, что транспорты отправляются съ слабыми прикрытіями. Вслѣдствіе этого повелѣнія, напишите приказъ на счетъ образа ночеванья транспортовъ и пошлите оный къ начальникамъ транспортовъ 5-го и 6-го. Независимо отъ этого приказа, представьте предъ глаза мои уложенія на счетъ транспортовъ и прикрытій оныхъ. Мнѣ помнится, что въ нихъ весьма ясно изложены средства, какъ транспорты должны быть охраняемы. Если такъ, то надо будетъ перепечатать эти уложенія и разо-слать ихъ по всѣмъ комендантамъ укрѣпленій отсюда до Ковно“ ¹⁾).

Отъ того же къ тому же. Москва. ¹²/₂₄ сентября.

„Увѣдомьте генерала Сентъ-Сюльписа, что я получилъ его письмо. Объявите ему, что на безопасный проѣздъ отъ Можайска до Москвы я гляжу, какъ на весьма важное дѣло, и что я полагаюсь на него въ охраненіи этого пути. Ему надлежитъ расположиться на томъ пунктѣ, на которомъ онъ теперь находится и который есть центральный; онъ долженъ открыть сообщеніе съ герцогомъ Абрантесскимъ (Жюно), находящимся въ Можайскѣ, и рекомендую ему прикрывать эстафеты, при проѣздѣ ихъ мимо его отряда. Полковникъ Леторъ поступаетъ подъ его команду, и я предоставляю ему расположить Летора уступомъ тамъ, гдѣ заблагоразсудитъ.

„Предпишите ему и настаивайте, чтобы онъ имѣлъ патрули для прикрытія курьеровъ. Нужно было бы узнать: отозваны или нѣтъ казачьи отряды, назначенные для того, чтобы перехватывать ихъ? Я полагаю, что онъ уже послалъ двѣсти или триста человѣкъ на то мѣсто, гдѣ отрядъ генерала Ланюса былъ взятъ тому нѣсколько дней. Генераль Леторъ выступаетъ нынче или завтра; этимъ все-таки прибавится лишняя патруль на дорогѣ“ ²⁾).

¹⁾ Lettre de Napoléon au M. Berthier. 23 Sept. Moscou.

²⁾ Lettre de Napoléon au M. Berthier. 24 Sept. Moscou.

Выписка изъ письма Бертье къ Бессьеру отъ ¹⁴/₂₆ сентября. „Канонада, которую вы вчера утромъ слышали вправо отъ васъ, была предпринята по наблюдательному отряду гвардейскихъ драгунъ, слѣдовавшихъ противъ правилъ подъ начальствомъ маіора Мартодота, который взятъ или убитъ. Мы потеряли въ этой безразсудной схваткѣ нѣсколько гвардейскихъ драгунъ, взятыми или убитыми, маіора, капитана, старшаго адъютанта. Мы также потеряли нѣсколько человѣкъ пѣхоты. Безразсудный начальникъ отряда былъ нечаянно атакованъ тремя тысячами человѣкъ войска при нѣсколькихъ орудіяхъ“ ¹).

Наполеонъ къ Бертье. Москва. ¹⁵/₁₇ сентября.

„Я позволяю генералу Бараге-д'Ильеру располагать польскимъ полкомъ, по его усмотрѣнію. Такъ много отрядовъ идетъ къ намъ сзади, что ему легко будетъ проучить поселянъ“ ²).

Генералъ Бараге-д'Ильеръ къ Бертье. Вязьма. ¹⁸/₃₀ сентября.

„Я получилъ письмо вашей свѣтлости. Огорченный его содержаніемъ и видя, что императоръ, хотя и не явно, обвиняетъ меня въ нерадѣніи относительно образованія губерніи, мнѣ ввѣренной, отчего, по его мнѣнію, происходятъ безпорядки на пространствѣ отъ Смоленска до Можайска, я спѣшу отвѣчать какъ можно откровеннѣе и короче. Прежде всего скажу: я образовалъ военное и гражданское управленіе Смоленской губерніи, въ чемъ удостовѣряетъ прилагаемое при семъ уложеніе; но для извлеченія всѣхъ средствъ изъ непріятельской области, въ которой жители вооружены противъ насъ, надо: во-первыхъ, достаточное число войскъ для занятія важнѣйшихъ пунктовъ, и этимъ устрашить жителей, и для изгнанія тѣхъ, которые руководятъ вооруженными жителями. Во-вторыхъ, когда не существуетъ никакого сходства въ языкѣ завоевательной арміи съ языкомъ завоеваннаго народа ¹), тогда нужно имѣть людей, говорящихъ обоими языками, дабы повелѣнія и требованія наши могли быть имъ понимаемы. До

¹) Lettre du M. Berthier à Bessiers. 26 Sept. Moscou.

²) Lettre de Napoléon au M. Berthier. 27 Sept.

сего же времени, я во всей губерніи нигдѣ не имѣю ни того, ни другого пособія. Если исключимъ укрѣпленныя станціи, на дорогѣ расположенныя, то останется дѣйствующихъ войскъ: въ Дорогобужѣ около двухсотъ человѣкъ пѣхоты и сорокъ гусаровъ; въ Гжатскѣ сто-семьдесятъ человѣкъ. Ваша свѣтлость можете повѣрить это по ежедневнымъ вѣдомостямъ.

„На другой день по прибытіи моемъ сюда, я, вслѣдствіе вашего повелѣнія, послалъ три колонны, составленныя каждая изъ пятидесяти человѣкъ, для обозрѣнія области и для собранія съѣстныхъ припасовъ. Двѣ изъ нихъ были взяты и не возвратились, о чемъ я имѣлъ честь донести вашей свѣтлости. Нѣсколько подобныхъ происшествій случилось послѣ того“ ²⁾).

Наполеонъ къ Бертье. Москва. 24-го сентября (6-го октября).

„Напишите герцогу Беллюнскому (Виктору), чтобы полки, сформированные въ Кёнигсбергѣ и въ Витебскѣ, изъ отставшихъ отъ своихъ полковъ людей, не прикрывали артиллерійскихъ транспортовъ.

„Эти транспорты должны быть прикрываемы полными баталіонами, или частями баталіоновъ полного состава“ ³⁾).

Отъ того же къ тому же. Москва. 24-го сентября (6-го октября).

„Увѣдомьте генерала Бараге-д'Ильера о всѣхъ принятыхъ распоряженіяхъ для образованія 9-го корпуса и о мѣстѣ, гдѣ ему слѣдуетъ находиться. Дайте знать ему, что я совершенно согласенъ на его требованіе, чтобы занять сильными отрядами Вязму, Гжатскъ и Дорогобужъ. Вслѣдствіе этого я приказываю вамъ предписать Гжатскому коменданту, чтобы онъ не пропускалъ далѣе Гжатска, и герцогу Абрантесскому (Жюно), чтобы онъ не пропускалъ далѣе Можайска команды,

¹⁾ Каковъ завоеванный народъ, о которомъ нѣсколько выше сказано, что онъ однако еще вооруженъ противъ завоевателей.

²⁾ Lettre du général Baragay-d'Hilliers au M. Berthier. 30 Sept. Viasma

³⁾ Lettre de Napoléon à Berthier. 6 Oct. Moscou.

сюда идущія, разумѣется, если войска эти не перешли уже вышесказанныхъ пунктовъ“ ¹⁾.

„Непріятель выставилъ много казаковъ, которые беспокоятъ кавалерію“. 25-й бюллетень, ⁸/₂₀ октября ²⁾.

Бертье къ Даву. Вязьма. 21-го октября (2-го ноября).

„Необходимо нужно, князь, перемѣнить образъ построения, употребляемый на переходахъ противъ непріятеля, обладающаго такимъ множествомъ казаковъ. Надобно дѣлать переходы такъ, какъ мы дѣлали ихъ въ Египтѣ: обозы въ срединѣ и въ столькихъ рядахъ, сколько позволитъ дорога. Полубаталіонъ въ замкѣ и нѣсколько баталіоновъ въ одну шеренгу по бокамъ обоза, такъ, чтобы при поворотѣ во фронтъ огонь былъ отовсюду. Можно дозволить, чтобы баталіоны эти находились одинъ отъ другого въ нѣкоторомъ разстояніи, которое тогда должно быть занято нѣкоторымъ числомъ орудій. Наблюдайте, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не было отдаляющихся поодиночкѣ и безъ оружія солдатъ“ ³⁾.

Отъ того же къ Нею. Вязьма. 21-го октября (2-го ноября).

„Надо круто обуздать предпріятіе этой канальи казаковъ и обходиться съ ними, какъ мы обходились съ Аравитянами въ Египтѣ“ ⁴⁾.

„Отъ самаго Малоярославскаго дѣла авангардъ не видалъ непріятеля, развѣ однихъ казаковъ, которые, подобно Аравитянамъ, рыщутъ на флангахъ и гарцуютъ, беспокоя насъ“.

„Съ тѣхъ поръ не видали уже русской пѣхоты, а однихъ казаковъ“. 28-й бюллетень. 30-го октября (11-го ноября) ⁵⁾.

„Непріятель, видѣвшій на дорогѣ слѣды ужаснаго злополучія, поражающаго французскую армію, старался этимъ воспользоваться. Онъ окружилъ всѣ колонны казаками, ко-

¹⁾ Lettre de Napoléon au M. Berthier. 6 Oct. Moscou.

²⁾ 25-me bulletin 28 Oct. Noilskoé.

³⁾ Lettre du M. Berthier à Davoust. 2 Nov. Viasma.

⁴⁾ Lettre du même à Ney. 2 Nov. Viasma.

⁵⁾ Bulletin 28-me. 11 Nov. Smolensk.

торые отхватывали, подобно Аравитянамъ въ пустынь, отстававшія фуры и повозки“. 29-й бюллетень. 21-го ноября (3-го декабря)¹⁾.

„Офицеры и солдаты много потерпѣли отъ усталости и голода. Многіе лишились всего своего имущества, вслѣдствіе потери повозочныхъ лошадей; нѣкоторые вслѣдствіе казачьихъ засадъ. Казаки захватили великое число разсѣянныхъ и бродящихъ солдатъ, офицеровъ инженерныхъ, генеральнаго штаба, снимавшихъ планы съ мѣстоположеній, и раненыхъ офицеровъ, неосторожно путешествовавшихъ“. 29-й бюллетень большой арміи.

„Генераль Барак-д'Ильеръ командовалъ дивизіею, формировавшеюся въ Смоленскѣ. Онъ расположилъ свои войска на дорогѣ, идущей изъ Смоленска въ Ельню. Приближеніе російской арміи должно было бы заставить его сосредоточить его дивизію. Онъ этого не сдѣлалъ; 28-го октября (9-го ноября) трое русскихъ партизановъ атаковали одну изъ его бригадъ, которая, не взирая на свою численность, простиравшуюся до 1100 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы, положила оружіе. Остальная часть дивизіи едва успѣла скрыться въ Смоленскѣ. Партизаны взяли также многія французскія депо, изъ коихъ главнѣйшее было въ Клементьевѣ²⁾. Большая часть лошадей, употребленныхъ для возки фуръ и расположенныхъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Смоленска, но въ дальнемъ разстояніи отъ этого города, попались также въ руки казаковъ.

Императоръ объявилъ неудовольствіе свое генералу Барак-д'Ильеру за то, что, будучи извѣщенъ о движеніи непріятеля, онъ не собралъ войска свои. Императоръ лишилъ его команды и сослалъ въ Берлинъ. Тамъ было назначено судить его.

Независимо отъ невозвратной потери людей и лошадей, причиненной непредусмотрительностью генерала Барак-д'Ильера,

¹⁾ Bulletin 29-me. 3 Dec. Molodetchno.

²⁾ Главное депо находилось не въ Клементьевѣ, а въ Горкахъ: это депо, состоявшее подъ начальствомъ майора Бланкарда, было на голову разбито и частью взято 21-го ноября (3-го декабря) въ Копысѣ моею партіею.

императору было чрезмѣрно прискорбно видѣть, что французскій корпусъ, состоявшій изъ 1100 человекъ и 500 конницы, могъ положить оружіе передъ партизанскими отрядами!

„Генераль Ожерд съ бригадою своею былъ взятъ русскими партизанами: Денисовымъ, Давыдовымъ и Сеславинымъ ¹⁾, соединившимися для этого предпріятія“. Гурго. Критическій разборъ Исторіи 1812 года господина Сегюра ²⁾.

Я могъ бы не удовольствоваться этими документами, у меня хранившимися, но я опасаясь представить слишкомъ длинную статью; между тѣмъ, поставивъ себѣ въ обязанность не представлять иныхъ документовъ, кромѣ тѣхъ, кои были обнаружены самимъ непріателемъ, я, къ сожалѣнію моему, не могу уже упомянуть о тѣхъ партизанскихъ набѣгахъ, которые, бывъ извѣстны обѣимъ сражавшимся арміямъ, были помѣщены въ однихъ донесеніяхъ и объявленіяхъ князя Кутузова. Я потому не распространяюсь о поискѣ ^{8/20} октября, при Каменномъ и Плесковѣ въ тылъ авангарда французской арміи, въ которомъ партизанъ Фигнеръ взялъ пять офицеровъ и триста-шестьдесятъ рядовыхъ и отбилъ огромный транспортъ со съѣстными припасами, собранными изъ окрестныхъ деревень.

Я умолчу также о поискѣ Сеславина, ^{10/22} октября, въ которомъ онъ сорвалъ завѣсу, скрывавшую гибельное для насъ движеніе французской арміи, о которомъ впрочемъ я упоминаю въ запискахъ моихъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ рѣшительныхъ событій этой кампаніи; о поискѣ у села Шалымова, ^{12/24} октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ взялъ въ плѣнъ двухъ комиссаровъ и четыреста рядовыхъ; о поискѣ близъ Медыни, ^{13/25} октября, въ которомъ полковникъ Иловайскій, разбивъ авангардъ князя Понятовскаго,

¹⁾ Генераль Гурко умолчалъ о партизанѣ Фигнерѣ и вмѣсто Денисова долженъ былъ бы сказать: графомъ Орловымъ-Денисовымъ, ибо фамилія Денисовыхъ весьма многочисленна на Дону, и потому нельзя узнать, по словамъ господина Гурко, который изъ Денисовыхъ былъ въ этомъ дѣлѣ.

²⁾ Examen critique de l'ouvrage de M. Segur par le gén. Gourgaud.

взялъ пять орудій, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеровъ и рядовыхъ; о вторичномъ поискѣ при Боровской дорогѣ, ¹⁴/₂₆ октября, въ которомъ партизанъ князь Кудашевъ отбилъ сто фургоновъ съ провіантомъ и снарядами и взялъ въ плѣнъ около четырехсотъ человѣкъ; о поискѣ при Молодечно, 21-го октября (2--го ноября), въ которомъ полковникъ Чернышевъ взялъ три эстафеты и отбилъ изъ плѣна генерала Винценгероде и Свѣчина, а съ ними вмѣстѣ маіора Нарышкина и провіантскаго чиновника Полотова; о поискѣ при Борисовѣ, ¹⁶/₂₈ ноября, въ которомъ партизанъ Сеславинъ открылъ сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ и взялъ въ плѣнъ 3000 рядовыхъ и множество офицеровъ.

Все эти предпріятія и набѣги, увѣнчанные бѣльшими или меньшими успѣхами во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, преградили путь слѣдовавшимъ къ нимъ подвозамъ съ пищею, зарядами, и значительно затруднили для нихъ самое фуражированіе; самый проѣздъ курьеровъ и чиновниковъ, посылаемыхъ въ отдѣльные корпуса, въ средину Европы и во Францію, или слѣдовавшихъ оттуда въ непріятельскую армію, сдѣлался почти невозможнымъ. Это не дозволило частямъ арміи оказывать взаимнаго содѣйствія; самыя общія передвиженія непріятельской арміи, успѣхъ которыхъ преимущественно зависѣлъ отъ сохраненія ихъ въ тайнѣ, были заблаговременно открываемы партизанами, а потому французы всюду встрѣчали сильное противодѣйствіе. Примѣры этому видимъ при Малоярославцѣ, при Славковѣ и при Смоленскѣ, о которыхъ я упоминаю въ своихъ Запискахъ.

Означенные набѣги и поиски должны были неминуемо обнаружить все свое вредное вліяніе, когда непріятельская армія, оставивъ Москву, сопутствуемая голодомъ и холодомъ, двинулась обратно по пути опустошенному и безпріютному; будучи денно и ночно тревожима партизанскими партіями, она была принуждена противопоставить неустойчивости этихъ смѣльчаковъ излишнюю осторожность, что изнуряло ихъ войска во время приваловъ и ночлеговъ; ибо невозможно было знать,

особенно въ ночное время, что за толпами казаковъ нѣтъ пѣхоты и артиллеріи, а потому ничтожная перестрѣлка могла обратиться въ рѣшительный бой. Сверхъ того непрестанный надзоръ партизановъ, непрерывныя покушенія ихъ, внезапныя набѣги на команды, отдалявшіяся отъ колоннъ, крайне утѣшили и изнурили непріятеля; онъ опасался отлучаться отъ главной массы своихъ войскъ, хотя бы для отысканія себѣ пищи и пріюта противъ стужи. Основываясь на смѣтѣ, сдѣланной главнымъ штабомъ россійской арміи, мы видимъ, что число плѣнныхъ, взятыхъ различными партіями, простиралось до 15000 рядовыхъ и чиновниковъ. Къ этому надо прибавить огромное количество фуръ съ провіантомъ и одеждою, палубъ съ зарядами, тысячи воловъ и строевыхъ и повозочныхъ лошадей, и прочее.

Послѣ всего того я спрашиваю всякаго безпристрастнаго человѣка: какое можетъ вселить довѣріе та часть Наполеоновыхъ Записокъ, въ которой раздраженный, какъ кажется, горестнымъ воспоминаніемъ о прошедшемъ и тяжкимъ гнетомъ настоящаго, онъ рѣшился обнародывать все мною выше опровергнутое. Онъ утверждаетъ, что въ теченіе Московской кампаніи въ тылу французской арміи не было непріятеля и что она не лишилась ни одного транспорта провіантскаго и артиллерійскаго, ни одной команды, ни одной эстафеты, ни одного курьера и даже (что выше всякаго вѣроятія) ни одного бродяги? И кто тому не вѣритъ? Самъ Наполеонъ едва не попался два раза въ плѣнъ казакамъ; а извѣстно, что мѣсто полководца не впереди своихъ войскъ, но въ срединѣ и тылу ихъ.

Вотъ первый случай; не я, а неустрашимый и прямодушный генералъ Раппъ, находившійся тогда близъ стремени Наполеона, рассказываетъ объ этомъ:

„Наполеонъ кочевалъ въ полумилѣ отъ этого мѣста (отъ Малоярославца). На другой день мы сѣли на коней въ семь съ половиною часовъ, чтобы осмотрѣть мѣсто, на которомъ наканунѣ сражались. Императоръ находился между герцогомъ Виченскимъ (Коленкуръ), принцемъ Невшательскимъ (Бертъе)

и мною. Едва успѣли мы оставить шалаши, гдѣ провели ночь, какъ прилетѣли тучи казаковъ. Они выѣзжали изъ лѣса, находившагося впереди насъ на лѣвой сторонѣ. Такъ какъ они были построены довольно правильно, то мы приняли ихъ за французскую кавалерію.

„Герцогъ Виченскій первый догадался. „Государь, это — казаки!“ — „Не можетъ быть“, отвѣчалъ Наполеонъ. — „Они уже скакали на насъ, оглашая воздухъ ужаснымъ крикомъ. Я схватилъ лошадь его за узду и быстро поворотилъ ее. „Да это наши!“ — Это казаки, не медлите! — „Точно они“ — сказалъ Бертъе. — „Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія“, прибавилъ Мутонъ. Наполеонъ далъ нѣсколько повелѣній и отбѣжалъ. Я двинулся впередъ съ конвойнымъ эскадрономъ; насъ опрокинули; лошадь моя, получивъ ударъ пикою въ шесть пальцевъ глубины, повалилась на меня; мы были затоптаны этими варварами. Къ счастью, примѣтивъ артиллерійскій паркъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, они бросились на него. Маршалъ Бессьеръ успѣлъ между тѣмъ прибыть съ конно-гвардейскими гренадерами“ ¹⁾.

О томъ же дѣлѣ сказано въ бюллетенѣ такъ: „Императоръ перенесъ главную квартиру свою въ деревню Городню. Въ семь часовъ утра шесть тысячъ казаковъ, прокравшись лѣсомъ, произвели общій набѣгъ при крикахъ „ура!“ въ тылъ позиціи, при чемъ взяли шесть орудій въ паркѣ; герцогъ Истрійскій (Бессьеръ) быстро двинулся со всею гвардейскою кавалеріею. Онъ осыпалъ сабельными ударами эту орду, опрокинулъ ее, втопталъ въ рѣку, возвратилъ взятую артиллерію и отбилъ нѣсколько фуръ, принадлежащихъ непріятелю; 600 казаковъ убито, ранено и взято въ плѣнъ, 30 гвардейцевъ ранено и три убито. Подъ дивизіоннымъ генераломъ Раппомъ убита лошадь. Неустрашимость, столько разъ оказанная этимъ генераломъ, обнаруживается во всѣхъ случаяхъ. Драгунскій маіоръ Леторъ отличился. Въ восемь часовъ все пришло въ прежній порядокъ“ ²⁾.

¹⁾ Mémoires du général Rapp; page 226 et 227.

²⁾ 27-me bulletin. 27 Oct. Vereia.

Это дѣло, называемое во французской арміи „le bouga de l'empereur“ (императорское ура), случилось на другой день послѣ Малоярославскаго сраженія. До разсвѣта Платовъ отрядилъ часть своего летучаго корпуса съ генераломъ Иловайскимъ за рѣку Лужу нѣсколькими верстами выше Малоярославца, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ войскамъ, сражавшимся наканунѣ предъ этимъ городомъ и стоявшимъ еще на полѣ сраженія. Иловайскій ударилъ на артиллерійскій паркъ, который состоялъ изъ 40 орудій и кочевалъ на Боровской дорогѣ во время проѣзда Наполеона изъ Городни въ Малоярославецъ, гдѣ находились войска вице-короля Италіанскаго. Казаки бросились частію на паркъ, а частію на Наполеона и его конвой. Если бы они знали, за кого они, такъ сказать, рукой хватались, то, конечно, не промѣняли бы этой добычи на 11 орудій, отбитыхъ ими изъ парка и которые, не взирая на слова Раппа и 27-го бюллетеня, остались въ ихъ власти и никогда не были обратно взяты французскою кавалеріею. По истинѣ эта кавалерія преслѣдовала казаковъ, но уже въ то время, какъ казаки сами сочли нужнымъ возвратиться къ главнымъ своимъ силамъ. Преслѣдованіе за ними продолжалось до рѣки, которую они перешли въ бродъ, вмѣстѣ съ отбитыми пушками, и огонь изъ двѣнадцати орудій Донской конной артиллеріи, открытый Платовымъ съ праваго берега Лужи, разомъ остановилъ напоръ непріятельской кавалеріи. Она отступила безъ преслѣдованія.

Не менѣе ложно показаніе бюллетеня относительно числа людей, у насъ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, такъ и отбитія казачьихъ обозовъ. У партизановъ и казаковъ нѣтъ другихъ повозокъ, кромѣ тѣхъ, которыя они отхватываютъ у непріятеля, да и они этими повозками пользуются лишь для дальнихъ предпріятій, а не для набѣговъ, продолжающихся нѣсколько часовъ. Ихъ обозы состоятъ обыкновенно изъ выучныхъ лошадей, которыя въ совокупности называются кашами.

Вотъ другой случай. Партизанъ Сеславинъ занялъ съ боя мѣстечко Забрежъ, въ которомъ взялъ генерала Доржанса и одиннадцать штабъ и оберъ-офицеровъ. „23-го октября (4-го ноября)

Наполеонъ, оставивъ Молодечно въ девять часовъ утра, перенесъ главную квартиру въ Бьеницу, Луазонъ долженъ былъ прибыть въ Ошмяны на другой день; а такъ какъ Сморгоны и Молодечно были заняты французскими войсками, то, воспользовавшись безопасностью пути сообщенія, Наполеонъ рѣшился оставить армію; онъ тайно приступилъ къ исполненію своего намѣренія. 24-го октября (5-го ноября) въ восемь часовъ утра, онъ оставилъ Бьеницу и пріѣхалъ къ Сморгони въ часъ по полудни. Тамъ, приготовившись окончательно къ отъѣзду, онъ собралъ генераловъ: Мюрата, принца Евгенія, Бертье, Нея, Даву, Лефебра, Мортье и Бессьера, объявилъ имъ, что оставляетъ армію и ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Сдавъ начальство Мюрату, онъ въ семь часовъ вечера отправился въ путь въ обыкновенной своей каретѣ, за которой ѣхали сани. Онъ взялъ съ собою только генераловъ: Коленкура, Дюрока и Мутона. Первый сидѣлъ съ нимъ въ каретѣ, два послѣдніе въ саняхъ; на козлахъ сидѣли мамелюкъ и ротмистръ польскихъ гвардейскихъ уланъ, который долженъ былъ служить переводчикомъ ¹⁾. Онъ ѣхалъ тайно подъ именемъ герцога Виченскаго и, полагая путь совершенно безопаснымъ, взялъ съ собою лишь одинъ слабый конвой Неаполитанской кавалеріи.

„Луазонъ прибылъ послѣ полудня въ Ошмяны, гдѣ по причинѣ жестокой стужи поспѣшилъ размѣстить войска по домамъ. Русскій партизанъ Сеславинъ, шедшій также на Ошмяны, но боковыми путями влѣво отъ большой дороги, прибылъ къ тому же мѣстечку въ сумерки съ гусарскимъ полкомъ, казаками и артиллеріей. Не зная, что мѣстечко занято пѣхотною дивизіею, онъ ворвался въ него съ кавалеріею, но былъ немедленно принужденъ оставить его. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, онъ расположился на бивуакахъ, въ маломъ разстояніи отъ дороги. Наполеонъ благополучно доѣхалъ до Ошмянъ, но могъ весьма легко попасть, что случилось бы навѣрно, если-бъ этотъ партизанъ зналъ объ его проѣздѣ“ ²⁾.

¹⁾ Духинъ-Вонсовичъ.

²⁾ Chambray. Histoire de l'expédition en Russie. Tome III.

Дѣло это происходило такъ: за часъ предъ вѣздомъ въ Ошмяны Наполеона, Сеславинъ, не зная и бывъ въ невозможности знать объ этомъ обстоятельстве, но искавшій лишь случая сразиться съ непріателемъ, ворвался въ Ошмяны съ Ахтырскими гусарами и казаками; въ то же время орудія его открыли огонь по магазину, находившемуся въ мѣстечкѣ; главный караулъ, стоявшій у квартиры, приготовленной для Наполеона, былъ изрубленъ и магазинъ охваченъ пламенемъ. Французскія войска, разсѣянные по домамъ, стали въ безпорядкѣ выбѣгать къ ружью; темнота ночи много увеличила происшедшую отъ того сумятицу. Нѣкоторыя войска, оробѣвъ, побѣжали по дорогѣ къ Табаришкамъ, но другія, находившіяся внѣ мѣстечка, бросились къ нему и открыли со всѣхъ сторонъ сильный огонь по Сеславиному. Не имѣя пѣхоты, онъ отвѣчалъ имъ саблями и дротиками; видя однако, что борьба не подъ силу, онъ былъ вынужденъ оставить мѣстечко. Въ эту минуту Наполеонъ вѣхалъ въ Ошмяны и, перемѣнивъ лошадей, отправился чрезъ Мѣдники въ Вильно, а отсюда во Францію.

Будь атака однимъ часомъ позже, Наполеонъ не избѣгъ бы плѣна. Конечно, подобная развязка была бы противъ правилъ драматическаго искусства, выгодъ парижскихъ рестораторовъ и красавицъ Пале-Ройяля и нашихъ вооруженныхъ путешественниковъ, совершившихъ на чужой счетъ столь неожиданное путешествіе; за то какая военная слава озарила бы русскихъ! мы кончили бы все дома.... безъ чужеземцевъ!

Сеславинъ не виноватъ, ибо успѣхъ въ подобномъ случаѣ зависитъ отъ судьбы, а не отъ расчетовъ человѣческихъ.

Меня нельзя упрекнуть, чтобы я уступилъ кому либо во враждѣ къ посягателью на независимость и честь моей родины; но моя вражда не шипитъ и не прячется, но молча хватается за горло. Товарищи мои помнятъ, если не слабые успѣхи мои, то, по крайней мѣрѣ, мои усилія, клонившіяся ко вреду непріателя въ теченіе Отечественной и заграничной войнъ; они также помнятъ мое удивленіе, мои восторги, возбужденные

подвигами Наполеона и уваженіе къ его войскамъ, которое я питалъ въ душѣ моей въ пылу борьбы. Солдаты, я и съ оружіемъ въ рукахъ, не преставаля отдавать справедливость первому солдату вѣковъ и міра; я любовался, я былъ обвороженъ храбростію, въ какую бы она одежду не облекалась, въ какихъ бы краяхъ она не проявлялась. Хотя Багратионово „браво“, вырвавшееся въ похвалу непріятеля, среди самаго пыла Бородинской битвы, отозвалось въ душѣ моей, но оно ее не удивило ¹⁾. Такъ чувствовалъ я, когда сердце мое билось еще подъ гусарскимъ ментикомъ, такъ я чувствую нынѣ за плугомъ и въ мирномъ кабинетѣ своемъ. Нѣтъ, не ненависть, не презрѣнная лесть или пристрастіе, но любовь къ истинѣ постоянно руководили перомъ моимъ; впрочемъ я ничего самостоятельнаго не сочинялъ, а сводилъ лишь статьи, противорѣчащія нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ Запискахъ Наполеона, писанныхъ на память, наскоро и безъ документовъ. Читатель рѣшитъ, на чьей сторонѣ правда; но онъ, конечно, во всякомъ случаѣ оцѣнитъ то, что русскій, я соблюдалъ въ своихъ выраженіяхъ чувство приличія и вѣжливости. Я опровергаю нѣкоторыя сказанія того, чья великая память вызвала безстыдныя нареканія и малодушныя оскорбленія нѣкоторыхъ соотечественниковъ моихъ, сослуживцевъ его и даже людей, осыпанныхъ его благодареніями.

Напечатано отдѣльнымъ изданіемъ. М. 1825.

¹⁾ Извѣстно, что у князя Багратиона за нѣсколько минутъ до полученія имъ смертельной раны, вырвалось, такъ сказать, отъ души громкое «браво» 57-му линейному французскому полку, первому изъ полковъ корпуса Даву, который вскочилъ на флешы, расположенныя предъ Семеновскимъ и обороняемыя самимъ княземъ Багратиономъ.

ХУ.

Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ.

Я велъ нѣкоторое время переписку съ сирѣ Вальтеръ-Скоттомъ. Письмо, мною ниже помѣщенное, было написано за нѣсколько часовъ до полученія извѣстія объ его кончинѣ, и потому оно осталось въ моемъ портфелѣ. Я не имѣлъ намѣренія переводить его на русскій языкъ и издавать его въ свѣтъ, если-бъ не узналъ о переводѣ на русскій языкъ книги, на погрѣшности которой я здѣсь указываю. Такъ какъ замѣчанія мои не могутъ уже быть полезными сочинителю, то да охранять онѣ, по крайней мѣрѣ, моихъ соотечественниковъ отъ заблужденія, въ которое былъ невольно введенъ этотъ знаменитый писатель ложными документами, доставленными ему пристрастными и недобросовѣстными людьми.

Милостивый государь! Послѣднее письмо ваше я имѣлъ честь получить вскорѣ послѣ безцѣннаго подарка, вами присланнаго ¹⁾, за который я не успѣлъ еще благодарить васъ, по случаю независящихъ отъ меня обстоятельствъ ²⁾.

Я давно желалъ имѣть портретъ человѣка, такъ много мною уважаемаго, и такъ побѣдительно увлекающаго вниманіе и удивленіе свѣта. Желаніе мое удовлетворено особенною вашею ко мнѣ благосклонностью, простирающеюся до сочетанія моего безславнаго имени съ вашимъ знаменитымъ именемъ ³⁾.

¹⁾ Портретъ его.

²⁾ Пребываніе мое въ дѣйствующихъ войскахъ во время войны съ Персіею въ 1826 году.

³⁾ Подпись собственной рукой подъ портретомъ: Walter Scott for Denis Dawidoff.

Горжусь весьма, милостивый государь, что гравированный портретъ мой давно уже находится въ вашемъ кабинетѣ оружій, столь тщательно вами собираемыхъ. Это спасаетъ меня отъ неприличія одарить васъ изображеніемъ чертъ моей малозначащей особы и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ мнѣ случай просить васъ принять курдскую пикву и персидскій кинжалъ, отбитые отрядомъ, бывшимъ подъ моей командою въ легкой сшибкѣ съ персидскимъ корпусомъ войскъ близъ Эривани, и черкесскій лукъ съ колчаномъ, полнымъ стрѣлъ, который удалось мнѣ пріобрѣсти въ проѣздѣ мой чрезъ кавказскую линію. Все это отправлено къ вамъ чрезъ англійское посольство.

Вы желаете имѣть замѣчанія мои на войну 1812 года, описанную вами, милостивый государь, въ „Исторіи жизни Наполеона“ ¹⁾. Я не безъ робости повинуюсь вашей волѣ, ибо долженъ заблаговременно признаться вамъ, что ихъ будетъ не малое число, потому что документы, коими вы руководствовались при составленіи описанія этой войны, были, повидимому, доставлены вамъ людьми малосвѣдущими и подвластными пристрастію, которое неминуемо должно было, не взирая на любовь вашу къ истинѣ, отозваться и въ той части сочиненія вашего, гдѣ идетъ рѣчь о Россіи. Простите моей солдатской откровенности, но я не былъ бы достоинъ благосклоннаго вниманія вашего, если-бъ осмѣлился платить вамъ за него лицемѣріемъ, мнѣ вовсе не свойственнымъ, и преступнымъ молчаніемъ; прочитавъ описаніе ваше о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ нашихъ армій и о полководцѣ, глубокими соображеніями котораго было спасено мое отечество, и чье имя для насъ русскихъ и драгоцѣнно и священно, я не могу оставить безъ возраженій нѣкоторыхъ ошибочныхъ показаній вашихъ. Приступаю къ замѣчаніямъ.

Вы говорите, глава VІІ, стр. 246: „Турки защищались лучше, чѣмъ отъ нихъ этого ожидали, и хотя въ началѣ кампаніи судьба не благопріятствовала ихъ оружію, однако великій визирь одержалъ наконецъ побѣду подъ Русукомъ

¹⁾ Vie de Napoléon Buonaparte, par Sir Walter Scott. Paris. Imprimerie de Casson. 1827.

или, по крайней мѣрѣ, разстроилъ до того армію російскаго генерала, что принудилъ его снять осаду этой крѣпости. Но побѣда не долго озаряла знамена побѣдителей; вскорѣ руссіане атаковали турецкій укрѣпленный лагерь, взяли его приступомъ и истребили до основанія армію, его защищавшую“.

Вотъ какъ происходило дѣло по истинѣ:

Армія наша, подъ предводительствомъ Кутузова, занимала позицію предъ Рущукской крѣпостью, которая еще 15-го сентября предъидущаго года сдалась предмѣстнику его, графу Каменскому, и уже съ того времени принадлежала намъ.

Великій визирь, прибывшій изъ Турлака въ укрѣпленный лагерь между Пизанцами и Кадькію, рѣшился воспользоваться превосходствомъ числительныхъ силъ своей арміи и атаковать Кутузова. 22-го іюня (ст. ст.), рано по утру, вся армія его двинулась на нашу, и бой завязался. Турецкая армія состояла изъ 60000, число русскихъ войскъ не превышало 20000, включая сюда и казаковъ. Кутузовъ, раздѣливъ пѣхоту свою на девять каре, построилъ ихъ въ двѣ линіи шахматнымъ порядкомъ; третью же составляла кавалерія.

Великій визирь, желая отвлечь вниманіе наше отъ главныхъ пунктовъ атаки, устремилъ пѣхотныя толпы и артиллерию свою противъ центра русской арміи; въ то же время вся конница его яростно атаковала оба фланга наши. Нападенія конницы лѣваго его фланга были постоянно отражены; но конница, составлявшая его правый флангъ, прорвавшись между кареями, опрокинула лѣвую оконечность нашей кавалеріи и, обскакавъ весь лѣвый флангъ нашъ, бурно разлилась по всему пространству виноградныхъ садовъ, находившихся между нашею арміею и крѣпостью. Минута была критическая. Кутузовъ приказалъ всей кавалеріи праваго своего фланга обратиться влѣво и, выдвинувъ ей на помощь одно изъ пѣхотныхъ каре второй линіи, устремилъ эту громаду на турецкую конницу, уже гарцующую подъ стѣнами крѣпости. Натискъ былъ дружный, очертя голову, и, слѣдовательно, удачный. Турки не устояли и отхлынули къ главнымъ силамъ своей арміи, которая послѣ тщетныхъ усилій, продолжавшихся сряду пять

часовъ, была принуждена начать отступленіе. Кутузовъ преслѣдовалъ ее всею своею арміею десять верстъ за поле битвы. Великій визирь вступилъ въ свой укрѣпленный лагерь при Кадькію и Пизанцами. Кутузовъ привелъ къ вечеру обратно войска свои въ лагерь, занимаемый имъ прежде. Гдѣ же тутъ побѣда турецкой арміи надъ русскою?

Продолжаю. Армія наша не снимала осады Рущукъ, ибо Рущукъ былъ уже въ нашихъ рукахъ съ 15-го сентября предъидущаго года. При всемъ томъ Кутузовъ, не взирая на отпоръ, сдѣланный имъ визирю, находился въ крайне затруднительномъ положеніи, по случаю выступленія въ Россію пяти дивизій изъ девяти, составлявшихъ его армію. Уже наступилъ 1811 годъ. Дѣло шло не о завоеваніяхъ, а о собственномъ существованіи. Войска были нужны для защиты самой Россіи, угрожаемой Наполеономъ, съ которымъ сношенія двора нашего становились болѣе и болѣе непріязненными. Свѣжій опытъ доказалъ безопасность арміи нашей при схваткѣ грудь съ грудью съ турецкою арміею,—но великій визирь, опираясь на значительное превосходство силъ своихъ, могъ бы безъ сраженія принудить Кутузова оставить правый берегъ Дуная. Ему стоило только, занимая ежедневно армію нашу нѣкоторою частью своихъ войскъ, двинуться съ главными силами или къ сторонѣ Туртукая, или Силистріи и, перейдя Дунай, явиться въ Валахіи на пути сообщеній Кутузова съ Россіею. Тогда было бы поздно прибѣгать къ предупрежденію турецкихъ войскъ въ занятіи Валахіи. Но при переходѣ въ эту область всей нашей арміи, надлежало рѣшить вопросъ весьма важный: оставить ли за собой крѣпость или пожертвовать ею? Соображаясь съ чрезвычайною обширностью этой крѣпости, Кутузову слѣдовало бы неминуемо снабдить ее, по крайней мѣрѣ, двадцатью баталіонами пѣхоты и артиллеріею. Таковой огромный отрядъ, послѣ выступленія въ Россію пяти дивизій, ослабилъ бы совершенно армію и лишилъ бы ее последней надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ сильнымъ непріателемъ на самой важнѣйшей части театра военныхъ дѣйствій. Это побудило Кутузова, пожертвовавъ Рущукомъ и переселивъ

жителей въ Валахію, подорвать важнѣйшія части крѣпости и предать пламени строенія, служація для складки запасовъ; перейдя потомъ на лѣвый берегъ Дуная и снявъ мостъ, соединяющій оба берега рѣки, ограничиться лишь защитою Валахіи.

Спустя пять дней послѣ сраженія (то-есть, въ ночь съ 27-го на 28-е іюня), армія наша, состоявшая изъ 26 баталіоновъ пѣхоты и 35 эскадроновъ кавалеріи, перейдя Дунай, расположилась противъ Кашорскаго острова между крѣпостью Журжею, занятою нашимъ гарнизономъ, и селеніемъ Слободзею, отстоящимъ отъ нея въ нѣсколькихъ верстахъ. 28-го утромъ турки, занявъ покинутый нами Руцукъ, расположились лагеремъ на высотахъ у самаго города.

Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня великій визирь предпринялъ переправу чрезъ Дунай въ пяти верстахъ выше Руцукъ съ намѣреніемъ занять низменность подъ защитою выстрѣловъ баттарей, устроенныхъ имъ на возвышенностяхъ праваго берега. Войска наши противились сначала высадкѣ непріятеля на берегъ, но вскорѣ они, по приказанію Кутузова, прекратили свои дѣйствія. Тогда Кутузовъ рѣшился обложить турецкія силы, перешедшія на лѣвый берегъ Дуная и приступившія уже къ укрѣпленію своего лагеря. Остановивъ двѣ дивизіи, 9-ю и 15-ю, слѣдовавшія въ Россію, онъ притянулъ часть ихъ къ главнымъ силамъ; присоединивъ также и нѣкоторые отряды, наблюдавшіе непріятеля вдоль Дуная, онъ возвысилъ чрезъ это числительную силу главной массы арміи до 50 баталіоновъ и 40 эскадроновъ.

Великій визирь, пользуясь удачею и удостовѣрившись въ твердой осѣдлости переправившихся за рѣку войскъ, усилилъ ихъ мало по малу всею почти арміею, оставя на противоположномъ берегу только нѣсколько баттарей и малосильный отрядъ войскъ. Наконецъ, прибывъ лично на лѣвый берегъ, визирь намѣревался постепенно расширять кругъ наступательныхъ своихъ дѣйствій.

Съ своей стороны Кутузовъ снѣшилъ предупредить покушеніе визиря устроеніемъ блокадной линіи, которую онъ образовалъ изъ десяти редутовъ, построенныхъ полукружіемъ,

примкнувъ оба ея фланга къ Дунаю, выше и ниже турецкаго лагеря.

Я сказалъ уже, что великій визирь, переправившись лично съ главными силами своими за Дунай, оставилъ лишь малозначительный отрядъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Въ глаза бросилась польза разбитія этого корпуса и упроченія побѣды твердою осѣдлостью войскъ нашихъ на самомъ томъ мѣстѣ, которое прежде занималъ этотъ корпусъ. Тогда турецкая армія должна была вовсе лишиться сообщенія своего не только съ внутренностью имперіи, но даже съ лѣвымъ берегомъ Дуная и, слѣдственно, со всѣми источниками ея средствъ. Сверхъ того она подвергалась губительнымъ выстрѣламъ артиллеріи нашей съ высотъ, господствующихъ надъ пологостью берега, занимаемаго визиремъ. Кутузовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ съ чудесною и геніальною ловкостью.

30-го октября генераль Марковъ съ 18 баталіонами, 10 эскадронами и 2 казачьими полками (всего 9000 человекъ) двинулся къ селенію Петрушанамъ и 1-го октября подошелъ къ мѣсту, назначенному ему Кутузовымъ для переправы въ двадцати верстахъ выше Рущука. Къ вечеру весь его корпусъ находился уже на правомъ берегу, а къ полуночи въ пяти верстахъ отъ непріятельскаго корпуса; 2-го октября Марковъ атаковалъ и разбилъ его, при чемъ онъ взялъ восемь орудій и четыреста человекъ въ плѣнъ. Онъ расположился противъ самага тыла арміи визиря, занявъ артиллеріею своею всѣ окопы, подъ прикрытіемъ которыхъ совершалась переправа турецкой арміи 28-го іюля. Для довершенія ея гибели, Кутузовъ, единовременно съ нападеніемъ Маркова, подвинулъ оба отдѣленія флотиліи нашей, плававшей по Дунаю; 1-е отдѣленіе отъ Турнова приблизилось къ турецкому лагерю, 2-е отъ Силистріи двинулось по этой рѣкѣ къ Журжи, намъ принадлежавшей.

Безнадежное положеніе турецкой арміи было слѣдствіемъ глубокихъ соображеній Кутузова. Лишенная подвозовъ съ пищею, армія эта подвергалась всѣмъ родамъ недостатковъ; силь-

ный голодъ сталъ свирѣцтовать, и войска гибли ежедневно сотнями.

Угрожаемый неминуемою личною гибелью, великій визирь въ ночь отъ 2-го на 3-е ноября отправился лично въ Русукъ на рыбацкой лодкѣ ¹⁾. Тайно приказано было не препятствовать его бѣгству, ибо Кутузовъ зналъ, что, по обычаю Турецкой имперіи, всѣ сношенія, переговоры и общенія великаго визиря, окруженнаго непріателемъ, не имѣютъ силы и значенія; къ тому же этотъ великій визирь былъ весьма расположенъ къ миру и присутствіемъ своимъ въ диванѣ могъ ускорить прекращеніе войны, въ то время для насъ вполне несвоевременной.

Наконецъ, 26-го ноября, турецкое войско, состоявшее изъ 6000 человекъ, способныхъ къ бою, и 2000 больныхъ,—жалкій остатокъ столь огромной арміи!—положило оружіе; 56 орудій достались побѣдителямъ и были немедленно перевезены въ Журжу. Тѣмъ заключились покушенія великаго визиря на Кутузова и война съ Турецкою имперіею, продолжавшаяся шесть лѣтъ сряду.

Изъ этого краткаго изложенія борьбы нашей съ турками въ 1811 году,—изложенія, основаннаго на сущей истинѣ, вы легко усмотрите, милостивый государь, какъ мало описанное вами происшествіе похоже на самое происшествіе; бросивъ на него взглядъ съ настоящей точки зрѣнія, вы, конечно, отдадите справедливость подвигу, не уступающему ни единому изъ подвиговъ величайшихъ полководцевъ, прославленныхъ извѣстными намъ военными лѣтописями. Безъ сомнѣнія, въ немъ нѣтъ отпечатка тѣхъ мгновенныхъ и бурныхъ порывовъ генія, болѣе блистательныхъ и потому болѣе поражающихъ воображеніе людей, чѣмъ подвиги, хладнокровно обдуманые и съ меньшимъ шумомъ приведенные въ исполненіе; но и таковыя подвиги кажутся мнѣ не безъ высокаго

¹⁾ Чрезъ годъ и нѣсколько дней послѣ бѣгства визиря отъ Кутузова въ рыбацкой лодкѣ другой полководецъ—и какой полководецъ!—бѣжалъ отъ того же Кутузова въ саняхъ, оставя армію свою въ положеніи не менѣе бѣдственномъ, чѣмъ турецкая.

достоинства. Сверхъ того это событіе замѣчательно и въ другомъ отношеніи: не видимъ ли уже мы въ немъ того новаго Фабія, который ровно годъ спустя и почти тѣми же мѣрами отстоялъ новый Римъ противъ новаго Аннибала?

Глава VIII, стр. 268: „Барклай-де-Толли ¹⁾ возведенный Александромъ на степень генералиссимуса, родомъ германецъ и шотландецъ по происхожденію, начерталъ и представилъ царю планъ военныхъ дѣйствій и средство обмануть Бонапарта, употребленіемъ противъ него его собственнаго образа дѣйствій. По мнѣнію Барклая, усилія къ отраженію напоровъ Бонапарта должны были ограничиваться однимъ принужденіемъ его умѣрить стремленіе свое и итти съ осторожностью, — но съ тѣмъ вмѣстѣ ничѣмъ не пренебрегать съ російской стороны въ пресѣченіи его сообщеній, въ поврежденіи его основанія дѣйствій (base) и въ избѣжаніи малѣйшей битвы съ нимъ общими силами. Вслѣдствіе чего, главный предметъ дѣйствія состоялъ въ отступленіи отъ непріятеля, въ устраненіи отъ себя сраженій, кромѣ сшибокъ передовой стражи или передовыхъ отрядовъ съ его передовыми войсками, и въ приступленіи къ генеральному дѣлу съ нимъ тогда только, когда на сторонѣ русскихъ ознаменуется несомнительное превосходство въ числительной силѣ. Когда пути сообщенія непріятеля отъ чрезмѣрнаго протяженія подвергнутся пресѣченію не только посредствомъ войскъ, но даже и посредствомъ жителей, и отъ того окажется въ непріятельской арміи недостатокъ въ пропитаніи, затрудненіе въ полученіи зарядовъ, въ замѣнѣ выстрѣленныхъ, и рекрутовъ, для замѣщенія солдатъ, погибшихъ отъ битвъ и трудовъ военныхъ; когда въ російской арміи, отъ приближенія ея къ источникамъ своихъ средствъ и пособій, ознаменуется

¹⁾ Ермоловъ предложилъ Барклаю, переправившись чрезъ Двину у Будиловой переправы на лѣвый берегъ рѣки, который выше и ровнѣе праваго, слѣдовать чрезъ Сенно, Оршу на Смоленскъ, куда мы могли прибыть, по крайней мѣрѣ, двумя сутками ранѣе; мы могли встрѣтить у Сенно головныя французскія войска и, легко разбивъ ихъ (что не мало возвысило бы нравственный духъ войскъ), двинуться далѣе. Барклай согласился; уже были наведены понтоны, но вдругъ онъ по неизвѣстнымъ причинамъ отмѣнилъ переправу. Ермоловъ упомянулъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 16-го іюля.

избытокъ во всѣхъ военныхъ потребностяхъ и усилится она резервами и общимъ ополченіемъ, — словомъ: цѣль всѣхъ соображеній состояла въ томъ, чтобы тогда только приступить къ истинной борьбѣ съ непріателемъ, когда поврежденіе путей отъ поздняго времени года, недостатокъ въ продовольствіи и зарядахъ, утомительные переходы, болѣзни и потеря, понесенная въ частныхъ ошибкахъ, похитятъ у Наполеоновой арміи всѣ тѣ преимущества, которыми обладала она при вступленіи въ Россію: числительную силу, рвеніе къ боямъ и строго наблюдаемую ею дисциплину“.

Во-первыхъ, Барклай-де-Толли не имѣлъ званія генералиссимуса, которое почитается у насъ выше фельдмаршальскаго. Онъ былъ генераломъ отъ инфантеріи и притомъ военнымъ министромъ, что давало ему преимущество надъ прочими генералами отъ инфантеріи по праву, соединенному съ этимъ званіемъ, объявлять высочайшія именныя повелѣнія.

Во-вторыхъ, у насъ такъ мало постигали возможность отрѣзать сообщенія непріателя, что, когда я, за нѣсколько переходовъ до Москвы, первый предложилъ это предпріятіе, оно было принято съ большою недовѣрчивостью. Подъ предлогомъ неминуемой гибели, сопряженной съ подобными предпріятіями, мнѣ было дано лишь пятьдесятъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ. Я съ этой горстью казаковъ провелъ десять сутокъ сряду въ тылу и посреди непріательской арміи; небольшіе успѣхи мои, при столь ничтожныхъ средствахъ, убѣдили высшее начальство въ пользѣ подобнаго рода дѣйствій. Придавъ мнѣ еще казаковъ, что возвысило силу моей партіи до 800 человекъ, они отрядили многія другія партіи, давъ имъ различное направленіе.

Въ третьихъ, планъ кампаніи, приписываемый вами, по общему мнѣнію, Барклаю, почитается у насъ сочиненнымъ послѣ событія, и вотъ почему: во-первыхъ, если бы этотъ планъ, составленный до начатія войны Барклаемъ, былъ представленъ императору Александру и утвержденъ его величествомъ, то не для чего было бы разсуждать въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Дриссѣ (то-есть, немедленно послѣ начатія военныхъ дѣйствій)

о принятіи сраженія въ укрѣпленномъ лагерѣ подѣ Дриссою. Во-вторыхъ, не для чего было бы предписывать князю Багратіону въ Волковискѣ спѣшить къ Дрисскому укрѣпленію для соединенія съ первою арміею, чтобы, сосредоточивъ всѣ силы на этомъ пунктѣ, принять означенное сраженіе. Барклай, имѣя въ виду задержать непріятеля, дабы дать тѣмъ время князю Багратіону спѣшить чрезъ Могилевъ на соединеніе съ 1-ою арміею, рѣшился, напротивъ, принять сраженіе сперва впереди города, а потомъ позади его. Оно было отмѣнено по слѣдующимъ причинамъ: обѣ позиціи, весьма пересѣченныя, были крайне невыгодны для принятія сраженія съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, а потому гибельный исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе, что части арміи были разобщены между собою оврагами и лѣсами. Рѣзкія возраженія начальника главнаго штаба 1-й арміи Ермолова, настойчиво требовавшего дальнѣйшаго отступленія арміи, спасли ее отъ гибели и значительной потери людей, тѣмъ болѣе безплодной, что прибывшій на первомъ переходѣ изъ города Витебска адъютантъ князя Багратіона князь Меншиковъ привезъ извѣстіе о занятіи Могилева войсками маршала Даву¹⁾. Въ

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому и сообщенныя мнѣ очевидцами этого событія. Ермоловъ, которому уже удалось убѣдить главнокомандующаго не принимать сраженія впереди города, гдѣ, по причинѣ пересѣченной и лѣсистой мѣстности, наши полки, не видя одинъ другаго, могли лишь перекликаться, отправился изъ Витебска въ Островно, гдѣ мы потерпѣли пораженіе; возвратясь поздно въ городъ, онъ не засталъ уже здѣсь Барклая, который находился въ лагерѣ и возымѣлъ вновь намѣреніе сразиться съ непріателемъ. Ермоловъ, выѣхавъ на разсвѣтѣ изъ города, прибылъ къ правому флангу арміи, состоявшему изъ войскъ 2-го корпуса и упиравшемуся въ Двину; онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей арміи глубокимъ оврагомъ. Полковнику Никитину стоило величайшихъ трудовъ, чтобы перевести свою конную роту чрезъ этотъ оврагъ; позиціи прочихъ частей арміи были столь же невыгодны для принятія боя. Ермоловъ, знавшій эту мѣстность съ первыхъ лѣтъ своего служебнаго поприща, поспѣшилъ къ Барклаю и въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ ему бѣдственный исходъ сраженія, которое намѣревались здѣсь принять. «Насъ спасаетъ одно обстоятельство», говорилъ онъ: «фронтъ позиціи нашей прикрытъ рѣчкой Лучесой, которую трудно перейти въ бродъ, но можно отыскать его гораздо выше; пока непріатель будетъ занятъ отыскиваніемъ удобныхъ бродовъ, мы должны поспѣшно начать отступленіе; иначе наша армія подвергнется разбитію по частямъ». Между тѣмъ графъ Паленъ уже вступилъ въ ожесточенный бой съ непріателемъ. На

третьихъ, никогда Барклай и Багратионъ не подвинулись бы наступательно изъ Смоленска къ Руднѣ для разрыва на двое французской арміи, тогда какъ не было еще малѣйшей надежды на скорое прибытіе резервовъ и подкрѣпленій, находившихся около Москвы и за Москвою; къ пресѣченію путей сообщенія непріятеля съ его основаніемъ не было еще приступлено, что при приведеніи въ исполненіе плана кампаніи, приписываемаго Барклаю, было необходимо; и наконецъ, въ четвертыхъ, неужели правительство, при устройствѣ на Нѣманѣ и въ Литовскихъ губерніяхъ такого огромнаго количества магазиновъ и складовъ разнаго рода, стоившихъ несмѣтныхъ суммъ, имѣло въ виду пожертвовать всѣми этими запасами въ пользу Наполеона для весьма гадательной и сомнительной приманки къ дальнѣйшему наступленію его въ нѣдра имперіи? Но положимъ, что этотъ планъ кампаніи дѣйствительно существовалъ, что произошло бы, если-бъ Наполеонъ вмѣсто того, чтобы увлечься этой приманкой и продолжать дальнѣйшее движеніе свое къ Москвѣ, остановившись въ Смоленскѣ, обратился бы къ упрочиванію своего владычества въ Польшѣ и Литвѣ и не прежде устремился бы къ Москвѣ, какъ отдохнувъ и приведя въ порядокъ утомленные и разстроенныя продолжительнымъ походомъ войска свои; онъ бы усилился здѣсь новою сто-тысячною польскою арміею и многочисленными резервами, слѣдовавшими къ нему

собранномъ военномъ совѣтѣ всѣ единогласно согласились съ мнѣніемъ Ермолова; когда старшій изъ генераль-лейтенантовъ арміи Николай Алексѣевичъ Тучковъ предложилъ удержать позицію до вечера, Ермоловъ, съ величайшею запальчивостью возразилъ ему: «Кто же вамъ поручится въ томъ, что наша армія будетъ существовать до вечера? Можетъ-быть вашимъ превосходительствомъ заключено условіе, по которому Наполеонъ обязывается не тревожить насъ до ночи?» Результатомъ этого было то, что Барклай приказалъ войскамъ начать отступленіе. Барклай, предполагая, что Могилевъ занятъ войсками 1-й арміи, думалъ принять сраженіе близъ Витебска за тѣмъ, чтобы, задержавъ здѣсь Наполеона, облегчить тѣмъ соединеніе свое съ княземъ Багратиономъ. Но на первомъ переходѣ отъ Витебска прибылъ адъютантъ князя Багратиона, князь Меншиковъ, съ извѣстіемъ о занятіи Могилева маршаломъ Даву, а потому сраженіе близъ Витебска на крайне невыгодной мѣстности съ превосходнымъ въ числѣ непріателемъ, предводимымъ самимъ Наполеономъ, неминуемо подвергало 1-ю армію жестокому и бесполезному пораженію, которое могло имѣть для нашего отечества самыя бѣдственные послѣдствія.

изъ Франціи и Германіи; устроивъ магазины и всякаго рода склады на Двинѣ и Днѣпрѣ, онъ могъ возвести здѣсь прочныя укрѣпленія, которыя могли бы служить мѣстомъ склада запасовъ и въ крайности убѣжищемъ для его войскъ! Куда дѣвалось бы это чрезмѣрное протяженіе путей сообщенія непріятельской арміи при движеніи ея уже не отъ Нѣмана къ Москвѣ, а только отъ Днѣпра къ этой столицѣ, то-есть, по протяженію, заключающему въ себѣ уже не 1200, а только 380 верстъ?

Нѣтъ, милостивый государь, отступление наше отъ Нѣмана до Москвы не есть слѣдствіе заранѣ обдуманнаго предначертанія; оно есть слѣдствіе разобщеннаго положенія обѣихъ нашихъ армій предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій и движенія Наполеона главной массою силъ своихъ между ними къ верховьямъ Двины и Днѣпра. Намѣренія его были такъ мало намъ извѣстны, что направленіе главныхъ силъ его изъ Вильно на Глубокое и Дакшицы намъ казалось невѣроятнымъ. Мы опасались болѣе направленія ихъ къ нижней Двинѣ, то-есть, на Курляндію и Лифляндію, къ Петербургу ¹⁾, чѣмъ на Смоленскъ и Москву; (я имѣлъ въ рукахъ достовѣрнѣйшіе документы на счетъ этого опасенія). Тогда только, когда обрисовалось это грандіозное развитіе несмѣтныхъ ополченій между Двиной и Березиной, въ губерніяхъ Виленской и Минской, тогда только мы приступили къ сосредоточенію обѣихъ армій, но уже не въ Минской и не въ Виленской губерніяхъ, затопленныхъ приливомъ наполеоновыхъ полчищъ. Мы старались усиленными переходами по обширному полукружію опередить головы непріятельскихъ колоннъ и собрать въ одну массу все свои силы тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, въ Оршѣ, въ Смоленскѣ или въ самой Москвѣ. Богъ привелъ совершиться сосредото-

¹⁾ Движеніе корпуса Виктора по направленію къ Петербургу сильно всѣхъ встревожило; великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ Ермолову: «Сестра моя Екатерина Павловна не знаетъ куда ѣхать, чтобы родить; она, какъ многіе, боится остаться въ Петербургѣ». «Не беспокойтесь, ваше высочество», отвѣчалъ Ермоловъ, «французы не сдѣлаютъ, конечно, подобной глупости и не пойдутъ на Петербургъ; если бы они и предприняли это бесполезное движеніе, то встрѣтятъ неодолимые препятствія въ Новгородскихъ болотахъ и лѣсахъ».

ченію нашему въ Смоленскѣ, и слава Ему! похвала и обоимъ главнокомандующимъ, въ особенности Багратиону, заслужившему безсмертную благодарность Россіи преодолѣніемъ неисчислимыхъ препятствій и преградъ, встрѣченныхъ имъ на каждомъ шагу; онъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ весь объемъ, всю проницательность и всю рѣшительность превосходнаго полководца! Что же касается до отступленія нашего отъ Смоленска къ Москвѣ, — оно было послѣдствіемъ несоразмѣрности силъ нашихъ съ непріятельскими, которыхъ нельзя было намъ атаковать, но слѣдовало избѣгать встрѣчи съ ними до соединенія нашего съ войсками, образовавшимися въ срединѣ имперіи: мы спѣшили къ нимъ, чтобы быть многочисленнѣе и, слѣдовательно, сильнѣе. Вотъ вся тайна отступленія нашего отъ Нѣмана до Смоленска и отъ Смоленска до Москвы. Тотъ, кто осмѣлился увѣрять васъ, милостивый государь, что оно было предварительно обдуманно кѣмъ либо изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ, тотъ намѣревается ввести или васъ въ заблужденіе, или самъ заблуждается.

Глава VIII, стр. 280: „Этотъ систематически выжидательный образъ дѣйствія былъ необходимъ для Россіи по той причинѣ, что приготовленіе ея къ оборонительной войнѣ не получило еще окончательной оспѣдлости. Ей нужна была отсрочка въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, до прибытія изъ Англіи ружей и другихъ потребностей и для заключенія мира съ Турціею, для перемѣщенія на важнѣйшій театръ событій той арміи, которая находилась тогда на Дунаѣ“.

Что касается до ружей и другихъ военныхъ потребностей, будто бы нами изъ Англіи ожидаемыхъ, мы въ нихъ не нуждались и не могли въ нихъ нуждаться, обладая такимъ великимъ количествомъ арсеналовъ, литейныхъ, ружейныхъ и пороховыхъ заводовъ, и высылая ежегодно избытокъ хлѣбныхъ припасовъ нашихъ за границу на пропитаніе Европы, а часто и самой Англіи. Справедливость замѣчанія моего подкрѣпляется неоспоримымъ фактомъ: во весь 1812 годъ мы питались своимъ собственнымъ хлѣбомъ, жгли свой собственный порохъ и не прежде получили изъ Англіи весьма

малое количество ружей (на нѣсколько пѣхотныхъ полковъ), какъ въ началѣ 1813 года, то-есть, тогда, когда были собраны уже всѣ ружья пятисотъ-тысячной непріятельской арміи, брошенныя ею во время бѣгства; въ одномъ Ковно взяли мы шестьдесятъ тысячъ новыхъ ружей, присланныхъ для нея изъ Франціи. Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что Россійская армія уклонялась отъ рѣшительныхъ битвъ по причинамъ, выше мною изложеннымъ, а не вслѣдствіе ожиданія мира съ Турціею. Миръ этотъ былъ заключенъ и подписанъ 16-го мая, ровно за два мѣсяца до вторженія непріятеля въ наши предѣлы, и если дунайская армія не успѣла прибыть на театръ рѣшительныхъ событій въ началѣ кампаніи, или, по крайней мѣрѣ, къ сентябрю мѣсяцу, то этому причиною не военныя дѣйствія противъ турокъ, съ которыми мы были уже тогда въ дружественныхъ сношеніяхъ, а вслѣдствіе оригинальной мысли Чичагова, который вздумалъ угрожать Наполеону движеніемъ чрезъ Сербію, Боснію и Кроацію въ Италію, въ то время, какъ участь Россіи рѣшалась на поляхъ Бородина, Тарутина и Малоярославца.

Глава VІІІ, стр. 284: „Платовъ слѣдовалъ за нею (за второю арміею) съ двѣнадцатю тысячами дѣтищъ пустыней“.

Платовъ занималъ Гродно и принадлежалъ первой, а не второй арміи. Онъ присталъ къ послѣдней, по случаю быстрого отступленія первой изъ окрестностей Вильно къ Свенціанамъ и къ Дриссѣ и движенія французской арміи вслѣдъ за нею. Отдѣленный по этому случаю отъ арміи, къ которой принадлежалъ отрядъ легкихъ войскъ, имъ командуемыхъ, Платовъ рѣшился обратиться ко второй арміи и примкнулъ къ ней не съ 12000, а только съ 9000 всадниковъ, то-есть, съ четырнадцатью казачьими полками и двумя ротами донской конной артиллеріи. Вотъ все, что состояло подъ начальствомъ Платова при началѣ военныхъ дѣйствій.

Тамъ же: „Багратионова армія простиралась до 80000 человекъ“.

Я находился въ этой арміи и имѣю вѣрное свѣдѣніе, что числительная сила ея заключалась въ 47000 человекъ

регулярнаго войска и 4000 казакахъ, не считая отряда Платова и отряда Дорохова, приставаго впоследствии къ этой же арміи и который состоялъ лишь изъ 3000 человекъ.

Тамъ же: „Итакъ, сила російской арміи при открытіи военныхъ дѣйствій состояла изъ 260000 человекъ“.

Можетъ-быть и изъ гораздо бѣльшаго числа, если примемъ въ соображеніе резервы, общее ополченіе, финляндскій, кавказскій и закавказскій корпуса и армію, находившуюся въ Молдавіи; но можно положительно сказать, что три западныя арміи, принявшія на свой щитъ удары пятисотъ-тысячной наполеоновой арміи, состояли только изъ 218000 пѣхоты и кавалеріи, включая въ это число и казачье войско, которое рѣдко участвовало въ генеральныхъ сраженіяхъ.

Глава VIII, стр. 292: „Пока проходила она (непріятельская армія) чрезъ Польшу, изобиліе всякаго рода ей сопутствовало. Но въ Литвѣ обстоятельства измѣнились; русскіе вывезли все то, что могло служить ей пропитаніемъ“.

Русскіе, при отступленіи своемъ, вывезли съ собою однихъ должностныхъ людей съ ихъ движимымъ имуществомъ, казначейства и всѣ суммы, принадлежащія правительству. Что же касается до вывоза магазиновъ съ съѣстными запасами, изготовленными для нашей арміи, вывозъ этого былъ невозможенъ вслѣдствіе сумятицы, возникшей во всемъ народонаселеніи. До вывоза ли было огромныхъ и, можно сказать, необъятныхъ и неисчислимыхъ запасовъ, которыми были завалены литовскія губерніи, тогда какъ каждый житель думалъ лишь о спасеніи или своей личности или своей собственности? И возможно ли было принуждать ихъ къ тому силою, когда все вниманіе было лишь устремлено на военныя дѣйствія? Все, что русскіе могли сдѣлать съ этими магазинами, ограничилось лишь преданіемъ ихъ огню; но и эта мѣра была почти недѣйствительна. Обязанность предавать огню магазины была возложена на малочисленныя команды войскъ, или, лучше сказать, на передовую цѣпь, ежедневно остававшуюся послѣднею при отступленіи арміи и ея аррьергарда, слѣдственно войску ближайшему къ непріятелю. Цѣпь эта никогда не могла

имѣть достаточнаго времени для приведенія въ исполненіе даннаго ей наставленія, ибо должна была приступать къ нему лишь тогда, какъ было уже поздно, когда непріятельскія массы были уже тутъ и быстрымъ своимъ напоромъ не позволяли ей не только зажигать магазины, но и оставаться близъ нихъ ни единой минуты, а потому строенія съ съѣстными запасами, если они были иногда зажигаемы, то не на долго: непріятель самъ ихъ тушилъ и получалъ добычу, едва поврежденную.

Глава VIII, стр. 323: „Числительная сила его арміи (Багратиона) умножилась не только войсками атамана Платова, но и дивизіею генерала Дохтурова“.

Дохтуровъ командовалъ не дивизіею, а корпусомъ, находившимся въ составѣ первой арміи. Вы, можетъ-быть, принимаете Дорохова за Дохтурова? но Дороховъ не командовалъ дивизіею, онъ командовалъ авангардомъ 4-го пѣхотнаго корпуса (генерала Шувалова), составленнаго изъ Изюмскаго гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ. Не успѣвъ, подобно Платову, примкнуть къ первой арміи при внезапномъ отступленіи ея къ Свенціанамъ, онъ, подобно Платову, примкнулъ ко второй арміи.

Глава IX, стр. 323: „Не одинъ знаменитый успѣхъ увѣнчалъ усилія и труды Платова и казаковъ его надъ польскою конницею, исполненной стремительной храбрости, но чуждой партизанской войны, знаніе которой исключительно принадлежитъ этимъ новымъ скиѣамъ“.

Платовъ два раза разбилъ авангардъ короля Вестфальскаго во время отступленія второй арміи. Первый разъ подъ Миромъ, 28-го іюня, второй подъ Романовымъ, 2-го іюля; но эти дѣла не принадлежатъ къ роду партизанскихъ дѣлъ; ибо Платовъ командовалъ аррьергардомъ второй арміи, составленнымъ изъ всѣхъ казачьихъ полковъ, съ ними пришедшихъ, и другихъ, принадлежавшихъ этой арміи. Сверхъ того, аррьергардъ этотъ заключалъ въ себѣ Ахтырскій гусарскій полкъ, Кіевскій драгунскій и два егерскихъ полка, съ приличнымъ числомъ артиллеріи. Сраженія его съ непріате-

лемъ были сраженія аррьергарда отступающей арміи съ авангардомъ наступающаго непріятеля и не выходили изъ круга обыкновенныхъ соображеній; слѣдственно, онѣ не могли имѣть и не имѣли ни малѣйшаго сходства съ партизанскимъ дѣйствіемъ, по существу своему вдохновеннымъ, своимъ и залетнымъ.

Глава IX, стр. 339: „Онъ (Барклай) отрядилъ въ Ельню армію своего товарища“.

Багратионъ не былъ отряженъ въ Ельню; онъ былъ отодвинутъ по большой московской дорогѣ къ селу Соловьеву. Ему было предписано перейти тамъ Днѣпръ прежде первой арміи для прикрытія переправы ея, въ случаѣ движенія французской арміи отъ Смоленска лѣвымъ берегомъ Днѣпра, въ намѣреніи пресѣчь путь нашего отступленія къ Москвѣ. По направленію къ Ельнѣ посланъ былъ Багратиономъ полковникъ Донскаго войска Сысоевъ, для наблюденія за непріятельскимъ движеніемъ.

Глава X, стр. 359: „Природная рьяность солдатъ (русскихъ), недавно поступившихъ въ ряды арміи, ихъ довѣренность въ собственныя силы, ихъ алчность къ битвамъ за право, на защиту котораго они ополчились, все возбудило въ нихъ ропотъ на столь продолжительное отступленіе; они громогласно требовали битвы подъ начальствомъ русскаго генерала“.

Чинопослушаніе и строгая дисциплина, соблюдаемая войскомъ нашимъ, такъ извѣстна, что вошла въ пословицу. Кто видалъ солдатъ нашихъ, а еще болѣе кто служилъ съ ними, тотъ удостовѣритъ васъ, милостивый государь, что никогда ни одинъ изъ нихъ не возвыситъ голоса для требованія чего либо. Они ждутъ волѣнія начальства и исполняютъ его не только безъ ропота и съ ревностью, но съ какимъ-то особеннымъ неподражаемымъ удалствомъ, даже и тогда, когда они ясно видятъ бесполезность усилій и вѣрную гибель, которой они подвергаются, — вотъ солдатъ русскій! По истинѣ, негодованіе на Барклая за такое долговременное отступленіе существовало, и довѣренность къ нему исчезла; но чувства эти изъ-являлись между собою тихо и скромно, никогда въ слухъ и въ

многолюдствѣ, тѣмъ менѣе предъ всѣмъ войскомъ, явно и громкогласно.

Глава X, стр. 360: „Генераль Кутузовъ, пользовавшійся высокою репутаціею между русскими, былъ вызванъ изъ арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ противъ турокъ, и принялъ начальство надъ главною арміею“.

Если только между нами русскими Кутузовъ пользовался высокою репутаціею, то остается намъ сожалѣть о маломъ вниманіи иностранцевъ къ военачальникамъ государства, котораго воинственный духъ и, по словамъ ихъ, алчность къ завоеваніямъ такъ явно угрожаютъ спокойствію Европы. Если бы господа иностранцы, при принятіи Кутузовымъ начальства надъ россійскими арміями, взяли бы на себя трудъ раскрыть книгу жизни этого полководца, то они увидѣли бы, что служба его отечеству продолжалась пятьдесятъ-три года непрерывно, что двѣ пули, прошедшія въ разныя времена сквозь могучую голову его, ни мало не ослабили высокихъ его умственныхъ способностей; что онъ, независимо отъ многихъ блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ чинахъ, командовалъ крайнею колонною лѣваго фланга на Измаильскомъ приступѣ, гдѣ заслужилъ извѣстный отзывъ Суворова: „Кутузовъ былъ на моемъ лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою“. При разбитіи великаго визиря 1791 года подъ Мачиномъ, вынудившимъ Оттоманскую порту просить мира, онъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ арміи, одержавшимъ бѣдшій успѣхъ, чѣмъ середина и правое крыло. Они узнали бы, что въ царствованіе Великой Екатерины, обладавшей необыкновеннымъ даромъ при избраніи на важныя должности людей необыкновенныхъ, онъ еще въ генераль-лейтенантскомъ чинѣ находился въ 1793 и 1794 годахъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при Оттоманской портѣ и, по исполненіи этого порученія, онъ долго начальствовалъ сухопутными кадетскими корпусами, почитавшимися и въ самый вѣкъ военныхъ чудесъ разсадниками россійскихъ генераловъ и офицеровъ; этотъ самый Кутузовъ совершилъ въ 1805 году затруднительное и знаменитое отступленіе, сражаясь на каждомъ шагу съ по-

бѣдоносными громадами Наполеона отъ Баваріи до Моравіи. Онъ сохранилъ во всемъ блескѣ честь русскаго оружія, тогда какъ честь оружія союзниковъ нашихъ сокрушалась о гранитныя колонны, предводительствуемая Наполеономъ, и ихъ арміи были разсѣяны гениемъ величайшаго изъ полководцевъ вѣковъ и міра. И, наконецъ, ровно за годъ до вызова его на защиту отечества, которому угрожалъ этотъ же полководецъ, предводительствовавшій войсками всей ополченной Европы, онъ истребилъ на Дунаѣ турецкую армію, вслѣдствіе чего былъ заключенъ побѣдителемъ славный и неожиданный при тогдашнихъ обстоятельствахъ миръ; этотъ миръ много способствовалъ изгнанію изъ нѣдръ нашего отечества всей ополченной Европы съ ея до того времени непобѣдимымъ полководцемъ.

Не могу также пропустить безъ замѣчанія показанія вашего на счетъ прибытія Кутузова къ арміямъ, дѣйствовавшимъ противъ Наполеона, изъ арміи, находившейся въ то время на Дунаѣ. Онъ прибылъ оттуда прямо въ Петербургъ тотчасъ по заключеніи имъ мира, то-есть, въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; будучи избранъ дворянствомъ начальникомъ Санкт-петербургскаго и Московскаго ополченій, онъ спустя два мѣсяца, облеченный властью главнокомандующаго всѣхъ русскіихъ армій, отправился въ первую и вторую западныя арміи, подходившія тогда къ Вязьмѣ.

Глава X, стр. 361: „Первое дѣйствіе его (Наполеона) состояло въ нападеніи на редутъ, построенный впереди русской арміи; но, по непростительной ошибкѣ, слишкомъ удаленный отъ главнаго боевого порядка“.

Этотъ редутъ не входилъ въ составъ главной боевой черты арміи. Онъ построенъ былъ отдѣльно отъ нея съ тою цѣлью, чтобы умножить непріятелю препятствія прежде достиженія имъ избранной нами главной позиціи. Кутузовъ имѣлъ въ виду, чтобы упорной защитой этого редута нѣкоторою частію нашихъ войскъ отсрочить генеральное сраженіе на столько, на сколько намъ нужно было, чтобы окончательно укрѣпиться на холмахъ и равнинахъ Бородинскихъ, что и случилось.

Слѣдственно, редутъ этотъ, выполнивъ вполнѣ виды Кутузова, былъ построенъ на выгодномъ мѣстѣ и не ошибочно.

Глава X, стр. 362: „Россійская армія, тогда равная въ численности силъ французской арміи; ибо каждая изъ нихъ состояла изъ 120000 подъ ружьемъ“.

По всѣмъ вѣрнѣйшимъ документамъ, Россійская армія состояла изъ 112000, кромѣ 10000 ополченія, которое не было и не могло быть употреблено въ битвѣ по причинѣ неопытности своей въ военномъ дѣлѣ (они только за нѣсколько дней были призваны отъ сохи). Французская армія заключала въ себѣ болѣе 160000 человекъ.

Глава X, стр. 367: „Ней началъ битву въ семь часовъ утра нападеніемъ на редутъ, построенный съ бастіонами и находившійся на центрѣ Россійской арміи“.

Не было ни одного редута съ бастіонами; люнетъ, который вы, милостивый государь, принимаете за редутъ, былъ едва оконченъ изъ палисадъ и рогатокъ; въ такомъ же положеніи находились и три флешы, построенныя впереди села Семеновскаго. Битва началась не въ семь часовъ, а въ шесть часовъ утра, не атакою Неемъ редута, а почти единовременною атакою села Бородина вице-королемъ италійскимъ Евгеніемъ и канонадою баттарей праваго фланга французской арміи по нашимъ флешамъ. Тогда началась атака этихъ флешей корпусами Нея и Даву, а потомъ уже, и гораздо позже, атака люнета, защищаемаго корпусомъ Раевского. Послѣдняя была произведена частію войскъ вице-короля Евгенія (именно, дивизіями Морана, Жерара и Брусье), перешедшаго по занятіи Бородина съ лѣваго берега Колочи на правый берегъ ея.

Тамъ же: „Въ самое то время принцъ Евгеній употреблялъ такія же усилія къ изгнанію непріятеля изъ села Семеновскаго и укрѣпленій, окружавшихъ его“.

Я сейчасъ сказалъ, что Евгеній начальствовалъ войсками атаковавшими Бородино, слѣдственно, онъ находился совершенно на противоположной сторонѣ того крыла арміи, атаковавшаго Семеновское и флешы, построенныя предъ Семеновскимъ. Повторяю, что какъ Семеновское, такъ и флешы эти находи-

лись на лѣвомъ, а не на правомъ крылѣ нашей арміи, и были атакованы корпусами Даву и Нея, а не Евгеніемъ, расположеннымъ противъ нашего праваго крыла.

Тамъ же: „Полки поселянъ, никогда до этого дня не видавшіе сраженія и вмѣсто мундировъ одѣтые въ сѣрыхъ полукафтанныхъ, построились съ твердостью обстрѣленныхъ уже ветерановъ... бросились въ средину самыхъ жестокихъ сѣчъ“.

Васъ, конечно, увѣрили, милостивый государь, что въ Бородинскомъ сраженіи ополченіе сражалось съ войсками, и вотъ причина, почему вы такъ увеличили числительную силу арміи. Этого не было. Кутузовъ, не надѣясь на стойкость ополченія, оставленнаго въ первоначальномъ своемъ составѣ, по причинѣ недостатка времени на размѣщеніе его по полкамъ, приказалъ ему заняться перенесеніемъ раненыхъ изъ средины битвы и доставленіемъ ихъ въ подвижныя больницы, помѣщенныя въ тылу сражавшихся войскъ. Этою благоразумной мѣрою онъ усилилъ армію нашу всѣми тѣми солдатами, которые безъ того непременно ослабили бы боевыя силы ея. Вотъ употребленіе ополченія! Оно неоспоримо принесло много пользы, но не въ отношеніи боевыхъ трудовъ.

Глава X, стр. 368: „Дѣло въ томъ, что послѣднее пособіе его (Наполеона) состояло въ десяти-тысячной его гвардіи“.

Войско, не участвовавшее въ сраженіи, состояло не изъ 10000 человекъ, а изъ всей старой и молодой гвардіи, то-есть, изъ 35000 или 40000. Изъ этихъ войскъ лишь 35 орудій были въ дѣлѣ и дивизія Клапареда (легіонъ Вислы), подвинутая въ концѣ сраженія на помощь вице-королю Евгенію; всѣ прочія не были въ огнѣ и потому не понесли ни малѣйшаго урона.

Глава XI, стр. 383: „Наполеонъ прибылъ на высоту, называемую Поклонною горою, по той причинѣ, что на ней, при видѣ Москвы, русскіе становятся на колѣни, крестятся и молятся этому святому граду“.

Русскіе крестятся при видѣ всякой церкви, всякой часовни и всякаго святаго мѣста. Съ Поклонной горы Москва представляется взору со всѣми своими церквами и колокольнями.

Легко можетъ статся, что иностранцы приняли поклоненіе народа симъ церквамъ за поклоненіе Москвѣ. Это напрасно. Москва никогда не слыла и нынѣ не слыветъ святымъ градомъ. Черный народъ называетъ ее кормилицею, матушкой или бѣлокаменной, но не святою. Этимъ наименованіемъ пользуется одинъ Кіевъ, заключающій въ своихъ пещерахъ мощи святыхъ угодниковъ.

Глава XI, стр. 384: „Наполеонъ ожидалъ прибытія къ нему депутаціи бородатыхъ бояръ“.

Русскіе бояре не носятъ бородъ со времени императора Петра Великаго. Продолжаютъ носить бороды одни купцы, мѣщане и крестьяне, хотя впрочемъ число носящихъ бороды весьма уменьшилось въ званіи купеческомъ и даже мѣщанскомъ. Изъ всѣхъ дворянъ военныхъ и гражданскихъ я одинъ носилъ бороду, со времени вступленія моего на партизанское поприще до занятія мною города Дрездена. Много было толковъ на этотъ счетъ между тунеядцами, и всякій изъ нихъ понималъ поступокъ мой по своему. Дѣло въ томъ, что въ началѣ я отпустилъ бороду отъ недостатка времени заниматься этой условною обязанностью свѣта: не до бритья горла и челюстей было мнѣ, когда непріятельская сабля такъ близко ходила въ слѣдъ за бритвою. Брошенный со ста-тридцатью всадниками за двѣсти верстъ отъ арміи на сообщеніяхъ непріятеля, въ срединѣ подвижныхъ колоннъ его и отрядовъ, жадно меня ищущихъ, проводя ночь въ отыскиваніи добычи, днемъ—въ лѣсахъ вертепахъ, чутко и зорко, всегда въ тревогахъ, всегда съ кровавыми помыслами, мнѣ некогда было заниматься бритьемъ и холеньемъ.

Впослѣдствіи я продолжалъ носить бороду, потому что она какъ будто бы роднила меня съ поселянами, съ которыми я долженъ былъ имѣть ежечасныя сношенія, и которые, при видѣ моего гусарскаго ментика, могли принимать меня съ перваго взгляда за непріятеля; а въ то время первый взглядъ и первый выстрѣлъ, или ударъ топоромъ или вилою слѣдовали другъ за другомъ. Наконецъ, вступивъ въ Германію и командуя передовыми войсками авангарда главной арміи, на-

ходившагося тогда подъ начальствомъ генерала Винценгероде, я не перемѣнилъ моего варварскаго наряда, какъ называли его тогда, по другой причинѣ: Нѣмцы, видя мой казачій нарядъ и слыша, что я говорю по французски, получили выгодное понятіе о русскомъ образованіи, которое проникло даже въ народы, почитаемые ими до встрѣчи со мною людоедами. Это мнѣніе я старался поддерживать всѣми средствами, особенно строжайшимъ соблюденіемъ дисциплины въ моемъ отрядѣ. Они говорили: если казакъ не касается имущества нашего, если онъ обходительнѣе и ласковѣе французскаго маршала, то что же должны быть начальники регулярныхъ русскихъ войскъ, вслѣдъ за нимъ идущихъ? Они потому ожидали ихъ съ восторгомъ, нетерпѣніемъ и радушіемъ, какъ друзей и избавителей.

Глава XI, стр. 387: „Письмо это было послано съ извѣстнымъ службою своею офицеромъ, оставшимся въ Москвѣ отъ болѣзни, которая воспретила ему слѣдовать за арміею“.

Вы, конечно, имѣли въ виду Яковлева, о коемъ упомянулъ и Фенъ въ рукописи 1812 года, и который былъ одинъ изъ малаго числа (5000 или 6000 человекъ) дворянъ, оставшихся въ Москвѣ подъ разными предлогами. Что же касается до офицеровъ, то въ защиту чести товарищей моихъ, я почитаю необходимымъ увѣрить васъ, милостивый государь, что, кромѣ тяжело раненыхъ и больныхъ, въ Москвѣ никого изъ офицеровъ не оставалось.

Глава XI, стр. 405: „Рѣка Нава протекала предъ фронтомъ позиціи, занятой россійскою арміею“.

Нара, а не Нава.

Глава XI, стр. 408: „Они (крестьяне) отъ рожденія презираютъ чужеземцевъ, называя ихъ глухонѣмыми и полагая выразить тѣмъ незнаніе ихъ русскаго языка“.

Слово „нѣмецъ“ можетъ происходить отъ слова „нѣмой“, то-есть, лишенный природою средства изъясняться словомъ, или отъ „не мой“, то-есть, мнѣ не принадлежащій ни по духу, ни по характеру, ни по сочувствію,—чуждый мнѣ человекъ.

Глава XI, стр. 412: „Это перемиріе (заключенное на аванпостахъ обѣихъ воюющихъ армій) должно было прекра-

тяться предувѣдомленіемъ съ той или съ другой стороны за три часа до начатія дѣйствія“.

Мы никогда не слыхали о подобномъ перемиріи: оно не существовало.

Глава XII, стр. 4: „Лагерь или позиція, занимаемая Мюратомъ въ Вороновѣ“.

Въ Вороновѣ, а не въ Вородоновѣ. Но позиція Мюрата находилась не въ Вороновѣ, а близъ Винкова. Правое крыло войскъ его упиралось къ рѣкѣ Нарѣ; центръ, расположенный на старой Калужской дорогѣ, былъ прикрытъ рѣчкою Чернишнею, которая, поворачивая при деревнѣ Быковѣ къ сѣверу, отдѣляла чрезъ то центръ отъ лѣваго крыла, протянутаго по направленію къ селу Дмитріевскому. Это самое крыло было атаковано и поражено нашею арміею 6-го октября. Позиція же при Вороновѣ была занята Мюратомъ, вслѣдствіе этого пораженія, на весьма короткое время и только для прикрытія направленія непріятельской арміи съ старой Калужской дороги на новую.

Глава XII, стр. 9: „Но Кутузовъ едва проникъ опасность, угрожавшую устраненіемъ арміи его отъ Калуги (движеніемъ Наполеона изъ Москвы на Оминское, Боровскъ и Малоярославецъ), немедленно прибѣгнулъ къ возмездію приведеніемъ въ дѣйствіе маневра, употребляемаго Наполеономъ. Онъ отрядилъ къ югу генераловъ Дохтурова и Раевского съ сильнымъ отрядомъ“.

Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7-го числа октября, то-есть, на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишнѣ, а слѣдственно, и о направленіи этой арміи на Оминское. Генералъ Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Катово на новой Калужской дорогѣ, открылъ въ Оминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Орнано и пѣхотную дивизію Бруссе, принадлежавшія корпусу Евгенія); не подозрѣвая, что за ними слѣдуетъ вся непріятельская армія, онъ увѣдомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего на счетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились

на этомъ пунктѣ или для связи непріятельскаго авангарда съ большою Смоленскою дорогою, или это доказываетъ, что вся Наполеонова армія движется къ Калугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ по направленію къ Катову, гдѣ находился Дороховъ, сильный отрядъ подѣ начальствомъ Дохтурова, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи; при этомъ отрядѣ находился начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловъ. Ермоловъ, предѣ самымъ выступленіемъ изъ тарутинскаго лагеря, послалъ партизана Сеславина къ Ооминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ, корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ дороги въ деревнѣ Аристовѣ; Сеслаvinу удалось захватить унтеръ-офицера старой гвардіи Наполеона и доставить его Ермолову. Завѣса спала. Узнали, что въ Ооминскомъ не одни войска Орнано и Брусье, а вся непріятельская армія, и что самъ Наполеонъ находился въ Боровскѣ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генералъ, Дохтуровъ не могъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность измѣненіе въ направленіи тѣмъ болѣе, что было строго приказано главнокомандующимъ итти противъ войскъ Орнано и Брусье къ Катову. Ермоловъ, пользуясь правомъ начальника главнаго штаба, принявъ на себя всю отвѣтственность за самовольное измѣненіе въ направленіи войскъ, именемъ Кутузова предписалъ ¹⁾ Дохтурову слѣдовать съ пѣхотой къ Малоярославцу; желая лично удостовѣриться въ истинномъ направленіи непріятельской арміи, онъ съ кавалеріей направился къ Боровску; открывъ здѣсь многочисленнаго непріятеля, онъ также быстро обратился къ Малоярославцу. Такимъ образомъ, тайнственное выступленіе Наполеона изъ Москвы было обнаружено. Вскорѣ горизонтъ, по направленію къ Боровску, зачернѣлъ непріятельскими войсками. Ермоловъ съ головными войсками бросился въ городъ Малоярославецъ, гдѣ

¹⁾ Сеславинъ и Болховской сообщили мнѣ всѣ подробности, относящіяся къ этому великому событію.

вступилъ въ ожесточенный бой съ дивизіею Дельзона, но онъ былъ два раза выбитъ изъ него арміею вице-короля. Хотя князь Кутузовъ прибылъ съ арміею въ село Спасское (находящееся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Малоярославца), но, приказавъ войскамъ отдыхать, онъ не трогался съ мѣста. Ермоловъ, сражаясь съ многочисленнымъ непріятелемъ, не переставалъ посылать записки за записками фельдмаршалу, съ убѣдительноѣйшею просьбою спѣшить на защиту города. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, Кутузовъ подкрѣпилъ сражающихся корпусами Раевского и Бородинна; хотя городъ остался за непріятелемъ, но путь на Юхновъ и Калугу былъ прегражденъ непріятелю. Если-бъ Наполеонъ, по выступленіи изъ Москвы, быстро направился на Малоярославецъ, онъ овладѣлъ бы имъ весьма скоро и безъ всякой потери. Не встрѣтивъ здѣсь нашей арміи, онъ бы направился на Юхновъ, а оттуда далѣе къ Польшѣ, двигаясь по хлѣбороднымъ и богатымъ губерніямъ нашимъ. Я распространился въ описаніи малоизвѣстныхъ подробностей этого важнѣйшаго изъ всѣхъ событій, потому что это есть зародышъ всѣхъ злополучій Наполеона и переворота въ судьбѣ государствъ и народовъ. Будь Сеславинъ менѣе предприимчивъ и рѣшителенъ, будь Ермоловъ одаренъ не столь замѣчательною прозорливостью и высокой рѣшительностью, и Кутузовъ меньшею проницательностью, указавшей ему на Тарутино, какъ на точку спасенія отечества; замедли онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоярославцу, — весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, переходъ на Калужскую для занятія Тарутина и всѣ выгоды, вслѣдствіе боковаго направленія нашего до Березины, которыя сами по себѣ были лишь слѣдствіемъ или, лучше сказать, продолженіемъ направленія отъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!

Въ главѣ XII, на страницѣ 13, вы упоминаете, милостивый государь, о нападеніи казаковъ на самого Наполеона, проѣзжавшаго изъ села Городни къ Малоярославцу, на другой день послѣ кровавой битвы въ этомъ городѣ; вамъ угодно

было назвать войско, на него напавшее, „мародерами“, то-есть, бродягами. Обстоятельство это представлено было вамъ не въ настоящемъ свѣтѣ. Это нападеніе было произведено нѣсколькими полками казаковъ атамана Платова, имѣвшаго въ виду пресѣчь часть новой Калужской дороги, лежавшей между Малоярославцемъ и Городнею.

Глава XII, стр. 30: „Древніе доспѣхи и крестъ Ивана Великаго брошены были въ озеро Семелинское“.

Семелинскаго озера нѣтъ, а если вы назвали такъ Семлевское озеро, то возлѣ села Семлева нѣтъ озера.

Тамъ же: „Тогда принуждены были оставить часть артиллеріи, что скрыли отъ Наполеона. Воспитанный для артиллерійской службы, онъ, подобно многимъ артиллерійскимъ офицерамъ, питалъ какое-то суевѣрное чувство къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ“.

Наполеонъ старался сохранять пушки свои не отъ первоначальнаго служенія своего въ артиллеріи и не отъ суевѣрнаго чувства къ сохраненію пушекъ, ему принадлежащихъ, а отъ того, что взятіе пушекъ непріателемъ почитается всюду и всегда безчестьемъ арміи, корпусу или отряду, которому принадлежатъ онѣ.

Глава XII, стр. 34: „Кутузовъ, не внявъ представленіямъ и даже угрозамъ людей, противныхъ его мнѣнію“.

За какого рода чучелу принималъ Кутузова и за какую разбойничью шайку принималъ русскую армію тотъ, который рѣшился выдавать вамъ, милостивый государь, за былъ такую нелѣпую басню?

Смѣю увѣрить васъ, что тотъ, кто знаетъ армію нашу, тотъ удостовѣритъ васъ, что въ ней ближайшій человѣкъ по чину своему къ главнокомандующему никогда не осмѣлится безъ позволенія его предложить ему совѣтъ. Я уже не говорю объ угрозахъ, будучи увѣренъ, что онѣ не были терпимы и считались преступленіемъ въ самой французской арміи во время анархическаго бѣшенства Франціи, ибо безъ того не отстояли бы французы своего отечества знаменитыми побѣдами и завоеваніями своими. Угрозы Кутузову! и въ какое время! когда

онъ былъ облеченъ почти въ диктаторскую власть, когда онъ, благословляемый и называемый народами и войскомъ спасителемъ отечества, преслѣдовалъ Наполеоновскую армію!

Глава XII, стр. 46: „Продолжавшаяся въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ партизанская война противъ Сенъ-Сира, много нанесла ему вреда“.

Партизанская война не существовала въ арміи графа Витгенштейна; Изюмскаго гусарскаго полка полковникъ Бедряга одинъ произвелъ нѣсколько удачныхъ поисковъ. Корпусъ Сенсира понесъ потерю не отъ партизанской войны, но въ слѣдствіе нѣкоторыхъ стычекъ и въ особенности по причинѣ частыхъ регулярныхъ битвъ.

Тамъ же: „Крѣпость (Бобруйскъ) была защищена російскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Эртеля“.

Эртель командовалъ корпусомъ, состоящимъ изъ 11000 человекъ, и находился не въ Бобруйской крѣпости, а въ Волынской губерніи, въ окрестностяхъ Мозыря; польскій генералъ Домбровскій съ 12000 войска обложилъ Бобруйскъ, защищаемый пяти-тысячнымъ гарнизономъ, подъ командою артиллерійскаго генерала Игнатьева.

Глава XII, стр. 53: „Князь Чернышевъ“.

Чернышевъ не былъ и не есть князь. Онъ графъ; это достоинство получено имъ четырнадцать лѣтъ послѣ войны, вами описываемой, то-есть, во время коронованія императора Николая.

Глава XIII, стр. 64: „Она (армія Наполеона) до 40000 человекъ“ (при выступленіи изъ Смоленска).

Этому мудрено повѣрить; ибо по официальнымъ спискамъ, хранившимся у насъ, видно, что въ дѣлахъ подъ Краснымъ отъ 3-го до 7-го числа ноября, взято въ плѣнъ нашею арміею 26000 нижнихъ чиновъ, триста офицеровъ, и, вѣроятно, было положено на мѣстѣ болѣе 12000 непріятельскихъ войскъ, что составитъ 38000 или около 40000 человекъ. Неужели Наполеонъ съ однимъ только штабомъ соединился съ корпусами Виктора и Удино на пути къ Борисову? Всѣмъ извѣстно, что онъ выступилъ изъ Орши съ арміею, простира-

вшеюся за 40000 человекъ, слѣдственно, онъ вступилъ въ Смоленскъ съ восьмидесятью-тысячною арміею.

Глава XIII, стр. 71: „Но ни увѣщанія подкомандующихъ его, ни упреки сирѣ Роберта Вильсона, комиссара англійскаго правительства, не могли его..... (то-есть Кутузова)“.

Повторяю: горе тому, кто осмѣлился бы въ эту эпоху увѣщевать Кутузова, еще менѣе упрекать его за дѣло, на которое онъ однажды рѣшился, былъ ли онъ русскій или чужеземецъ, или комиссаръ какой бы то ни было націи и правительства! Зная лично сирѣ Роберта Вильсона, съ которымъ я раздѣлялъ военную кочевую жизнь и опасности битвъ въ нѣсколькихъ войнахъ, я всегда любовался его холодною храбростью и благороднымъ образомъ мыслей; я потому не могу не удивиться его молчанію, видя клевету человека, увѣрившаго васъ, милостивый государь, въ происшествіи, никогда небываломъ и столь много омрачающемъ честь арміи, всегда, какъ казалось, господиномъ Вильсономъ уважаемой. Ибо, что ни говори, а войско, позволяющее иностранцу упрекать вождя своего (не только Кутузова среди самаго торжества его оружія), но какого бы то ни было начальника, при самыхъ гибельныхъ обстоятельствахъ, хотя бы вслѣдствіе собственной вины его, не есть войско, а сволочь, чернь, чуждая чувству чести и достоинства, свойственному благородному званію.

Глава XIII, стр. 72: „Не такъ много стоило усилій престарѣлому россійскому генералу, при пораженіи, нанесенномъ имъ непріятельской арміи подъ Вязмою, Краснымъ и другихъ мѣстахъ, сколь то воображаютъ. Онъ всюду былъ сильнѣе Наполеона, по случаю раздѣленія симъ послѣднимъ арміи своей на четыре колонны, слѣдовавшія одна отъ другой на односуточное разстояніе“.

Но, Боже мой! Не въ умѣніи ли пользоваться ошибками противника своего состоитъ вся тайна военного искусства? Верхъ совершенства его не заключается ли въ направленіи движеній своихъ такъ, чтобы на всѣхъ важнѣйшихъ точкахъ театра дѣйствія и на полѣ сраженія числительная сила своихъ войскъ превышала бы числительную силу непріятеля? Не те

ли дѣлалъ Фридрихъ въ теченіе Семилѣтней войны, не то ли дѣлалъ Наполеонъ въ 1796 году въ Италіи и въ 1809 году подъ Регенсбургомъ?

Глава XIII, стр. 86: „Они (Викторъ и Удино) подвигались въ надеждѣ спасти Борисовъ, но узнали, что Домбровский разбитъ Витгенштейномъ“.

Домбровский защищалъ предмѣстное Борисовское укрѣпленіе, построенное для защиты Борисовскаго моста на правомъ берегу Березины и лицомъ къ Минской дорогѣ. Онъ былъ разбитъ генераломъ графомъ Ламбертомъ, командовавшимъ авангардомъ арміи Чичагова, шедшей отъ Минска, тогда какъ Витгенштейнъ шелъ по слѣдамъ войскъ Виктора, отступившихъ отъ Полоцка на Сенно, Черему и Бараны къ Борисову.

Тамъ же: „Вслѣдствіе этой неудачи (развитіе авангарда Чичагова арміи, находившагося подъ командою графа П. П. Шалена, по случаю раны графа Ламберта, полученной имъ при взятіи приступомъ Борисовскаго предмостнаго укрѣпленія) Витгенштейнъ принужденъ былъ оставить Борисовъ и снова оградиться Березиной отъ французовъ“.

Въ обоихъ сихъ случаяхъ видно, что Витгенштейнъ принимается вами, милостивый государь, за Чичагова, ибо Витгенштейнъ никогда не оставлялъ Борисова и не прикрывалъ Березины противъ французовъ по той причинѣ, что онъ, какъ я уже имѣлъ честь выше сказать, не находился на лѣвомъ берегу Березины, а преслѣдовалъ Виктора и Удино отъ Полоцка на Сенно, Черему и Бараны къ Борисову.

Глава XIII, стр. 98: „Такимъ образомъ французы успѣли выбраться на дорогу, ведущую къ деревнѣ, называемой Бриловой (Брили), или, лучше сказать, на длинныя плотины и мосты, построенные изъ сосновыхъ бревенъ между непроходимыхъ болотъ. Стоило только русскимъ произвести дружный натискъ и подавить непріятеля къ симъ мостамъ и плотинамъ, чтобы довершить его гибель“.

Эти плотины и мосты, простирающіеся на нѣсколько десятковъ верстъ съ нѣкоторыми промежутками, находятся между

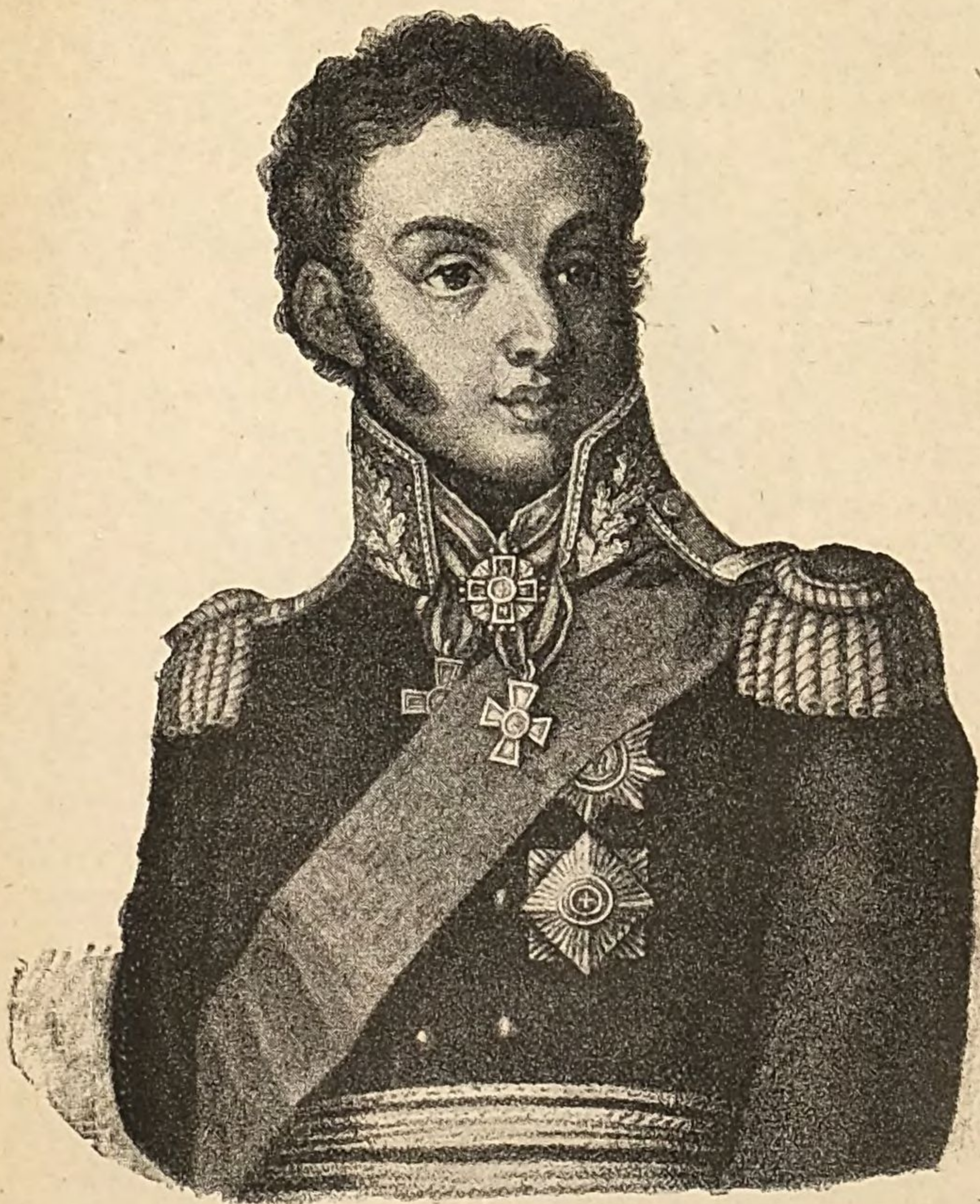
Брилями и Зембиномъ, а не между селеніемъ Студянки и Брили, отстоящими одно отъ другаго не менѣе полверсты; хотя онѣ и раздѣлены Березиной и низменнымъ, довольно болотистымъ берегомъ, но чрезъ нихъ вездѣ можно перейти, и потому онѣ не покрыты ни плотинами, ни мостами.

Глава XIV, стр. 131: „Баварскій корпусъ подъ командою Вреде остался на границѣ Волыни“.

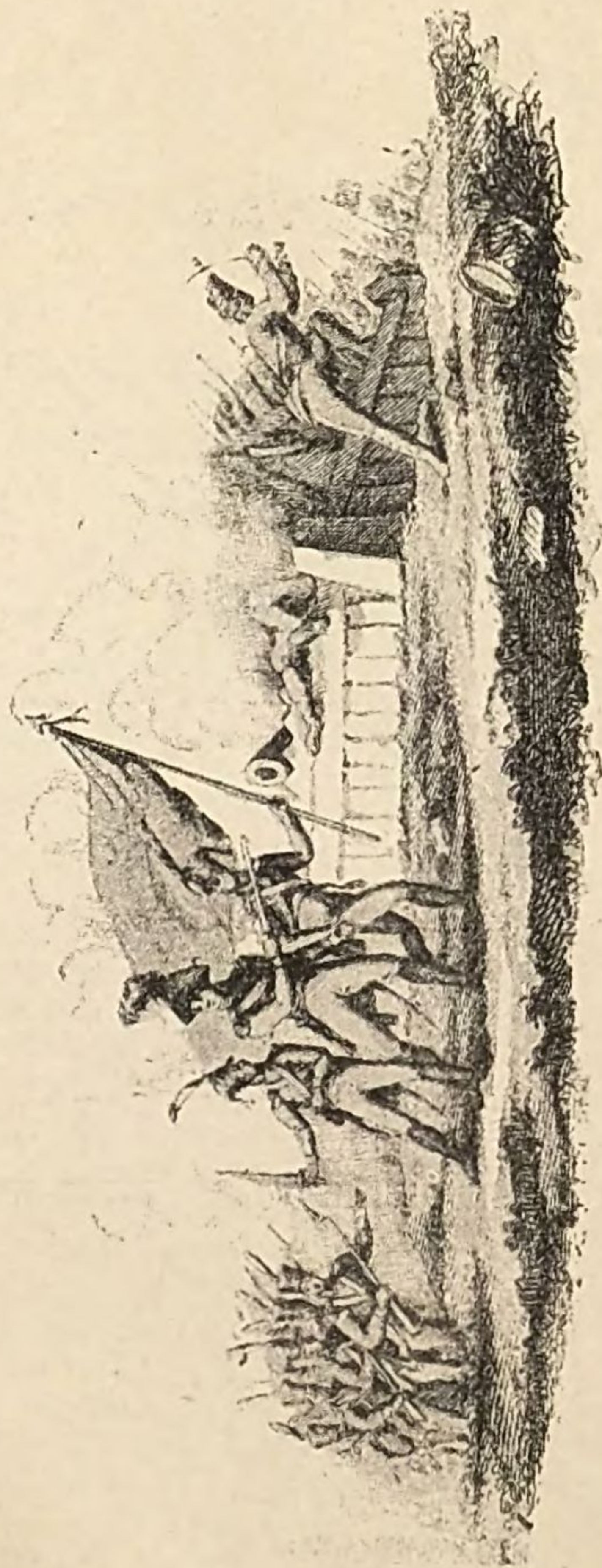
Баварская дивизія находилась въ составѣ арміи Сень-Сира на Двинѣ, около Полоцка. Она не оставалась на границѣ Волыни, а при отступленіи Виктора и Удино отъ этого города къ Борисову, она двигалась на Глубокое къ Вильно.

Кончаю письмо мое, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою не принимать съ дурной стороны откровенности моей.... и проч. и проч. Вашъ покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

«Сынъ Отечества» 1840 г., т. II.

Н. Н. РАЕВСКИЙ.

Раевскій ведетъ своихъ малолѣтнихъ сыновей въ сраженіе.

XVI.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕКРОЛОГІЮ

Н. Н. Раевского.

Неизвѣстный ¹⁾ сочинитель некрологіи Н. Н. Раевского ²⁾ обозрѣлъ жизнь этого знаменитаго мужа въ одномъ лишь военномъ отношеніи, коснувшись слегка и какъ бы мимоходомъ его гражданской и частной дѣятельности.

Отдавая должную справедливость этому прекраснѣйшему произведенію, я думаю, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ читателей, вникнувшихъ во всю красоту характера Раевского. Онъ представленъ намъ только на конѣ, въ дыму битвы и съ гласомъ повелительнымъ. Мы ищемъ благочестивую душу его,

¹⁾ Эти замѣчанія писаны были въ то время, когда имя автора некрологіи мнѣ было неизвѣстно.

²⁾ Имя Н. Н. Раевского тѣсно связано съ самыми славными событіями Отечественной войны, въ особенности съ знаменитою обороною Смоленска, преждевременное занятіе котораго французами могло имѣть самое гибельное вліяніе на судьбу Россіи. Раевскій, слѣдуя къ этому городу, былъ задержанъ дивизіею принца мекленбургскаго, приказавшаго своимъ войскамъ отдыхать. Я и Ш(аховской?) не разъ для забавы заводили между собою ссоры въ присутствіи принца, который почиталъ своею обязанностью насъ мирить; но посредничество стоило ему не дешево. Раевскій занялъ Смоленскъ и удержался въ немъ по собственному побужденію, но не вслѣдствіе приказанія князя Багратіона; онъ, вопреки увѣреній нѣкоторыхъ лицъ, никогда не имѣлъ намѣренія принимать сраженія впереди Смоленска. Этотъ городъ и его окрестности были въ началѣ Отечественной войны свидѣтелями великихъ, но доселѣ мало извѣстныхъ событій, о которыхъ я здѣсь не могу не сказать нѣсколькихъ словъ. Здѣсь несогласія, существовавшія между Барклаемъ и княземъ Багратіономъ, достигли наибольшихъ размѣровъ; благодаря посредничеству Ермолова, воспользовавшагося болѣзнию храбраго, благороднаго, но не дальновиднаго графа Сень-При, сношенія между главнокомандующими, изъ которыхъ князь Багратіонъ былъ гораздо старѣе въ чинѣ и, какъ питомецъ Суворова, заклятой врагъ всякаго отступленія, сдѣлались го-

хранилища всего возвышеннаго, отголоска всему благородному. Мы ищемъ вѣрнаго друга, тайнаго благотворителя сира и нища, мужа твердаго въ бѣдствіяхъ жизни, равнодушнаго къ почестямъ и высокому сану, имъ заслуженнымъ, и довольствующагося единымъ миромъ своей совѣсти, словомъ, мы ищемъ человѣка, и видимъ въ некрологіи одного храбраго и искуснаго генерала.

Не упрекаю въ томъ сочинителя; какъ военный, онъ, можетъ-быть, желалъ отдать справедливость полководцу, предоставляя другимъ описаніе его частной жизни. Но мы не можемъ довольствоваться однимъ этимъ очеркомъ; мы желали бы имѣть некрологію Раевского не одностороннюю, хотя бы она заключалась и въ тѣсной рамѣ, подобно той, въ коей

раздо дружелюбіе. Ермоловъ, передавая приказанія Барклая князю и донесенія его Барклаю, смягчалъ по возможности ихъ выраженія: онъ писалъ рядъ писемъ князю Багратіону, убѣждая его именемъ Бога и отечества не подавать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміей и исполнять приказанія Барклая, ожидая терпѣливо назначенія новаго главнокомандующаго, какого требовали современные обстоятельства. Я случайно пріобрѣлъ копіи съ трехъ замѣчательныхъ писемъ Ермолова, которыя, будучи проникнуты высокимъ патріотизмомъ, драгоцѣнны для историка. Эти письма, оставшіяся въ числѣ немногихъ бумагъ князя Багратіона, помѣщены мною въ прибаловленіяхъ къ Дневнику партизанскихъ дѣйствій. Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ была въ то время поставлена Россія, несогласія между главнокомандующими, вынуждали государя имѣть подробныя и по возможности частыя извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ арміи. Уѣзжая изъ Полоцка, государь приказалъ Ермолову извѣщать его письмами о важнѣйшихъ происшествіяхъ арміи. Ермоловъ отправлялъ свои письма съ отъѣзжающими изъ арміи генераль-адъютантами: Кутузову, графу Шувалову и другимъ были переданы письма на имя его величества. Между тѣмъ Барклай, выслушивая донесенія князя Багратіона, передаваемые ему Ермоловымъ и глядя по своему обыкновенію раненую руку свою, говорилъ ему: «Съ вашимъ княземъ можно еще служить вмѣстѣ», князь Багратіонъ говорилъ ему въ свою очередь: «Съ твоимъ методикомъ Давустомъ можно еще ладить». Къ несчастію, выздоровленіе графа Сень-При, послѣдовавшее чрезъ двѣ недѣли, совершенно измѣнило весь ходъ дѣлъ. Графъ Сень-При, по наущенію интриганта Jean-Bage, но безъ всякаго съ своей стороны дурнаго умысла, значительно способствовалъ усиленію вражды между двумя военачальниками, которыхъ взаимныя отношенія начинали принимать миролюбивый характеръ; ему стоило лишь буквально передавать вулканическому и нетерпѣливому князю Багратіону приказанія, отдаваемые Барклаемъ, весьма дурно изъяснявшимся на русскомъ языкѣ. Безстрашному, искусному, но злополучному Барклаю, которому, по свойствамъ его характера и незнанію русскаго языка, невозможно было привязать къ себѣ войскъ, было непріятно ви-

заключается описаніе его военныхъ дѣяній. Раевскій представляется не однимъ полководцемъ тѣмъ, кои имѣли счастье созерцать вблизи его душевныя качества. Военная служба его, принесшая столько пользы и славы отечеству, есть, безъ сомнѣнія, блистательнѣйшая, но не превосходнѣйшая изъ пѣсней благозвучной его жизни.

Вообще нельзя довольно надивиться жалкому обыкновенію почти всѣхъ некрологовъ и біографовъ нашего времени, представляющихъ знаменитыхъ вождей не иначе, какъ въ мундирахъ, застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы.

Неужели военное званіе, впрочемъ столь почтенное и благородное, до того превышаетъ званіе добродѣтельнаго чело-

дѣть всеобщую любовь и преданность солдатъ къ князю, умѣвшему воодушевить свою армію, гдѣ, не смотря на понесенные труды, ежедневно раздавались музыки и пѣсни. Въ 1-ой арміи, не понесшей еще чувствительныхъ потерь, все наводило тоску и уныніе; самое присутствіе Барклая, холоднаго, хотя всегда величаваго и рѣдко слѣзавшаго съ коня, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно угрюмаго, молчаливаго, неумѣвшаго сказать ласковаго и привѣтливаго слова, не могло ободрить командуемыхъ имъ войскъ. Нашъ солдатъ весьма охотно извиняетъ военачальника русскаго происхожденія, ласковаго, внимательнаго и умѣющаго говорить съ нимъ языкомъ для него доступнымъ; если бы даже онъ въ продолженіи довольно долгаго времени слѣдовалъ ненавистной для всѣхъ системѣ отступленій и понесъ бы сильную неудачу, солдаты, почитая его злополучнымъ, видѣли бы во всемъ этомъ лишь кару Божію. На военачальника чужеземца, не одареннаго этими великими качествами, но постоянно отступающаго предъ непріателемъ, хотя бы онъ еще не потерпѣлъ пораженія, нашъ солдатъ начинаетъ смотрѣть недовѣрчиво, даже враждебно, почитая его лишь измѣнникомъ. Вотъ основаніе характера русскаго солдата, котораго свойства надлежитъ всякому главнокомандующему предварительно изучить. Близъ Смоленска Барклай возымѣлъ мысль итти съ 1-ою арміею къ городу Бѣлому, направивъ 2-ую по Московской дорогѣ, гдѣ она, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать полного пораженія. Ермоловъ, который по своему пылкому и рѣшительному характеру, не могъ сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, рѣзко возразилъ ему: «Вы не осмѣлитесь, ваше высокопревосходительство, этого сдѣлать и тѣмъ отказаться отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами чудеснымъ соединеніемъ армій». Барклай, убѣдившись въ гибельныхъ послѣдствіяхъ этого движенія, отказался отъ своего намѣренія. Оба главнокомандующіе, схватившись вскорѣ послѣ того въ одной избѣ села Гаврикова и сидя на одномъ бревнѣ, изливали другъ на друга накопившуюся желчь. Во время пребыванія армій близъ Смоленска, Толь предложилъ, воспользовавшись соединеніемъ ихъ, атаковать непріателя, при чемъ намъ бы пришлось дебушировать лишь чрезъ двое воротъ, обращенныхъ къ сторонѣ непріателя; этотъ странный планъ, не мало всѣхъ изумившій, былъ единодушно отвергнутъ.

вѣка, что, говоря о первомъ, можно пренебречь послѣднимъ? Если бы было такъ, то мы невольно руководились бы одною несправедливостью, помѣщая въ одинъ и тотъ же разрядъ и на ту же степень и славныхъ воиновъ, соединяющихъ воинскія достоинства съ высокою нравственностью, и воиновъ, заслужившихъ подобную же славу, но заклеянныхъ во всеобщемъ мнѣніи, или ремесломъ, или пороками, ни воину, ни гражданину не свойственными. Но пусть представятъ вполнѣ жизнь cadaго, и тогда всякій займетъ мѣсто, ему принадлежащее; тому, коего потерю долго не престанутъ оплакивать всѣ истинные сыны отечества, мало останется соперниковъ, соединившихъ въ себѣ доблести воина съ добродѣтелями гражданина.

Не подъ силу мнѣ предпринимать это дополненіе; я желалъ бы только возбудить къ этому предпріятію людей, которые, владѣя перомъ искуснѣе меня, имѣли случай короче знать этого достойнаго мужа. На нихъ лежитъ обязанность изобразить Раевского таковымъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно, и если изображеніе это требуетъ пера военнаго, то еще болѣе, можетъ-быть, ожидаетъ оно оцѣнки философа. Изображеніе Раевского будетъ столь же полезно послѣ кончины его, сколько и при его жизни: описаніе это будетъ какъ бы отрывкомъ изъ Плутарха, а не пролетнымъ листомъ, брошеннымъ публикѣ, утомленной уже чтеніемъ некрологій всѣхъ военныхъ людей безъ разбора. Отрывокъ этотъ, изучаемый юношествомъ, будетъ въ нравственномъ отношеніи полезнѣе всѣхъ дидактическихъ наставленій и разсужденій моралистовъ; счастливъ отецъ, замѣтившій слезу восторга на глазахъ своего сына при чтеніи жизни Раевского!

Съ моей стороны, чѣмъ ближе я вникалъ въ образъ мыслей, чувства и дѣяній его, тѣмъ болѣе открывалъ въ немъ сочетаніе древнихъ, едва ли въ нашемъ вѣкѣ въ одномъ чловѣкѣ сочетающихся добродѣтелей: сильнаго характера съ отмѣнною чувствительностью, ума проницательнаго, точнаго, съ кротостью неподдѣльною, естественною; снисходительности къ слабостямъ другихъ съ строгостью къ своимъ собственнымъ. „По исполненіи обязанностей начальника, никто не узнавалъ

уже въ немъ человѣка, облеченнаго властью. Надменность, своеправіе были ему неизвѣстны, и — что весьма рѣдко — любовь и уваженіе къ нему другихъ не уменьшались ни вслѣдствіе добродушнаго съ ними обхожденія, ни вслѣдствіе строгости, къ которой онъ, впрочемъ, прибѣгалъ въ важныхъ преступленіяхъ, но никогда въ мелочныхъ. Исчисленіе примѣровъ безкорыстія и честности столь великаго мужа было бы оскорбленіемъ его добродѣтели. Относительно добраго или худаго о немъ мнѣнія свѣта онъ былъ совершенно равнодушенъ, чѣмъ не могутъ похвалиться многіе достойные люди. Онъ ни явно, ни тайно не домогался того. Чуждый всякаго рода со-
вмѣстничества съ равными, онъ былъ чуждъ и личныхъ распрей съ своими подчиненными, полагая безславіемъ одержать въ таковыхъ случаяхъ надъ ними верхъ и униженіемъ не имѣть его. Онъ никогда не старался присвоивать себѣ заслугъ другихъ; онъ былъ добръ съ добрыми и суръ съ людьми злонамѣренными. Простота въ одеждѣ, скромность въ разговорахъ, пренебреженіе пышности были причиною того, что толпа народная, цѣнящая великихъ мужей по одному наружному блеску, ихъ окружающему, не постигала, что въ немъ такъ много славнаго; истолкователей тому было немного“.

Кто не подумаетъ, что эта статья, столь вѣрно изображающая Раевского, не есть произведеніе какого либо современнаго ему писателя, глубоко вникнувшаго въ его качества? Это отрывокъ Тацита изъ жизни Агриколы ¹⁾! И подлинно,

¹⁾ Предложенный отрывокъ изъ Тацита переведенъ Давыдовымъ съ французскаго языка. По этому поводу въ «Запискахъ» К. А. Полеваго сохранился слѣдующій разсказъ: «Давыдовъ какъ-то заѣхалъ ко мнѣ, съ просьбою перевести для него отрывокъ изъ «Жизни Агриколы Тацита», который ему нужно было вмѣстить въ свою прекрасную статью «Замѣчанія на некрологію Раевского». Я отказался, говоря, что не смѣю переводить Тацита, не довольно изучивши его языкъ. «Я перевелъ самъ, да съ французскаго!» — сказалъ онъ. Тутъ онъ прочелъ мнѣ свой переводъ изъ жизни Агриколы. Выслушавши его, я искренно выразилъ ему свое мнѣніе, что если бы самъ Тацитъ перевелъ этотъ отрывокъ на русскій языкъ, то переводъ не былъ бы лучше. Можетъ-быть, онъ не во всемъ вѣренъ буквальному смыслу подлинника, зато вѣренъ духу его. «Нѣтъ, куда мнѣ! — возразилъ Д. Давыдовъ. — Нынче хорошо пишутъ и молодые писатели, такъ что намъ, ветеранамъ, только любоваться ими». (Записки К. А. Полеваго. С.-Пб. 1888, стр. 321). А. К.

часто благоговѣя передъ симъ, какъ будто остаткомъ блистательныхъ вѣковъ Рима и Греціи, передъ симъ живымъ явленіемъ одного изъ великихъ мужей временъ, почти уже для насъ баснословныхъ, я готовъ былъ вѣрить переселенію душъ и видѣть въ Раевскомъ продолженіе или Агриколы, или Эпаминонда, или Сципіона, столь сродныхъ съ нимъ простотою нравовъ и кротостью душевной. Онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ нашей эпохѣ, исключительно коснѣющей въ тѣсной, себялюбивой расчетливости и дерзающей осмѣивать сатанинскимъ хохотомъ все то, что выше ея смрадныхъ предѣловъ!

Естественнымъ послѣдствіемъ этого кроткаго и вмѣстѣ съ тѣмъ важнаго характера Раевского было равное и одинаковое обхожденіе его съ лицами какъ высшихъ, такъ и низшихъ степеней общественной іерархіи. Онъ былъ всегда одинаковъ со старшими и равными себѣ, въ кругу друзей, знакомыхъ и незнакомыхъ, предъ войсками въ пылу битвъ и среди мира. Онъ былъ всегда спокоенъ, скромнъ, привѣтливъ, но всегда сознавалъ силу свою, которая невольно обнаруживалась въ его фізіономіи и взорѣ, при самомъ спокойномъ его положеніи.

Но сколько казался онъ намъ величественнымъ, когда послѣ каждой войны (оставивъ на каждой изъ нихъ безсмертную печать какого либо геройскаго подвига или искуснаго дѣянія) вопреки обыкновенію людей, стяжавшихъ всеобщіе плески и хвалы, онъ оставался при своемъ корпусѣ въ какой либо удаленной губерніи Россіи или скрывался въ сельскомъ убожищѣ среди своего семейства! Тамъ съ ежедневнымъ восхожденіемъ солнца, мы видѣли его въ простой одеждѣ поселянина, копающаго гряды и сажаящаго цвѣты, равнодушнаго къ заслуженной имъ славѣ, гремящей за предѣлами его мирнаго пріюта, и наслаждающагося восторгами младенца и успѣхами невинныхъ трудовъ своихъ. Тамъ занимался онъ мелочными для его ума хозяйственными заведеніями, заботливо вникая въ судьбу своихъ подданныхъ, которыхъ благосостояніе онъ упрочивалъ. Обладая умомъ просвѣщеннымъ и страстью къ испытанію природы во всѣхъ ея отрасляхъ, онъ пользовалъ и исцѣлялъ страдавшихъ тѣлесными недугами. Та

рука, которая мановеніемъ своимъ обливала кровію враговъ отечества на поляхъ сраженій, та самая рука пользовала своихъ и чужеземныхъ страдальцевъ, спасенныхъ ею въ тѣхъ же самыхъ битвахъ. Но при первомъ вызовѣ на службу отечеству, Раевскій, вырываясь

отъ сохи опять послушно,

изъ объятій семейства, изъ любимаго имъ уединенія, является на знакомыя ему битвы съ тѣмъ же спокойствіемъ духа, какъ бы изъ огорода на пашню, или съ пашни за семейную трапезу. Озаренный славою искуснаго полководца, достигшій высокихъ званій и почестей, обожаемый и благословляемый какъ отецъ, чтимый войсками какъ герой, онъ по окончаніи войны вновь возвращался въ сельское свое убѣжище, къ своей семьѣ, своимъ цвѣтамъ и огородамъ, съ тою же ясною душою, не омраченною тщеславіемъ, съ тою же скромностью философа, какъ будто не ему, а другому принадлежали совершенные имъ подвиги. Какъ будто не онъ, а другой, въ сопровожденіи двухъ отроковъ сыновъ, впереди колоннъ своихъ ударилъ въ штыки по Салтановской плотинѣ ¹⁾, не взирая на смертоносный огонь непріятеля; или спасъ подѣ Смоленскомъ обѣ наши арміи, задержавъ горстью храбрыхъ всѣ силы Наполеона; или удерживалъ, сколь было возможно, соименный ему редутъ на Бородинскомъ полѣ, который Ермоловъ впослѣдствіи столь блистательно исторгнулъ изъ рукъ непріятеля ²⁾; или своимъ

¹⁾ Дѣло это называется дѣломъ подѣ Дашковкой, но истинная свалка была на Салтановской плотинѣ.

²⁾ Не желая заслужить упрека въ пристрастіи, я долженъ сказать, что этотъ знаменитый подвигъ Ермолова на Бородинскомъ полѣ не былъ оцѣненъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ онъ того вполнѣ заслуживалъ. По причинамъ, для меня непонятнымъ, Раевскій, упоминая о немъ слегка, приписываетъ всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; онъ, повидимому, желаетъ убѣдить всѣхъ, что честь защиты этого редута и изгнанія изъ него непріятеля принадлежитъ лишь подчиненнымъ ему генераламъ и войскамъ. Изложивъ уже весь этотъ эпизодъ Бородинскаго побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное объ этомъ основано на словахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, изъ которыхъ многіе доселѣ живы, такъ, напримѣръ, мужественный А. П. Никитинъ. Самъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли, весьма не благоволившій впослѣдствіи къ Ермолову, относилъ весь успѣхъ этого дѣла его рѣшительности и мужеству. Это же самое подтвердилъ почтенный

появленіемъ къ вечеру въ первый день безсмертной Кульмской битвы ¹⁾), упрочившей побѣду за Ермоловымъ и русскою гвардіею; онъ сражался на равнинахъ Лейпцига, орошенныхъ благородною его кровью, побѣждалъ на высотахъ Роменвиля и Бельвиля, отъ взятія которыхъ затрепеталъ и покорился Парижъ. Наконецъ, когда Раевскій прошелъ сквозь весь пылъ долголѣтней вражды государствъ и народовъ, пожравшей цѣ-

и благородный графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, сказавшій не одному мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова о Ермоловѣ: «*Quoique je n'aie jamais été l'ami de coeur du général Ermoloff, je ne puis ne pas convenir, que notre armée lui doit son salut à Witebsk, Borodino et Culm; dans une foule d'autres occasions ce général a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de présence d'esprit et d'un rare désintéressement*». Высокое мужество и самоотверженіе Раевского и его сподвижниковъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ сраженіяхъ, не могутъ не быть оцѣнены всякимъ россіаниномъ, который дорожитъ славою своего отечества. Они потому не нуждаются въ присвоеніи чужихъ заслугъ, нисколько не уменьшающихъ ихъ собственныя.

¹⁾ Знаменитая Кульмская побѣда, въ первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служить однимъ изъ украшеній военнаго поприща сего генерала. Здѣсь, какъ подъ Витебскомъ въ 1812 году, гдѣ, вслѣдствіе настойчивыхъ и рѣзкихъ его представленій, Барклай не принялъ сраженія сперва предъ городомъ, а потомъ позади него, такъ и при Малоярославцѣ суждено было Ермолову, ниспровергнувъ замыслы враговъ нашихъ, спасти наши арміи отъ пораженій, послѣдствія которыхъ могли бы быть неисчислимы. Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обязана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и селятся доказать противное; по мнѣнію нѣкоторыхъ главнымъ героемъ дѣла былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ— принцъ Евгений Виртембергскій, по мнѣнію Барклая, весьма не благоволившаго къ Ермолову, квартирмейстерскій офицеръ Діестъ, мужеству и совѣтамъ котораго наша гвардія была будто бы обязана своей блестящей побѣдой. Таковое разнорѣчіе во мнѣніяхъ относительно одного изъ важнѣйшихъ событій войны 1813 года проистекаетъ, во-первыхъ, изъ весьма естественнаго желанія иностранныхъ писателей выставить принца Виртембергскаго главнымъ героемъ подвига, въ коемъ этотъ мужественный и достойный генералъ принималъ дѣятельное участіе, а во-вторыхъ, изъ недоброжелательства многихъ нашихъ соотечественниковъ къ Ермолову, блестящія достоинства котораго возбуждали въ нихъ чувство зависти. Цѣня высоко заслуги графа Остермана и принца Виртембергскаго во всю эпоху наполеоновыхъ войнъ и въ Кульмскомъ сраженіи въ особенности, я, основываясь на свидѣтельствѣ всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ этого боя и не опасаясь возраженій, положительно признаю Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь справедливую признательность и удивленіе Европы. Не входя въ подробное описаніе этого сраженія, я упомяну лишь о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ читатели мои ясно усмотрятъ, кому принадлежитъ главная честь одер-

лыя поколѣнія, сквозь преграды, ковы и гоненія, воздвигаемыя явною и тайною злобою всякому человѣку съ чистой совѣстью,—другой родъ славы ожидалъ его: борьба съ самою судьбою. Провидѣніе, испытующее высокіе характеры для поученія человѣчества, готовило намъ это тягостное, но великое и торжественное зрѣлище! Неожиданная гроза разразилась надъ главою посѣдѣвшей, но еще не остылой отъ вдохновеній воин-

жанной побѣды. Во время слѣдованія изъ Богеміи въ Саксонію русской гвардіи, коею временно командовалъ Ермоловъ, вмѣсто заболѣвшаго Лаврова, 2-я дивизія была впереди, а 1-я, при которой находился самъ Алексѣй Петровичъ, остановилась въ Донѣ; графъ Остерманъ, имѣвшій пребываніе въ Пирнѣ, получилъ изъ главной квартиры съ офицеромъ Новосильцовымъ предписаніе, на основаніи котораго ему надлежало со 2-мъ корпусомъ и русскою гвардіею двинуться на Максень. Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ никогда не отличался большими умственными способностями; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 году въ Филяхъ о необходимости оставить Москву безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что армія его почитаетъ послѣ того первѣйшимъ трусомъ. Но, къ счастью, здѣсь душею всѣхъ дѣйствій вновь является Ермоловъ, соединяющій въ себѣ рѣдкую проницательность и энергію съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Получивъ вышесказанное предписаніе, Остерманъ поспѣшилъ извѣстить о томъ Ермолова чрезъ того же Новосильцова, бывшаго въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ благороднымъ П. Н. Ермоловымъ, состоявшимъ въ то время въ должности адъютанта при двоюродномъ братѣ своемъ Алексѣѣ Петровичѣ. Хотя въ предписаніи не было положительно упомянуто объ отступленіи союзниковъ отъ Дрездена въ Богемію, но онымъ извѣщали Остермана, что они отходятъ отъ этой столицы съ намѣреніемъ расположиться на окрестныхъ высотахъ; въ случаѣ атаки Наполеона на ихъ правый флангъ (чего они напрасно ожидали отъ столь прозорливаго полководца), они, какъ было сказано, не замедлятъ, перейдя тотчасъ въ наступленіе, опрокинуть его въ Эльбу. Новосильцовъ объявилъ конфиденціально П. Н. Ермолову, что ему положительно извѣстно, что вся союзная армія въ полномъ отступленіи на Богемію. Слѣхавшись съ Остерманомъ среди дороги между Доной и Пирной и объявивъ ему о истинномъ движеніи союзниковъ, поспѣшно отступающихъ въ Богемію, Ермоловъ настоятельно требовалъ немедленнаго движенія всего отряда на Петерсвальде. Какъ бы предчувствуя, что гвардіи придется отступать въ Богемію, Ермоловъ послалъ заблаговременно адъютанта своего Фонвизина и состоявшаго при немъ лейбъ-гусара Мамонова для осмотра дорогъ; эти офицеры донесли ему, что дорога отъ Кричвица на Кенигштейнъ крайне неудобна: во-первыхъ, по причинѣ пересѣченной мѣстности, а во-вторыхъ, потому что близкое сосѣдство съ неприступною Кенигштейнскою крѣпостью могло быть для насъ весьма опасно. Ермоловъ, основательно изучившій классическія страны: Саксонію и Богемію, и имѣвшій при себѣ всегда карту Бакенбергера, объяснилъ по ней Остерману всю необходимость движенія на Петерсвальде; «прибывъ лишь наканунѣ изъ Гигсгюбеля, гдѣ я обѣдалъ у цесаревича, я еще короче ознакомился съ этою

ственныхъ и еще курившейся дымомъ сраженій.... Раевскій былъ пораженъ во всемъ миломъ, во всемъ драгоцѣнномъ для его сердца, созданнаго любить безъ мѣры все то, что однажды оно полюбило. Мы видали мужей твердыхъ въ опасностяхъ, видали самого Раевского въ весьма критическихъ обстоятельствахъ; онъ никогда, нигдѣ и ни отъ чего не измѣнялся, — но тутъ онъ превзошелъ наше ожиданіе, или лучше самого

мѣстностью, которую уже хорошо знаю изъ походовъ великаго Фридриха. Если вы направитесь на Максень, продолжалъ онъ, то весь отрядъ нашъ будетъ неминуемо окруженъ непріателемъ и не избѣгнетъ совершеннаго пораженія: въ доказательство того я предлагаю отправить по этому пути обозъ съ инструментами, который насъ такъ много затрудняетъ, и я вамъ ручаюсь, что вы его болѣе не увидите». Въ самомъ дѣлѣ, этотъ обозъ и денежный ящикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, двинувшіеся на Максень, сдѣлались добычею французовъ; во время этого совѣщанія, на которомъ не присутствовалъ принцъ Виртембергскій, рѣшено было слѣдовать на Петерсвальде. Храбрыя войска наши, предводимыя Ермоловымъ и принцемъ Виртембергскимъ, опрокинули непріателя у Кричвица, Котты и Кольберга; безстрашные лейбъ-егеря, коими командовалъ достойный Карлъ Ивановичъ Бистромъ, выбили по приказанію Ермолова французовъ съ высотъ близъ Цегиста. Кавалерія наша, предводимая принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, нынѣ королемъ Бельгійцевъ, Кноррингомъ и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящія атаки на французскую пѣхоту, которая была ею опрокинута и вогнана въ лѣсъ. Принцъ Леопольдъ, командовавшій Кирасирскимъ ея величества полкомъ и называвшій одного Ермолова *mon commandant*, получилъ за этотъ подвигъ по ходатайству Алексѣя Петровича знаки св. Георгія 3-го класса; послѣ этого ряда славныхъ дѣлъ, отрядъ двинулся къ Гигсгюбелю. Когда храбрый генералъ Кноррингъ, особенно отличившійся въ послѣдствіи, прибылъ къ Остерману съ донесеніемъ объ одержанныхъ успѣхахъ, Ермоловъ, приказавъ ему въ присутствіи графа тотчасъ возвратиться къ своимъ войскамъ, сказалъ: «Вы сперва додѣлайте, а потомъ уже пріѣзжайте досказывать». Такъ какъ Петерсвальдскій путь былъ въ двухъ мѣстахъ перерѣзанъ французами у Гюгсгюбеля и Геллендорфа, то Остерманъ, видя, что весь отрядъ, имѣвшій при себѣ до 30 легкихъ орудій, значительно растянулся по извилистой дорогѣ, начиналъ уже раскаяваться въ томъ, что послѣдовалъ совѣту Ермолова. Приказавъ войскамъ идти тише и запретивъ имъ заряжать ружья, Ермоловъ сказалъ графу: «*Je vous reponds, Mr. le comte, que nous passerons facilement par là*; я беру на себя предъ его величествомъ всю отвѣтственность за все то, что можетъ приключиться съ гвардіей». Широкоплечіе и усастые ветераны Преображенскіе выбили французовъ изъ Гигсгюбельской позиціи, а неустрашимые Семеновцы штыками проложили себѣ дорогу у Геллендорфа; сюда почти перпендикулярно къ Петерсвальдской дорогѣ сходится другая, идущая чрезъ селеніе Макербакъ на Кенигштейнъ по ущелью, образуемому рѣчкою Баръ; по этой дорогѣ могла даже удобно слѣдовать непріятельская тяжелая артиллерія. Оцѣнивъ всю важность этого пункта, занятіе котораго французами могло имѣть для насъ самыя гибельныя послѣдствія, Ермоловъ, съ свойственными ему

себя! Новый Лаокоонъ, обвитый, тѣснимый змѣями, онъ не докучалъ воплями Небу, не унижалъ себя мольбами о состраданіи. Ни единого ропота, ни единого злобнаго слова не вырвалось изъ устъ его, ни единымъ вздохомъ, ни единымъ стenanіемъ не порадовалъ онъ честолюбивую посредственность, всегда готовую наслаждаться страданіями человѣка, далеко превосходящаго ее своими достоинствами. Испытаніе ужасное!

рѣшительностью и проницательностью, остановивъ слѣдовавшую къ Петерсвальде гвардейскую артиллерійскую роту Ладыгина и лично расположивъ пушки этой роты на важнѣйшихъ пунктахъ, приказалъ тотчасъ открыть изъ нихъ огонь. Непріятель, двигавшійся по ущелью съ тяжелой артиллеріей, приведенный въ замѣшательство этимъ неожиданнымъ огнемъ, остановился. Французы, введенные въ заблужденіе фальшивыми донесеніями лазутчиковъ на счетъ численности нашихъ войскъ, еще болѣе убѣдились послѣ того, что мы ихъ значительно превосходимъ въ пѣхотѣ и артиллеріи. Такъ какъ надлежало, спустившись съ горъ, занять позицію у выхода ихъ, то Ермоловъ приказалъ оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру, расположить стрѣлковъ и пѣхоту въ садахъ и виноградникахъ, находившихся на Ноллендорфскихъ высотахъ, и удерживать ихъ по возможности долѣе, дабы дать остальнымъ войскамъ время и возможность избрать позицію и удобно расположиться на ней. Но такъ какъ это приказаніе не было приведено въ исполненіе, а, напротивъ, французы, овладѣвъ высотами и расположивъ на ней свою артиллерію, открыли сильный огонь по отступавшимъ войскамъ, то Ермоловъ сказалъ Гейеру въ присутствіи Остермана: «Благодарите Бога, что я нѣсколько моложе графа, а то бы я васъ разстрѣлялъ здѣсь на мѣстѣ». Остерманъ, будучи раненъ въ десятомъ часу утра 17-го августа, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову, принявшему на свой щитъ всѣ удары превосходнаго въ числѣ непріятеля. Когда прибылъ съ кавалеріей князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, Ермоловъ поспѣшилъ явиться къ нему, но этотъ отлично благородный человѣкъ сказалъ ему: «Побѣда за вами, довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее, по первому вашему требованію». Къ вечеру прибылъ корпусъ Раевского; Ермоловъ, которому удалось уже отстоять поле сраженія, просилъ его не высылать къ нему на помощь никакихъ войскъ. Такимъ образомъ слава этого блистательнаго подвига, имѣвшаго столь огромное вліяніе на войну, есть исключительно достояніе гвардіи и ея предводителя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію». Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ, и распоряженіямъ графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ, прочитавъ ее, не взирая на жестокія страданія, написалъ весьма неразборчиво слѣдующую записку, которая хранится у генерала Ермолова:

«Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только, что вы мало упомянули объ генералѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость отдавать привыченъ; впрочемъ

«Съ должнымъ имѣю честь быть...».

Нѣсколько лѣтъ продолжалось оно неослабно, и намъ можно было судить только по ослабѣвавшему его здоровью, измѣнявшимся взору и фizioноміи, омраченнымъ уже глубокою тоской и неотразимою горестью. Съ тѣмъ же безмолвіемъ о своихъ страданіяхъ душевныхъ, тогда сопряженныхъ уже съ недугами тѣлесными, онъ благословилъ семейство свое—увы! неполное—и скончался, какъ справедливо говорить некрологъ его, не

Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману знаки св. Георгія 2-го класса, этотъ мужественный генераль сказалъ ему: «Этотъ орденъ долженъ бы принадлежать не мнѣ, а Ермолову, который принималъ важное участіе въ битвѣ и окончилъ ее съ такой славой».

Прибывъ въ седьмомъ часу по полудни къ Кульму въ первый день знаменитой битвы, главнокомандующій Барклай приказалъ собрать военную думу для награжденія отличившихся. Имѣя въ особенности въ виду дать георгіевскій крестъ покровительствуемому имъ офицеру квартирмейстерской части Діесту, называемому Ермоловымъ деистомъ, онъ далъ предписаніе, въ коемъ этотъ офицеръ былъ выставленъ какъ руководитель и наставникъ графа Остермана во время боя. Одинъ изъ старшихъ членовъ думы, Ермоловъ вошелъ по этому случаю къ ближайшему своему начальнику Милорадовичу съ рапортомъ, въ коемъ, заступившись за честь графа Остермана, онъ опровергъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ показанія Барклая; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ ему мнѣнія членовъ думы, весьма неблагопріятныя для Діеста. Милорадовичъ, имѣя въ виду сдѣлать удовольствіе Барклаю, затерялъ съ намѣреніемъ этотъ рапортъ; увидавъ Ермолова и объявивъ ему эту утрату, онъ приказалъ войти съ новымъ рапортомъ, прося измѣнить содержаніе и смягчить выраженія. Ермоловъ представилъ ему новый рапортъ, который былъ лишь копіей перваго. Узнавъ о томъ, Барклай сдѣлалъ строгое замѣчаніе Милорадовичу за допущеніе Ермолова входить съ подобными рапортами; онъ при этомъ повторилъ свое требованіе относительно Діеста, подтвердивъ еще разъ, что подвиги этого офицера съ самаго начала битвы и отличные совѣты, данные имъ графу Остерману, будто бы значительно содѣйствовали къ отраженію непріятеля. Ермоловъ нашелся вынужденнымъ войти къ Милорадовичу съ новымъ рапортомъ, въ коемъ между прочимъ было сказано слѣдующее: «Мнѣ извѣстно, что на основаніи законовъ, ни одному главнокомандующему не предоставлено права наклонять по своему желанію рѣшеніе военной думы; это тѣмъ болѣе удивительно, что главнокомандующій, описывая подробно подвиги, совершенные будто бы Діестомъ съ самаго начала битвы, прибылъ самъ на поле сраженія лишь въ седьмомъ часу по полудни. Мнѣ, какъ главному начальнику сражавшихся войскъ, и прочимъ подкомандуемымъ генераламъ совершенно неизвѣстны подвиги, оказанные Діестомъ, который, имѣю честь донести, никогда не подавалъ никакого совѣта графу Остерману, запечатлѣвшему кровью своею славную побѣду свою подъ Кульмомъ». Вслѣдствіе этого рапорта, Діестъ не получилъ за это сраженіе знаковъ св. Георгія 4-го класса, которые были ему позднѣе пожалованы государемъ по ходатайству Барклая. Послѣ Кульмскаго сраженія великій князь Константинъ Павловичъ, услыхавъ, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояніе, предложилъ ему свой новый, шитый золотомъ, генеральскій

оставя ни единого человека, который имѣлъ бы право возставать противъ его памяти.

Вотъ легкій очеркъ Раевского какъ человека, какъ гражданина, о чемъ ни слова не было упомянуто въ его некрологѣ. Замѣтимъ теперь нѣкоторыя погрѣшности, требующія опроверженія:

На 1-й страницѣ сказано, что Раевскій былъ внукомъ князя Потемкина; а на послѣдней, что онъ безъ покровительства и связей достигъ чина генерала отъ кавалеріи.

Къ первому надлежало бы прибавить: двоюроднымъ внукомъ, что было основательнѣе; а допустивъ первое, послѣднее становится невѣроятнымъ: ибо въ началѣ своей службы могли ли Раевскій не имѣть сильной подпоры въ родствѣ съ княземъ Потемкинымъ, знаменитѣйшимъ и всемогущимъ въ то время вельможею въ Россіи? Если бы Раевскій не находился подъ покровительствомъ Потемкина, едва ли бы онъ на двадцатомъ году своей жизни могъ бы командовать коннымъ полкомъ булавы великаго гетмана (ошибочно названнаго въ некрологѣ гетманскимъ легко-коннымъ полкомъ золотой булавы) въ такое время, когда полки ввѣрялись однимъ только весьма заслуженнымъ полковникамъ? Я полагаю, что было бы справедливѣе сказать такъ: Раевскій, начиная съ чина полковника, достигъ безъ покровительства и связей чина генерала отъ кавалеріи.

На 2-й страницѣ находимъ: „Раевскій слѣдуетъ за осадой въ траншеяхъ Очакова“ ...

мундиръ: «Я тебя хорошо знаю», сказалъ ему его высочество, «ты не станешь просить вспомошествованія, хотя ты на то имѣешь полное право, тѣмъ болѣе, что многія лица, ничего не потерявшія, выхлопотали себѣ денежное вознагражденіе; я теперь безъ денегъ и не могу предложить тебѣ ихъ, но возьми въ знакъ дружбы мой мундиръ». Ермоловъ, благодаривъ великаго князя за его вниманіе, не принялъ предлагаемаго мундира. Реляція генерала Ермолова о Кульмской битвѣ помѣщена въ запискахъ графа Толя.

Подробности о Кульмскомъ сраженіи были мнѣ переданы графомъ Остерманомъ, Милорадовичемъ, К. И. Бистромомъ, флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, Ладыгинымъ и подполковникомъ Бистромомъ. Этотъ послѣдній, будучи сильно раненъ, едва не истекъ кровью; слабость его была причиной того, что онъ послѣ рюмки вина, которую ему дали для подкрѣпленія силъ, совершенно опьянѣлъ. Императоръ Александръ, подѣхавъ къ нему, замѣтилъ это; къ счастью Ермоловъ, находившійся вблизи, оправдалъ Бистрома въ глазахъ государя.

Раевскій прибылъ къ арміи не подъ Очаковымъ, а подъ Бендерами, на другой годъ послѣ взятія Очакова. Онъ только подъ Бендерами услыхалъ свистъ первой пули, и тамъ же, замѣченный княземъ Потемкинымъ, онъ былъ имъ прикомандированъ къ казачьимъ полкамъ, для изученія аванпостной и партизанской службы. Потемкинъ предписалъ бригадиру войска Донскаго Орлову употреблять Раевского на службу сперва рядовымъ казакомъ, а потомъ по чину поручика гвардіи; при концѣ этой войны, онъ былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, неоднократно рассказывалъ о томъ самъ Раевскій.

На 3-й страницѣ некрологъ Раевского говоритъ о дѣйствіи его подъ Ломиттеномъ въ кампаніи 1807 года. Но подъ Ломиттеномъ сражался генералъ Дохтуровъ, а не князь Багратіонъ, начальствовавшій тогда авангардомъ арміи, въ коемъ Раевскій командовалъ 5-мъ, 20-мъ и 25-мъ егерскими полками, а на другой день былъ усиленъ 26-мъ полкомъ. Авангардъ Багратіона атаковалъ Альткирхъ, деревню отстоящую въ двухъ или трехъ верстахъ отъ Гутштадта, почти въ одинъ и тотъ же день и часъ съ атакою Ломиттена Дохтуровымъ; слѣдственно, Раевскому нельзя было быть въ одно время и въ томъ и другомъ мѣстѣ, между которыми болѣе двадцати верстъ разстоянія; притомъ у него была опредѣленная команда.

О Дашковскомъ дѣлѣ сказано: „Въ семъ отчаянномъ положеніи (второй арміи) Раевскій беретъ на себя обязанность сразиться съ Даву и остановить его движеніе. Цѣлый день атака слѣдуетъ за атакою, и бой продолжается съ перемѣною успѣха. Между тѣмъ вторая армія переправляется черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ и скорымъ движеніемъ къ сѣверу занимаетъ Смоленскую дорогу. Тогда только Раевскій начинаетъ отступательное свое движеніе“, и прочее.

Этого нельзя допустить безъ нѣсколькихъ возраженій. Во-первыхъ: кто зналъ князя Багратіона, тотъ зналъ и то, что подъ начальствомъ его никто не осмѣливался брать на себя какое либо предпріятіе и какую либо обязанность: князь при-

казывалъ, подчиненные исполняли его предписанія; такой порядокъ существовалъ во всѣхъ когда либо ввѣряемыхъ ему частяхъ, начиная съ егерской роты до арміи. Но положимъ, что Раевскій, пользуясь тѣснѣйшею дружбою съ Багратиономъ, предложилъ ему сразиться съ Даву; во всякомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, не предлагалъ ему остановить его движеніе. Такое предложеніе могло бы быть названо самохвальствомъ, что свойственно молодости и легкомыслію, но было совершенно чуждо важному и основательному характеру Раевского, убѣжденнаго опытомъ въ своемъ нравѣ случайности при всякомъ военномъ предпріятіи. Во-вторыхъ: Раевскій не тогда отступилъ, когда вся уже вторая армія переправилась черезъ Днѣпръ въ Старомъ Быховѣ, но Дашковское дѣло началось по утру 11-го іюля и продолжалось до вечера; а 12-го, въ восемь часовъ утра, Раевскій, получивъ повелѣніе слѣдовать за арміею, направлявшеюся къ Старому Быхову для переправы черезъ Днѣпръ, немедленно выступилъ туда съ своимъ корпусомъ, оставя дивизію соединенныхъ гренадеръ графа Воронцова для прикрытія своего движенія. Эта дивизія, не будучи атакована непріателемъ въ продолженіи цѣлаго дня, спокойно отошла ночью за корпусомъ Раевского. Многихъ изъ насъ тревожило то, что Даву воздержался отъ преслѣдованія Раевского и Воронцова. Мы полагали, что Даву, проникнувъ превосходную мысль Багратиона, и, оставивъ въ покоѣ Раевского и Воронцова, двинулся черезъ Днѣпръ къ Мстиславлю, дабы преградить намъ путь къ Смоленску. Къ счастью, опасенія наши оказались напрасными; Даву, введенный въ заблужденіе усиленнымъ и кровопролитнымъ боемъ съ Раевскимъ и движеніемъ Платова съ казаками мимо Могилева, откуда имъ было все вывезено, принялъ это за твердое намѣреніе Багратиона пробиться къ этому городу правымъ берегомъ Днѣпра. Сосредоточивъ вокругъ этого города всѣ свои силы, онъ тщетно ожидалъ новой по тому же направленію атаки; Даву тогда только увѣрился въ своемъ заблужденіи, когда князь Багратионъ находился уже около Мстиславля, и когда соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію.

На 5-й страницѣ упомянуто объ отступленіи изъ Краснаго Невѣровскаго, и оно названо только славнымъ. Я могу ошибаться, но съ того времени, какъ это прилагательное отъ частаго употребленія при описаніи ничтожныхъ перестрѣлокъ въ ничтожныхъ войнахъ потеряло свою цѣну и значеніе, мнѣ кажется, что слѣдовало бы пріискать выраженіе, болѣе соответствующее блистательнѣйшему отступленію дивизіи, едва только составленной изъ рекрутъ; она, отражая на разстояніи сорока верстъ главныя силы Наполеона, достигла Смоленска непобѣжденною и въ устройствѣ, и хотя она понесла значительный уронъ, но не была приведена въ смѣшеніе, какъ говоритъ о томъ некрологъ. Я помню, какими глазами мы увидѣли эту дивизію, подходившую къ намъ въ облакахъ пыли и дыма, покрытую потомъ трудовъ и кровью чести! Каждый штыкъ ея горѣлъ лучемъ безсмертія! Такъ нѣкогда глядѣли мы на Багратіона, возвращавшагося къ намъ изъ-подъ Голлабрюна, въ 1805 году.

По истинѣ, слѣдующій день озарилъ бой, столько же знаменитый по великодушію, сколько превышающій битву, выдержанную Невѣровскимъ, по вліянію, которое онъ имѣлъ на судьбу отечества. Гибель Невѣровскаго лишила бы арміи наши нѣсколькихъ тысячъ воиновъ — и только; тогда какъ гибель Раевского имѣла бы послѣдствіемъ взятіе Смоленска и пагубное для нашихъ армій, двигавшихся къ Руднѣ, нападеніе съ тыла. Но обстоятельство это ни мало не уничтожаетъ геройскаго подвига Невѣровскаго. Находясь въ тѣсной связи съ Смоленскимъ боемъ Раевского, онъ представляется намъ краснорѣчивымъ предисловіемъ того великаго дня, безъ котораго не было бы ни Бородинскаго сраженія, ни Тарутинской позиціи, ни спасенія Россіи.

На 8-й страницѣ сказано: „Подъ Лейпцигомъ онъ своими гренадерами занимаетъ часть центра въ нашей линіи. Въ этомъ ужасномъ сраженіи было одно роковое мгновеніе, въ которомъ судьба Европы и всего міра зависѣла отъ твердости одного человѣка: Наполеонъ, собравъ всю свою кавалерію подъ прикрытіемъ сильной батареи, устремилъ ее на нашъ

центръ. Часть онаго поколебалась и временно уступила отчаянному нападенію. Но корпусъ гренадеръ подъ командою Раевского, свернувшись въ каре, стоялъ непоколебимо и, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ отражалъ всѣ его усилія. Сія твердость дала нашимъ время выстроиться и вскорѣ опрокинуть французскую кавалерію, которая принуждена была ретироваться подъ огнемъ непоколебимыхъ гренадеръ, разстроилась и обратилась въ бѣгство. Въ сію рѣшительную минуту Раевскій, тяжело раненый картечью въ правое плечо, и проч..... Поэтъ Батюшковъ, служившій при немъ адъютантомъ, замѣтя сіе происшествіе, прискакалъ къ нему на помощь“, и прочее.

Замѣчаніе 1-е: Во время атаки французской кавалеріи, Раевскій не имѣлъ при себѣ всего гренадерскаго корпуса, а только одну дивизію; другая дивизія была отдѣлена вправо, вѣ выстрѣла.

2-е. Слово: „окруженный со всѣхъ сторонъ“, не выражаетъ положенія, въ которомъ находился тогда Раевскій. Можно сказать, что онъ былъ поглощенъ приливомъ большей части французской конницы, нахлынувшей на средину союзныхъ армій, и, отражая ея усилія, онъ не уступилъ ни пяди земли, пока эти громады, обращенныя вспять нашими резервами, дозволили всей нашей линіи вновь занять покинутое ею мѣсто, примкнуть къ каре Раевского, какъ къ гранитнымъ редутамъ.

Въ этомъ случаѣ Раевскій былъ раненъ не картечью, а ружейною пулею французскаго стрѣлка; ихъ стрѣлки были посланы изъ пѣхотныхъ непріятельскихъ колоннъ, подвигавшихся на помощь своей конницы, насъ стремительно атаковавшей. Пуля попала не въ плечо, а въ верхнюю часть груди, ниже ключицы, между правымъ плечомъ и шеей.

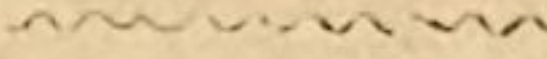
3-е. Поэтъ Батюшковъ нисколько не подсказалъ къ нему на помощь. Онъ и гвардіи егерскаго полка поручикъ Левъ Давыдовъ стояли почти рядомъ съ Раевскимъ. Они даже замѣтили тотъ моментъ, въ который французскій стрѣлокъ, находившійся весьма близко отъ нихъ, прицѣлился и своимъ выстрѣломъ ранилъ Раевского. Тогда Раевскій, полагая, что онъ

получилъ лишь контузію, продѣвъ руку подъ сертукъ, ощупалъ мѣсто удара; вынувъ ее окровавленной, онъ съ улыбкою сказалъ Батюшкову тотъ французскій стихъ, о коемъ упоминаетъ его некрологъ. Наконецъ 4-е, оба, какъ Батюшковъ, такъ и Давыдовъ, нося званіе адъютантовъ не Раевского, а генерала Бахметева, лишившагося ноги подъ Бородинымъ, служили въ этой должности при Николаѣ Николаевичѣ по собственному ихъ желанію и влѣдствіе рекомендаціи Бахметева.

Полное заглавіе настоящей статьи, вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, слѣдующее: «Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевского, изданную при «Инвалидѣ» 1829 года, съ прибавленіемъ его собственныхъ записокъ на нѣкоторыя событія войны 1812 года, въ коихъ онъ участвовалъ». М. 1832.— Въ началѣ этого изданія перепечатана самая некрологія неизвѣстнаго сочинителя (стр. 1—15), затѣмъ слѣдуютъ «Замѣчанія» Давыдова (стр. 17—32), а съ стр. 33-й по 87-ю идетъ изложеніе записокъ самого Раевского съ слѣдующимъ предисловіемъ, предпосланнымъ Давыдовымъ на стр. 32: «Теперь представимъ собственныя записки Раевского. Онѣ могутъ служить историку основой описанія службы его въ великій годъ Отечественнѣй войны. Записки сіи были писаны самимъ имъ на французскомъ языкѣ для генерала Жомини, намѣревавшагося писать исторію кампаніи 1812 года и просившаго циркулярами всѣхъ корпусныхъ командировъ и нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ, оказавшихся въ сію безсмертную эпоху на горизонтѣ событій, о снабженіи его вѣрнѣйшими описаніями дѣйствій войскъ, ими командуемыхъ». Въ заключеніе изложенія записокъ Раевского Давыдовъ присовокупляетъ слѣдующій эпизодъ изъ своей военной жизни (стр. 87—88): «Теперь я расскажу одно случившееся со мною происшествіе, которое почитаю достойнымъ вниманія относительно того времени обстоятельствъ.

«По окончаніи вышесказанной битвы (то-есть, подъ Краснымъ) я отправился въ мою квартиру отдохнуть. Черезъ нѣсколько времени офицеръ, бывшій при мнѣ на ординарцахъ, разбудилъ меня и объявилъ, что пришли два французскіе офицера отъ одной французской колонны, состоящей изъ 5000 человекъ, которая никому другому кромѣ меня не хочетъ сдаться. Я приказалъ имъ войти. Одинъ изъ нихъ былъ лѣкарь, а другой, по имени Коло, родомъ французъ, жившій долгое время въ Россіи и исправлявшій должность переводчика у соотчичей своихъ въ Смоленскѣ. Вотъ его исторія! Сей Коло служилъ нѣсколько лѣтъ камердинеромъ у брата моего, полковника Александра Давыдова, и въ теченіе этого времени женился на одной ливонской сироткѣ, жившей въ домѣ моей матери. Я видалъ его безъ замѣчанія; но онъ зналъ меня хорошо. Одна изъ колоннъ маршала Нея, въ коей сей Коло находился, бывъ отрѣзана отъ корпуса своего, принуждена была ночевать на открытомъ полѣ и развела большіе огни. Въ это время одинъ сбившійся съ дороги лейбъ-гусарь, принялъ ихъ за русскихъ, подѣхалъ къ нимъ и попалъ имъ въ руки. Такъ какъ въ колоннѣ не было ни одного высшаго званія офицера, то одни хотѣли его убить, другіе сохранить ему жизнь; но эскер-камердинеръ Коло, допрашивая его и узнавъ, что я стою близко съ моимъ

корпусомъ, уговорилъ несчастныхъ своихъ товарищей воспользоваться симъ случаемъ для общаго спасенія, объяснивъ имъ предварительно, сколь положеніе ихъ безнадежно. Тогда, взявъ означеннаго гусара въ проводники и въ сопровожденіи лѣкаря, Коло явился ко мнѣ уполномоченнымъ парламентаромъ и остался при мнѣ, обратясь къ прежней своей должности, то-есть, къ должности камердинера. Лѣкаръ же, въ сопровожденіи моего ординарца и двухъ казаковъ, съ разсвѣтомъ привелъ ко мнѣ всю сію колонну. Такимъ образомъ я взялъ въ плѣнъ 5000 чело-вѣкъ, не сходя съ постели, и теперь еще, вспоминая объ этомъ происшествіи, не могу воздержаться отъ смѣха, зная, какъ часто такъ называемые важные подвиги, имѣя основаніемъ подобные случаи, гремятъ въ реляціяхъ, будучи въ сущности своей ни важнѣе, ни отважнѣе того, для котораго мнѣ стоило только приподнять голову съ подушки и сказать два слова!»

ХVII. МЫСЛИ

ПРИ

ИЗВѢСТІИ О НЕУДАЧНОМЪ ПРЕДПРІЯТІИ НА КОНСТАНТИНУ
ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ.

1836.

Можно смѣло сказать, что нѣтъ народа менѣе завистливаго нашего; въ немъ, по крайней мѣрѣ, не было до нынѣ замѣтно той несправедливости, которая, вслѣдствіе тайной ненависти и зависти, увлекаетъ нѣкоторыя націи къ преувеличенію недостатковъ своихъ враговъ и къ прославленію своихъ собственныхъ добродѣтелей. Напротивъ того, русскіе не только не унижаютъ знаменитыхъ подвиговъ, совершенныхъ ихъ непріятелями, но они первые разглашаютъ и превозносятъ ихъ, восхищаясь малѣйшимъ предпріятіемъ, выходящимъ изъ разряда посредственности; они даже съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ и предъ лицомъ свѣта признаютъ превосходство ихъ надъ собою, хотя бы оно и было нѣсколько сомнительно. Такъ поступила Россія въ войнѣ съ Карломъ XII, изъ которой она извлекла много полезныхъ для себя уроковъ. Такъ поступила она въ войнѣ съ Наполеономъ, поучительными дѣйствіями котораго она также воспользовалась. Такимъ же образомъ великій предшественникъ Россіи относительно обширности завоеваній и пріобрѣтенной военной славы—Римъ усваивалъ себѣ оружіе и военныя учрежденія побѣжденныхъ имъ народовъ, превосходившихъ ихъ въ этомъ отношеніи.

И подлинно, пусть укажутъ намъ изъ всѣхъ сражавшихся съ Наполеономъ народовъ хотя на одинъ, который бы болѣе

русскаго благоговѣль предъ величіемъ его дѣяній, даже въ такое время, когда земля наша стонала подъ бременемъ полчищъ вооруженной Европы. Съ какимъ восторгомъ глядѣли мы на знаменитую фалангу Наполеона—его старую гвардію! Съ какими похвалами отзывались мы всегда о всей французской арміи въ пылу кровопролитнѣйшихъ съ нею битвъ! Кто изъ насъ оспаривалъ у французовъ носимое ими названіе великой націи въ минуты упорнѣйшей съ ними борьбы? Какое правительство приступало съ такою достохвальною ревностью къ усвоенію себѣ великихъ преобразованій, совершенныхъ Наполеономъ въ тактикѣ и стратегіи? Одно наше правительство, оцѣнивъ высокія усовершенствованія сего необычайнаго генія и сочетавъ ихъ съ душевною мощью русскаго войска, могло возвести его на ту высокую степень, которая возбуждаетъ лишь смѣшные возгласы и безсильныя ругательства нашихъ противниковъ.

Этотъ недостатокъ зависти и злобы въ нашемъ народѣ и войскѣ, восторгъ, который мы ощущали при встрѣчѣ съ французами, даже при вступленіи въ Германію, возбуждали негодованіе нашихъ союзниковъ. Одно мужество, стойкость нашихъ войскъ и ревность къ общему дѣлу изглаживали первое неблагоприятное для насъ впечатлѣніе.

Но чѣмъ восторженнѣе были похвалы наши, тѣмъ горестнѣе было для насъ сознаваться въ нашемъ заблужденіи на счетъ этой самой Франціи. Видя геніальныя предначертанія Наполеона, выполняемыя французами, могли ли мы сомнѣваться въ превосходствѣ ихъ надъ другими войсками и въ томъ, что онъ съ одной лишь французскою націей былъ въ состояніи творить тѣ чудеса, которымъ свѣтъ удивлялся и предъ которыми трепеталъ? Какъ можно было допустить, что Франція сама по себѣ не сознаетъ своего достоинства, что она не одарена непоколебимымъ мужествомъ, силою воли, чтобы и безъ помощи Наполеона сохранить то первенствующее положеніе, на которое она была имъ возведена вопреки всему міру.

Мы начали разочаровываться, увидя внезапный упадокъ духа, обнаружившійся въ французскихъ войскахъ и во фран-

цузской націи при первомъ неблагопріятномъ оборотѣ войны, послѣ первой неудачи Наполеона въ Россіи и на поляхъ Лейпцига. Наше разочарованіе достигло наибольшихъ размѣровъ при вступленіи нашемъ во Францію. Для насъ русскихъ, еще такъ недавно испытавшихъ вторженіе многочисленнаго непріятеля въ самыя нѣдра государства, воспрянувшаго на защиту свою, малодушіе французовъ было непостижимо. Инстинктъ грубѣйшихъ животныхъ, которымъ грозитъ гибель, влечетъ ихъ къ сосредоточенію всѣхъ частныхъ силъ въ одно общее усиліе; человѣческій же разумъ научаетъ сверхъ того слѣпо повиноваться въ то время одной волѣ, направляющей это общее усиліе. Самые римляне, столь высоко цѣнившіе свою свободу, жертвовали ею въ подобныхъ случаяхъ для спасенія независимости отечества, избирая диктатора, котораго волѣ всѣ безусловно подчинялись. Напротивъ того, французы, имѣя лишь въ виду сохраненіе тряпья, рухляди и спокойствія, что въ ихъ понятіяхъ имѣло бо́льшую цѣнность, чѣмъ честь и независимость отчизны, предали своего диктатора на произволъ судьбы. Ни одинъ гражданинъ не возсталъ и не вооружился для защиты генія, создавшаго все изъ развалинъ, успокоившаго страну послѣ кровавыхъ смутъ и возвысившаго Францію на верхъ славы и могущества и тогда еще отстаивавшаго ея честь, независимость и существованіе ежеминутными пожертвованіями жизни.

Но возникли тайные заговоры въ Парижѣ, городахъ и провинціяхъ, все стало помышлять лишь о измѣнѣ монарху-полководцу, котораго лезвіе сабли еще грозно сверкало на берегахъ Оби и Марны и обороняло Францію съ такою дѣятельностью и самопожертвованіемъ. Что же произошло однако? Измѣна восторжествовала, частныя имущества спасены, спокойствіе государства не нарушено, союзники въ Парижѣ, а Наполеонъ на островѣ Эльбѣ. Франція спокойна, но она лишилась областей, пріобрѣтенныхъ потоками крови своей. Гдѣ же честь, общее уваженіе, слава націи, всегда снѣдаемой честолюбіемъ и потому болѣе другихъ дорожащей мнѣніемъ свѣта? Гдѣ же поприще, на которомъ ей возможно возвратитъ

себѣ если не все утраченное, то, по крайней мѣрѣ, извѣстность и вниманіе къ себѣ міра. Не оставалось ничего другаго, кромѣ многоглаголанія, высокомѣрнаго пустословія въ типографіяхъ и на кафедрахъ, запрещенныхъ Наполеономъ, требовавшимъ дѣла, но не словъ. Она отлично воспользовалась своимъ положеніемъ; не будучи облачена уже въ бранные доспѣхи, она въ рубищахъ славы, ухватясь за представительное начало, наводнила Европу своимъ неистощимымъ велерѣчіемъ. Когда Наполеонъ съ сердцемъ, обограннымъ кровью бросился снова въ ея объятія, призывая ее не на кафедры, а на битвы, не на подмостки фиглярства, болтовни и мишурныхъ зрѣлищъ, а къ дѣлу великому, она, безстыдная, не внявъ его призыву, вторично выдала его союзникамъ. Она осыпала своего великаго преобразователя печатными и словесными ругательствами, недостойными великой націи, уважающей самую себя; она этимъ имѣла лишь въ виду снискать благорасположеніе союзниковъ и своего новаго правительства.

Съ этого времени мы яено увидѣли, что Франція не заслуживаетъ громкаго названія великой націи; успѣхи, побѣды, торжества принадлежали не ей, а лично Наполеону; съ паденіемъ этого исполина мысли и слова, пала и сама Франція. Провидѣніе, лишивъ ее славы воинской, оставило ей, какъ будто въ наказаніе или насмѣшку, одно самохвальство, которымъ она запятнала эпическіе подвиги великаго генія. Такъ была громко представлена свѣту военно-мирная прогулка по Испаніи, гдѣ французы, въ союзѣ со всѣмъ народонаселеніемъ, гнались за шайкой полунагихъ своевольцевъ, не осмѣлившихся оказать имъ малѣйшаго сопротивленія. Такъ было пышно обнародовано взятіе приступомъ Трокадеро, лишь наканунѣ укрѣпленнаго инсургентами и съ котораго, за недостаткомъ защитниковъ, едва было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Такимъ же образомъ были мы оглушены описаніями осады Антверпенской крѣпости, какъ будто дѣло шло объ Аустерлицкомъ и Фридландскомъ сраженіяхъ, а не о крѣпости, не приведенной еще окончательно въ оборонительное положеніе и защищенной лишь слабымъ голландскимъ гарнизономъ противъ восьмидесяти-

тысячной арміи французской, снабженной большимъ количествомъ артиллеріи. Такъ было торжественно объявлено о занятіи Анконской крѣпости, защищенной лишь святыми молитвами папы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду намъ не престають прославлять подвиги тридцати-тысячной регулярной арміи надъ безпорядочною толпою своевольныхъ кабиловъ, какъ будто бы наѣздники, лишенные единства и связи, могли и могутъ оказать французамъ большое сопротивленіе. Наконецъ, обнародованы пышныя описанія экспедицій на Константину; первая, по словамъ ихъ, неудалась лишь вслѣдствіе вреднаго вліянія климата и излишняго употребленія недозрѣлыхъ фруктовъ, вторая же — вслѣдствіе сильнаго дождя и тропическихъ жаровъ. Вообще же это была лишь жалкая пародія вторженія Наполеона въ Россію и гибели его армады въ нѣдрахъ нашего отечества. Какъ же было изображено французами истребленіе турецкаго флота подъ Навариномъ, при чемъ они умалчиваютъ о участіи англійскаго и русскаго флотовъ!

Повторяю, при описаніи славныхъ подвиговъ чужеземцевъ, перомъ нашихъ писателей никогда не управляетъ одна слѣпая любовь къ отечественной славѣ или оскорбленное самолюбіе; изображенія ихъ въ превратномъ свѣтѣ обличали бы насъ не побѣдителей, а побѣжденныхъ. Сверхъ того, мы, русскіе, по природѣ нашей чужды тайной ненависти къ кому либо; самыя обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, не допускаютъ въ насъ этого низкаго и недостойнаго чувства.

Кому и чему намъ завидовать относительно военной славы? Владѣя очевидными и неоспоримыми фактами, мы не нуждаемся въ панегирикахъ. Гдѣ были границы Россіи при вступленіи на престолъ Петра I, гдѣ были онѣ при восшествіи на престолъ Екатерины II и гдѣ настоящіе предѣлы Россіи? Мы, безъ помощи союзниковъ, по неизреченной благодати Творца, отразили пятисотъ-тысячную армію, предводимую величайшимъ полководцемъ всѣхъ вѣковъ. Проникнувъ въ нѣдра Европы съ горстью войскъ, не превышавшихъ 50000 человекъ, мы силою одной воли увлекли за собою тѣ же ополченія, на оружіи которыхъ не остыла еще кровь наша!

Кто изъ насъ не замѣтитъ явной и всеобщей ненависти къ Россіи чужеземныхъ историковъ, журналистовъ и большей части писателей? Вездѣ, гдѣ коснутся они Россіи, ея государей, вождей, народа и войска, вездѣ возводятъ на нихъ клеветы. Не благоразумнѣе ли поступили бы враги наши, если-бъ къ общему ополченію гортаней и перьевъ присоединили бы и логику. Пусть твердятъ они, что народы воинственные, движимые духомъ завоеванія, монархи, посягающіе на сосѣдственные престолы и земли, и даровитые полководцы, суть бичи рода человѣческаго. Кто осмѣлится опровергать эту истину? Пусть продолжаютъ они: Александръ Великій, Аннибаль, Юлій Цезарь и всѣ позднѣйшіе вожди, совершившіе великіе военные подвиги, ознаменовавшие себя благородными порывами къ военной славѣ, вся эта поэзія жизни народовъ, все то, чѣмъ книги и наставники воспламеняли наше молодое воображеніе и возвышали нашъ духъ, все предается анафемѣ, потому что все это, потрясая благосостояніе народовъ, причиняетъ гибель роду человѣческому. Согласившись съ первымъ, нельзя отрицать и втораго.

Но восхвалять и превозносить Римъ, Александра Великаго, Аннибала, Юлія Цезаря и вмѣстѣ Францію и Англію, первую — за завоеваніе почти всей Европы, а вторую — за основаніе колоній во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и самодержавіе владычества ея на всѣхъ моряхъ; прославлять Наполеона и его маршаловъ за ихъ военные подвиги, а за подобные же подвиги злословить русскій народъ, русскую армію, Петра, Екатерину, Александра, Суворова, Кутузова! Въ настоящее время французы, вѣдѣствіе удара опахаломъ по носу ихъ консула, покорившіе почти всю сѣверную часть Австраліи возстаютъ на насъ за покореніе Варшавы, Крыма, нѣкогда кровныхъ враговъ нашихъ. Они, можно сказать, бѣснуются за усмиреніе возставшей Польши, признанной нашею собственностью на основаніи трактатовъ.

Каждое государство пріобрѣло въ этотъ промежутокъ времени участки, выгоднѣйшіе того, что получила Россія; такимъ образомъ Англія, продолжая прибѣгать къ инквизицион-

нымъ мѣрамъ, въ своихъ сношеніяхъ съ Ирландіею, напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы смирить мятежную Канаду; она отторгла Бельгію отъ Нидерландовъ, въ замѣнъ колоній, которыхъ она не помышляетъ возвращать Нидерландамъ.

Успѣхи Россіи на пути просвѣщенія и всемірнаго владычества слишкомъ замѣтны, и потому, не будучи въ состояніи отрицать ихъ, они довольствуются описаніемъ неудачъ и невѣжественныхъ проступковъ, въ эпоху юношескаго возраста Россіи. Не имѣя намѣренія опровергать нелѣпыя ихъ сказанія и сужденія, на счетъ политическаго и гражданскаго устройства Россіи, я укажу лишь на искаженіе нѣкоторыхъ славныхъ подвиговъ нашего войска.

Предъ глазами современниковъ совершилось неимовѣрное чудо: Россія, долго коснѣвшая въ невѣжествѣ, внезапно преобразилась и, въ теченіе одного столѣтія, перешла въ состояніе возмужалости; этимъ она обязана Петру I и Екатеринѣ II. Конечно, совершись этотъ переломъ въ жизни русскаго народа съ большею постепенностью, наше отечество извлекло бы изъ него несравненно бѣольшую пользу. Хотя мнѣ пятьдесятъ-первый годъ отъ роду, но я видѣлъ Екатерину, Румянцова, Потемкина, Безбородко, имѣлъ счастіе говорить съ Суворовымъ и служить подъ начальствомъ Кутузова. При жизни моей перенесена наша граница отъ Буга до Днѣпра и Дуная, образована Кавказская линія и покорена Польша. Я находился въ сѣверной Россіи, смежной съ сѣвернымъ мысомъ, близъ Арарата, нынѣ намъ принадлежащаго, и вмѣстѣ съ войсками нашими торжествовалъ избавленіе Европы отъ Наполеона въ столицѣ побѣжденнаго завоевателя.

Неужели русскіе государи и народъ достигли въ столь короткое время могущества безпечною и недостатками силъ душевныхъ и умственныхъ? Неужели во все это время не было приведено нами въ исполненіе ни одного обширнаго труда, не было совершено блистательныхъ военныхъ предприятий, не было обнародовано ни одного благотворнаго постановленія, не была одержана ни одна блестящая побѣда на сушѣ и морѣ, не былъ заключенъ ни одинъ славный мир-

ный договоръ? Всего было довольно. Но въ какомъ свѣтѣ все это было изображено иностранными писателями? Какой геройскій подвигъ, совершенный русскими, переданъ въ истинномъ видѣ? За то, съ какою алчностью хватаются за всё воспоминанія о малѣйшихъ неудачахъ нашихъ! Съ какою тайною радостью повѣствуютъ они о пораженіи нашей неопытной арміи подъ Нарвой. Забавно то, что мы, школьники-воины, были предводительствуемы ихъ единокровными: герцогомъ де-Кроа и Аллартомъ, перебѣжавшимъ къ непріятелю при началѣ сраженія. Какъ торжественно передаютъ они описаніе малѣйшихъ частныхъ неудачъ нашихъ! Нѣтъ историческаго и дамскаго альманаха, нѣтъ той дѣтской книжки, гдѣ бы ни были изображены эти событія на чужеземный ладъ, то-есть, въ искаженномъ видѣ, съ примѣсью къ тому достойныхъ и нелѣпыхъ клеветъ на Петра I, котораго занятія въ свободное отъ дѣлъ время (если только бывало у этого великаго человѣка таковое), конечно, не могли стать въ уровень съ достохвальными занятіями Людовика XV. Я помню, сколько въ дѣтствѣ моемъ чтеніе Левека, француза — писателя вѣка этого короля, испортило мнѣ крови. Этотъ Левекъ измѣрялъ обычаи и дѣйствія Петра на аршинъ обычаевъ и нравовъ дряхлѣющаго и гнилаго французскаго общества того времени. Самъ Вольтеръ, не устоявшій противъ обворожительной любезности Екатерины, восхваляя Карла XII, не имѣлъ духа предпринять самъ собою исторію его побѣдителя и, вѣроятно, не приступилъ бы къ ней, если бы великая монархиня не побѣдила въ немъ драгоцѣнною собольею шубой и значительною суммою денегъ врожденнаго въ каждомъ иностранцѣ чувства ненависти ко всему русскому. При всемъ томъ, и тутъ, въ краснорѣчивомъ описаніи высокихъ качествъ Петра, онъ не могъ не преувеличить недостатковъ его, къ прискорбію, свойственныхъ всему человѣчеству. Въ одно время съ Левекомъ и Вольтеромъ, описывалъ дѣянія Петра нашъ славный Голиковъ. Не взирая на тяжелый слогъ его, вниманіе читателя не можетъ оторваться отъ тучныхъ десяти томовъ, наполненныхъ, большею частію, лишь офиціальными доку-

ментами о его путешествіяхъ, битвахъ, законахъ, трудахъ при созданіи флота, образованіи войска, фабрикъ, заводовъ, поощреніи наукъ, художествъ и промышленности, и великихъ дѣяній, предъ которыми невольно благоговѣтъ всякій даже чужестранецъ, не лишенный разума и души, способной сочувствовать всему возвышенному, славному и полезному.

Сама Екатерина служила и служить предметомъ недостойныхъ пасквилей чужеземцевъ; блистательное царствованіе ея немногимъ уступаетъ въ пользѣ царствованію Петра I. За исключеніемъ графа Сегюра и принца де-Линя, очевидныхъ свидѣтелей ея безсмертныхъ подвиговъ, прочіе писатели взводили лишь клеветы на сію великую государыню, много превышавшую большую часть монарховъ, коихъ потомство удостоило наименованіемъ великихъ. Эта великая монархиня, столь много возвеличившая Россію, не назначала ни одного губернатора или другого важнаго чиновника и не утверждала выборовъ дворянъ, не поговоривъ предварительно съ этими лицами; убѣдившись въ ихъ способности и умѣньи понимать обязанности свои, она лишь тогда утверждала ихъ въ этихъ званіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ два случая, мало извѣстные, но превосходно обрисовывающіе великія свойства Екатерины II.

Во время путешествія своего въ Крымъ, императрица, окруженная блестящею свитой, остановилась въ одномъ городѣ, гдѣ провела трое сутокъ. Будучи недовольна дѣйствіями одного губернатора, она, потребовавъ его къ себѣ въ кабинетъ, сдѣлала ему весьма сильный выговоръ. Выходя изъ кабинета, губернаторъ казался растеряннымъ, что было замѣчено всѣми и въ особенности Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ (отцемъ остроумнаго Александра Львовича). Черезъ нѣсколько времени, извѣстившись о хорошихъ распоряженіяхъ этого губернатора, она пригласила его къ себѣ и весьма милостиво и долго съ нимъ бесѣдовала. Нарышкинъ, увидя это, сказалъ ей: «Матушка, слыхали мы, что ты его журила въ кабинетѣ, а нынѣ удивляемся твоимъ къ нему ласкамъ». На это императрица сказала: «Я удивляюсь тому, что вы меня такъ мало разумѣете; я журю келейно, но хвалю публично».

Нѣкто Кологривовъ, братъ князя А. Н. Голицына по матери, служившій хорошо въ царствованіе императрицы и достигшій маіорскаго чина, получилъ наслѣдство въ Костромской губерніи, вслѣдствіе чего сталъ искать въ этой губерніи мѣста вице-губернатора; онъ рѣшился написать письмо о томъ императрицѣ, которая, между тѣмъ, обѣщала это мѣсто племяннику Безбородко. Получивъ письмо Кологривова, она сказала: «Пусть Безбородко пріищетъ другое мѣсто своему племяннику,

Нравственные качества или пороки первенствующихъ лицъ государства служатъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ достоинства царствующихъ и царствованій ¹⁾; это вѣрнѣйшая аксіома вѣковъ. Кто были сподвижники Петра? Шереметьевы, Меншиковы, Головины, Долгорукіе. Екатерина же создала Румянцовыхъ, Потемкиныхъ, Репниныхъ, Суворовыхъ, Безбородко, Паниныхъ; „эти лица размѣра героическаго, исполинскаго“, какъ выражается одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, „рисуются предъ глазами нашими озаренныя лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающія намъ дѣйствующія лица временъ древнихъ“. Но какъ изображены эти славные помощники великой монархини чужеземными историками? Левекъ приписываетъ всю славу Чесменскаго боя не Орлову, Спиридову и Ильину, а Эльфинстону (бывшему впоследствии контръ-адмираломъ) и какому-то Догделю (о которомъ ни одинъ историкъ не упоминаетъ), не уступавшимъ, можетъ-быть, въ мужествѣ и искусствѣ нашимъ морякамъ. Объ Орловѣ, главномъ начальникѣ флота, Спиридовѣ, начальникѣ авангарда, и Ильинѣ, начальникѣ брандеровъ и единственномъ истребителѣ турецкаго флота, не сказано ничего.

Кологривова же вызвать сюда». Когда Кологривовъ представился императрицѣ, она спросила его — знакомъ ли онъ съ обязанностями вице-губернатора? Когда онъ отозвался незнаніемъ, присовокупивъ, что онъ однако надѣется быть со временемъ полезнымъ губерніи, императрица, объяснивъ ему эти обязанности, присовокупила: «Я даю вамъ это мѣсто, но съ однимъ условіемъ: чрезъ годъ вы должны извѣстить меня письмомъ и сказать съ полною откровенностью, приносите ли вы пользу, или нѣтъ. Я наведу справки и если окажется, что вы скрыли истину отъ меня, вы никогда болѣе никакого мѣста не получите». Чрезъ годъ Кологривовъ писалъ императрицѣ, что, ознакомившись съ своею должностію, онъ чувствуетъ себя не бесполезнымъ и надѣется принести еще большую пользу. Когда императрица, послѣ наведенныхъ справокъ, удостовѣрилась, что Кологривовъ не обманулъ ея, она написала ему: «Отнынѣ вы мнѣ другъ».

¹⁾ Во время пребыванія въ Берлинѣ Даламберта, Фридрихъ спросилъ его однажды, бывалъ ли онъ у Людовика XV; онъ отвѣчалъ, что былъ однажды у короля, которому подносилъ рѣчь, читанную въ академіи. На вопросъ Фридриха, о чемъ съ нимъ говорилъ Людовикъ, онъ отвѣчалъ, что король не сказалъ ему ни слова. «Съ кѣмъ же говорилъ онъ?» возразилъ Фридрихъ, не понимая, чтобы можно было избѣгать разговора съ даровитыми людьми и довольствоваться лишь сплетнями и льстивыми рѣчами придворныхъ.

Побѣда Румянцова при Кагулѣ внушила, къ удивленію, даже неострое слово Фридриху, владѣвшему превосходнѣе всѣхъ своихъ современниковъ двойнымъ остріемъ: шпаги и пера. Этотъ великій государь, которому некому было завидовать относительно всякаго рода славы, особенно военной, сказалъ по этому случаю даже непристойное слово. Извѣстясь о сей побѣдѣ, въ которой 17000 русскихъ разбили на голову 150000 турокъ ¹⁾, онъ сказалъ, что кривые побили слѣпыхъ; онъ упустилъ изъ виду, что эти кривые доказали подъ Кунерсдорфомъ, что они умѣли бить не однихъ слѣпыхъ, но и тѣхъ, кои, по русской поговоркѣ, глядятъ въ оба глаза, голубые, большіе и полные генія! Чтобы еще болѣе убѣдиться сколь шутка эта была неумѣстна, достаточно вспомнить, что побѣдитель при Кагулѣ, названный Фридрихомъ кривымъ, былъ виновникомъ Кунерсдорфскаго пораженія, стоившаго Фридриху 20000 человекъ и 172 орудій. Въ описаніи этого сраженія иностранными писателями, сіи послѣдніе, упоминая лишь о томъ, что Лаудонъ съ австрійскою кавалеріей исторгъ побѣду у Фридриха, умалчиваютъ о Румянцовѣ, который съ русскою кавалеріей единовременно съ Лаудономъ смялъ и опрокинулъ пруссаковъ!

Потемкина ²⁾ не щадятъ иностранные писатели; нелѣпостямъ, клеветамъ оскорбительнымъ на счетъ этого замѣчатель-

¹⁾ Императрица, не будучи довольна въ слѣдующемъ году дѣйствіями Румянцова, упрекала его въ томъ, что онъ еще мало сдѣлалъ, говоря, что у непріятели еще много артиллеріи. Отвѣтъ героя замѣчателенъ: «Государыня, всѣ пушки, взятые мною въ настоящей кампаніи—литыя текущаго года, всѣ же, отлитыя въ предшествующихъ годахъ, взяты мною въ прошедшей кампаніи». Это убѣдительное возраженіе осталось безъ отвѣта. Нельзя забыть того, что графъ Румянцовъ рекомендовалъ императрицѣ двухъ чиновниковъ своихъ, знаменитыхъ впослѣдствіи графовъ, Завадовскаго и Безбородко. Отецъ мой и многіе другіе современники графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго рассказывали мнѣ, что сей послѣдній, отличаясь высокими военными дарованіями, былъ, къ сожалѣнію, замѣчателенъ своимъ чрезмѣрно-завистливымъ характеромъ и вполнѣ нестерпимымъ педантизмомъ. Румянцовъ, будучи весьма мало доступенъ для своихъ подчиненныхъ, превосходилъ, по мнѣнію ихъ, Потемкина, какъ военачальникъ, но въ отношеніи прочихъ умственныхъ свойствъ онъ стоялъ далеко ниже князя Таврическаго,

²⁾ Бывшій генераль-прокуроръ графъ А. Н. Самойловъ рассказывалъ брату моему А. М. Каховскому многія обстоятельства, относящіяся до жизни

наго государственнаго человѣка нѣтъ числа! Я недавно имѣлъ случай прочесть въ „Исторіи возрожденія Греціи“ Пуввиля слѣдующее: будто бы Потемкинъ приказалъ въ Азовской губерніи вдругъ устроить 240 городовъ; вотъ также описаніе одежды Потемкина того же самаго автора: „въ шелковомъ кафтанѣ сѣраго цвѣта, въ свѣтлозеленомъ нижнемъ платьѣ, въ желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ, съ волосами, небрежно повязанными бантомъ и покрытыми соломенной шляпой, обвязанною широкою лентой свѣтло-голубаго цвѣта, концы которой падали ему и на плеча; все это давало ему видъ селадона“. Этотъ селадонъ былъ

князя Потемкина. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Потемкинъ въ видахъ пріобрѣтенія полной любви и довѣрія запорожцевъ, которые лишь вслѣдствіе его убѣжденій согласились переселиться въ Черноморье, записался простымъ казакомъ въ одномъ изъ ихъ куреней; его называли Грицкой Нечесой по причинѣ безпорядка, въ коемъ часто находились его волосы. Однажды Потемкинъ сталъ звать къ себѣ одного изъ своихъ адъютантовъ: такъ какъ не оставалось ни одного адъютанта на лицѣ, то на зовъ его прибѣжалъ въ кабинетъ чиновникъ А. Ф. Крыжановскій, котораго Потемкинъ два раза прогонялъ съ словами: «Ступай вонъ, не тебя спрашиваютъ». Такъ какъ послѣ третьяго зова ни одинъ изъ адъютантовъ не явился къ князю, Крыжановскій вновь предсталъ предъ нимъ; веселое расположеніе духа Потемкина придало не мало смѣлости Крыжановскому, который сказалъ ему: «Хотя, ваша свѣтлость, слывете за весьма умнаго человѣка, а какую вы сегодня бумагу подписали? Вами несправедливо утвержденъ приговоръ по одному судному дѣлу». «Ты ничего, дуракъ, не понимаешь», отвѣчалъ, смѣясь, Потемкинъ, «я долженъ былъ утвердить приговоръ генераль-аншефа князя Репнина». «А если этотъ приговоръ былъ несправедливъ, ваша свѣтлость?» «А почему», спросилъ князь. Когда Крыжановскій объяснилъ ему весь ходъ дѣла, Потемкинъ, внимательно выслушавъ его, сказалъ: «Жаль, что я ничего о томъ не зналъ ранѣе, но бумага должна быть отправлена; впрочемъ, пошли мнѣ скорѣй Попова». Крыжановскій, бросившись послѣ этихъ словъ на колѣни предъ княземъ, воскликнулъ: «Не погубите меня, ваша свѣтлость, я во многомъ виноватъ, вѣдь бумага еще не отправлена, я ее задержалъ». Потемкинъ, не обнаруживъ ни милѣйшаго гнѣва, повторилъ ему приказаніе о присылкѣ Попова. Когда прибылъ В. С. Поповъ, Потемкинъ сказалъ ему: «Если приговоръ, мною сегодня утвержденный, еще не отправленъ, принеси его мнѣ сюда для просмотра». Прочитавъ еще разъ дѣло, Потемкинъ совершенно измѣнилъ свою резолюцію. Впрочемъ Потемкинъ, крайне избалованный счастіемъ, позволялъ себѣ нерѣдко весьма много. Князь, узнавъ однажды, что одинъ штабъ-офицеръ арміи, находившійся съ своею частью въ трехстахъ верстахъ отъ квартиры, имъ занимаемой, отлично играетъ въ шахматы, вытребовалъ его къ себѣ съ фельдъегеремъ; когда этотъ офицеръ, предполагавшій, что ему готовится какое либо прекрасное мѣсто, прибылъ, Потемкинъ, указавъ ему на одного извѣстнаго игрока сказалъ: «Я хочу узнать, кто изъ васъ останется побѣдителемъ». По окончаніи игры, этотъ офицеръ былъ немедленно отправленъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ въ мѣсто своего расположенія.

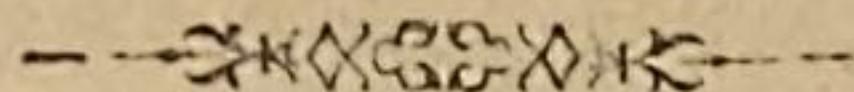
роста необыкновеннаго (въ немъ было не менѣе трехъ аршинъ), хотя и косой на одинъ глазъ, но онъ былъ не лишенъ красивыхъ чертъ, соотвѣтствовавшихъ его исполинскому росту; поступъ и осанка его были истинно величественныя. Тому, кто когда либо видалъ Потемкина, можно ли узнать его, въ платьѣ маскараднаго покроя господина Пуквиля.

Но всѣ эти выдумки не могутъ сравняться съ гнусными клеветами на счетъ Суворова, этого представителя нашей военной славы, этого единственнаго военного соперника Фридриха и Наполеона.

Къ крайнему прискорбію, мы почти безъ возраженій выслушиваемъ пасквили чужеземныхъ писателей; литература наша доселѣ скудна описаніями жизни людей, коими Россія вправѣ гордиться.

(Статья неоконченная).

Изд. 1860 г.

П И С Ь М А.

I.

Н. Н. Раевскому.

14-го іюля 1810 г. Лагерь при Рущукѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ вы насъ оставили ¹⁾, милостивый государь Николай Николаевичъ, много воды утекло. Курсъ нашего могущества съ часу на часъ упадаетъ. Угрозы, дерзости, бѣшенство противу артиллерійскихъ генераловъ не даютъ ни ядеръ, ни бомбъ, ни бранскаугелей. Третьяго дня графъ Сиверсъ сказался больнымъ и, вслѣдствіе просьбы его лѣчиться въ Яссахъ, отправленъ въ Силистрію. Рѣзваго ²⁾ ожидаютъ сюда съ артиллеріею и снарядами и готовятъ ему еще сильнѣе удары. Словомъ сказать, всѣ окружающіе великаго Могола, всѣ бранены, разбранены и ошельмованы по пяти разъ на день. Со всѣмъ тѣмъ, дѣла не только лучше не идутъ, но еще разстраиваются болѣе и болѣе. Время прошло, когда какое-то преимущество, называемое геніемъ, а нами—дурацкимъ счатъемъ, давало право дѣлать неистовства безъ возмездія и критики. Нынче мы.... у Рущука. Маска спала, и остался человѣкъ. Да какой? Всѣ глаза открыли и всѣ такъ кричатъ, что и я опасаюсь слушать. Но дабы лучше видѣть геройскіе наши подвиги, я вамъ скажу, что та высота, о которой вы гово-

¹⁾ Удаленіе Н. Н. Раевского изъ южной арміи было вызвано ссорою его съ главнокомандующимъ графомъ Н. М. Каменскимъ. Отношенія Д. В. Давыдова къ Раевскому были самыя дружественныя, скрѣпляемыя еще родственными узами: дядя Д. В. Давыдова, Левъ Денисовичъ Давыдовъ, былъ женатъ на Е. Н. Самойловой, бывшей въ первомъ бракѣ за Раевскимъ, отцомъ Николая Николаевича.

²⁾ Генераль-маіоръ артиллеріи Дмитрій Петровичъ Рѣзвой.

рили, что возьметесь поставить батарею противу Жумлы, была занята Мишо¹⁾, 26-го же числа атакована и отстоена безпримѣрно 28-мъ егерскимъ полкомъ подъ командою полковника Корнилова²⁾, ночью же отъ испуга Агамемнона и брата его Менелая³⁾, скрыта до основанія безъ всякой причины. Многіе еще редуты и батареи на центрѣ и на разныхъ мѣстахъ были также сдѣланы, передѣланы и раздѣланы. Дороги, что мы воображали занятыми Войновымъ и Левизомъ⁴⁾, не были заняты ни Войновымъ, ни Левизомъ. Наконецъ, видя въ телескопы и подзорныя трубки до 800 верблюдовъ, въ порядкѣ шествующихъ въ Жумлу, непреклонность визиря къ миру, и услыша отъ Цызырева⁵⁾ о шествіи 15000. человекъ изъ Варны на нашъ лѣвый флангъ, владыко рѣшился 4-го іюля ночью убраться на тѣ высоты, съ которыхъ мы пошли на атаку 11-го іюня, оставя тамъ 6-го числа братца съ половиною арміи, какъ всегда водится, въ Разградѣ „Ма foi“⁶⁾, въ Базарджикѣ „ай да“ Цызырева, въ Каскуджи Войнова. Самъ „ай да“ Каменскій устремился къ Руцуку, думая, соединясь съ Зассомъ⁷⁾, занять Руцукъ и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, кинуть пыль въ глаза. Но увы! Башнягъ-ага, которому послано было сказать, что я пришелъ съ арміею и даю три часа рѣшиться сдаваться или держаться, отвѣчалъ, что

¹⁾ Графъ Александръ Францовичъ Мишо-де-Боретуръ (род. 1771 г., ум. 1841 г.).

²⁾ Генераль-лейтенантъ Петръ Яковлевичъ Корниловъ (род. 1770 г., ум. 1828 г.).

³⁾ Агамемнонъ — главнокомандующій графъ Н. М. Каменскій (род. 1776 г., ум. 1811 г.); Менелай — братъ его, Сергѣй Михайловичъ, генераль отъ инфантеріи (род. 1772 г., ум. 1831 г.), въ то время начальникъ 3-го корпуса арміи графа Каменскаго.

⁴⁾ Александръ Львовичъ Войновъ (род. 1770 г., ум. 1832 г.) и генераль-лейтенантъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Левизъ офъ Менаръ (Levis of Menar) (род. 1767 г., ум. 1824 г.) — начальники дивизій арміи графа Каменскаго.

⁵⁾ Цызыревъ — одинъ изъ начальниковъ дивизій арміи графа Каменскаго.

⁶⁾ Ма foi — графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ (род. 1763 г., ум. 1831 г.), генераль отъ инфантеріи, названный такъ по его любимому присловью. Въ это время состоялъ начальникомъ 2-го корпуса арміи графа Каменскаго.

⁷⁾ Генераль Зассъ — начальникъ 1-го корпуса арміи графа Каменскаго.

онъ поздравляетъ его съ прїѣздомъ, что ему не нужно три часа рѣшаться на то, на что уже онъ давно рѣшился, что онъ даже можетъ отворить ворота города, если ему угодно и среди города дать отвѣтъ ему; впрочемъ, просить Бога, да прїосѣнитъ покровомъ своимъ всеильное руссїйское воинство.

Вотъ наши новости по сію пору. Однако траншеи сдѣланы, сапы въ двадцати-пяти саженьяхъ отъ валу; говорятъ, что на передовой сапѣ нынче поставлена будетъ батарея; лѣстницы дѣлаютъ, фашины сдѣланы, все готовится къ штурму, кромѣ меня, который его не ожидаетъ. Впрочемъ, какъ подумаетъ Агамемнонъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, что дѣлать? Въ Шумлу обратно итти? Осмѣютъ, да и не дойдешь: смѣнять! Оставить Руцукъ и итти на Тырново? Съ чѣмъ итти? Вѣдь надо и предъ Руцукомъ что-нибудь оставить. И вышло: живъ, живъ, курилка, еще не умеръ, а у курилки ножки тоненьки, душа коротенька. Взявши Руцукъ штурмомъ, онъ, конечно, ослѣпитъ челядь генераловъ; но всякій, кто мыслитъ хорошо, увидитъ въ движеніи на Руцукъ пустое движеніе. Шумла есть главный пунктъ: Шумлу возьмешь, и все падетъ.

Вотъ, любезный и почтенный нашъ генералъ, вотъ наши обстоятельства. Левушка ¹⁾ ѣдетъ къ вамъ, отъ того я пишу такъ откровенно. Онъ велъ себя отлично 23-го числа, я имъ радовался; но человѣкъ, покровительствованный генераломъ Раевскимъ, не можетъ уже остаться на поприщѣ брани, гдѣ господинъ Каменскій прячется, и для того велѣно ему отправиться къ вамъ. Я ожидаю штурму или отступа отъ Руцука; тогда сейчасъ переѣзжаю Дунай и ѣду въ Яссы провести съ вашимъ превосходительствомъ нѣсколько прїятныхъ дней, а оттуда ѣхать въ Москву. Итакъ, до свиданія. Мое почтеніе Софѣѣ Алексѣевнѣ. Я думаю, что она прїѣхала уже въ Яссы. Сашеньку ²⁾ цѣлую. Съ истиннымъ почтеніемъ и изъ-

¹⁾ Генералъ-маіоръ Левъ Денисовичъ Давыдовъ (род. 1792 г., ум. 1848 г.), состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при Н. Н. Раевскомъ. Впослѣдствіи былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса въ Москвѣ.

²⁾ Софья Алексѣевна Раевская, урожденная Константинова, внучка Ломоносова, — жена Н. Н. Раевского, и старшій сынъ ея Александръ Николаевичъ (род. 1795 г., ум. 1868 г.).

вѣстною вамъ преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга Денисъ.

Левушка собирался, собирался и протянулъ отъ 14-го до 24-го іюля. Штурмъ былъ неудаченъ. По вѣмъ свѣдѣніямъ за семь тысячъ ранено и убито. Бахметьевъ, Щербатовъ ранены, Сиверсъ ¹⁾ на брустверѣ убитъ. Изъ штабъ-офицеровъ мало осталось. Впрочемъ, Левушка вамъ все скажетъ. Простите. Я еще немного подожду, а тамъ дамъ тягу. Уваровъ ²⁾ ѣдетъ въ Бухарестъ, и все разъѣзжается. Вашъ покорный слуга Денисъ.

24-го іюля.

II.

II. II. Коновницыну.

26-го декабря 1812 г. Соколы.

Милостивый государь Петръ Петровичъ ³⁾! Я достовѣрно узналъ, что изъ Варшавы австрійскіе магазины вывозятся вонъ съ поспѣшностью, что въ городѣ семь, кромѣ больныхъ и нѣсколько сотъ пѣхоты, никого нѣтъ и что жители не только насъ ожидаютъ, но что отъ страха собрали значущее число контрибуціи для усмиренія побѣдителей. Сія послѣдняя статья основана, какъ кажется, на ихъ собственномъ характерѣ; ибо русскихъ предметъ не деньги. Я не намѣренъ и не смѣю давать совѣты; но долгъ всякаго объяснить мысли свои, и по-

¹⁾ Генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Николаевичъ Бахметьевъ (род. 1774 г., ум. 1841 г.), генералъ отъ инфантеріи князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ (род. 1777 г., ум. 1848 г.), впоследствии московскій военный генералъ-губернаторъ, и генералъ-маіоръ артиллеріи графъ Яковъ Карловичъ Сиверсъ—начальники дивизій арміи графа Каменскаго.

²⁾ Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ (род. 1773 г., ум. 1824 г.), генералъ-адъютантъ императора Александра I, впоследствии командиръ гвардейскаго корпуса.

³⁾ Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ (род. 1766 г., ум. 1812 г.), генералъ отъ инфантеріи, въ 1812 году состоялъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ россійскихъ армій.

тому я думаю, что если силы наши, пользуясь заслоненіемъ нынѣ занятыми противу австрійцевъ нашими аванпостами, двинутся съ поспѣшностью изъ Гродны чрезъ Ганюнзъ, Новогродъ, Остроленку къ Пултуску, а тѣ, что находятся въ Бѣломстокѣ и Цехановцѣ на Тикочинѣ, Визну, Ломзу и Новогродъ въ то же направленіе, тогда мы въ положеніи всегда будемъ достигнуть нашего предмета, который долженъ быть обходъ австрійскаго лѣваго крыла и отклоненіе ихъ корпуса къ Галиціи. Движеніе сіе тѣмъ болѣе возымѣетъ желаемый успѣхъ, что лѣвое крыло означеннаго корпуса примыкаетъ къ Пултуску, гдѣ находится и главная квартира князя Шварценберга, который, по извѣстіямъ мною собраннымъ, ищетъ только придишки къ отступленію въ Галицію и дрожитъ получить повелѣніе отступать въ сѣверную часть Германіи, гдѣ Бонапартъ, конечно, съ дѣятельностью старается поправить свои нелѣпости. Дошедши до Пултуска легко можно видѣть, что, подвинувъ часть войскъ къ Модлину для закрытія движенія нашего, можно, перейдя всѣми силами Бугъ подъ Сирецкомъ, а потомъ Вислу подъ Яблонами, достигнуть своей цѣли, которая основана на занятіи Варшавы и отдаленіи въ Галицію австрійскаго корпуса.

Кончая серьезное, я опишу вашему превосходительству кой-что и смѣшное; я узналъ отъ австрійскаго маіора, графа Ностица, слѣдующее: Бонапарте, въ проѣздъ свой чрезъ Ломзу, переодѣлся въ другое платье, а старое оставилъ съ пятидесятью наполеондорами на почтѣ, гдѣ прождавъ долго лошадей, конечно не безъ брани, отправился съ польскимъ гвардейскимъ офицеромъ въ жидовской кибиткѣ, покрытой изорванной клеенкой, въ Варшаву. На дорогѣ къ Остроленкѣ онъ встрѣтилъ Гогенцолерна, легко-коннаго полка поручика, ведущаго ремонтъ въ полкъ свой, который силою нѣмецкаго ругательства велѣлъ кибиткѣ остановиться, дабы проѣздъ ея не повредилъ какую-нибудь лошадь изъ его команды. Тогда какая-то желто-смуглая голова выглянула изъ кибитки и закричала ему: „Qui êtes-vous, f.....“ Офицеръ, переводя послѣднее слово за нѣмецкую брань, объявилъ ему, кто онъ и куда идетъ.

„Oh! vous n'avez pas beaucoup de chemin à faire“, отвѣчалъ Бонапарте, „l'armée vient à votre rencontre“. Не смотря на таковое пріятное извѣстіе, господинъ Наполеонъ простоялъ, покамѣстъ ремонтъ прошелъ; отправился въ Варшаву, гдѣ пробывши нѣсколько часовъ, поѣхалъ въ Дрезденъ. Офицеръ же австрійскій, проѣхавъ милю, встрѣтилъ Коленкура и прочихъ окружающихъ (или догоняющихъ), которые, спросивши его, не видалъ ли онъ императора въ кибиткѣ, увѣрили, что говорилъ съ нимъ или обруганъ имъ былъ дѣйствительно Наполеонъ.

Пора бы кончить! Но письмо не письмомъ безъ всепокорнѣйшей моей просьбы усилить меня комплектнымъ казачьимъ полкомъ. Ради Бога, ваше превосходительство, исходатайствуйте мнѣ эту милость. Неравно что-нибудь прикажутъ, ей-ей, не въ состояніи буду выполнить приказаніе, а это, вы знаете, не въ моихъ правилахъ. Увѣренъ будучи въ вашемъ ко мнѣ хорошемъ расположеніи, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга Денисъ Давыдовъ!

PS. Когда меня усилятъ, нельзя ли мнѣ позволить дѣйствовать своевольно? Авось либо что-нибудь сотворю.

III.

Графу А. А. Аравчееву.

(1813—1814 г.)

Съ перваго выстрѣла при переходѣ Нѣмана до сраженія подъ Бородинымъ, а потомъ до береговъ Рейна, я не спускалъ съ глазу непріятели. Вашему сіятельству, конечно, не безъизвѣстно, что я имѣлъ наипаснѣйшія, а потому наилестнѣйшія препорученія, подавши прожектъ покойному князю Багратиону о дѣйствіи партизановъ и доказавъ самъ на дѣлѣ выгоды моего предположенія. Долго пользовался я призна-

тельностью вышняго начальства; но гнусныя интриги заставили меня предстать къ покойному фельдмаршалу для оправданія себя за овладѣніе (послѣ десяти-часовой битвы) столицею Саксоніи, въ одно время, какъ генералъ Чернышевъ получалъ 1-я Анны за занятіе безъ выстрѣла Берлина, а полковникъ Тетенборгъ чинъ за торжественный въѣздъ въ Гамбургъ. Справедливость царя-покровителя была щитомъ безпокровнаго! Я, по его императорскаго величества повелѣнію, воротился къ своему отряду, но онъ уже былъ отданъ другому, что принудило меня, послѣ различныхъ предлоговъ, одного кривѣе другого, мнѣ представленныхъ, удалиться въ Ахтырскій гусарскій полкъ, къ коему я принадлежу. Графъ Милорадовичъ, въ коего корпусѣ находился полкъ сей, выбираетъ меня снова въ партизаны, употребляетъ меня отъ Лютцена до заключенія перемирія по роду службы моей; я имѣю счастье выполнить нѣсколько разъ его повелѣнія, онъ меня представляетъ къ чину, и я остаюсь опять безъ награжденія. Въ послѣднюю кампанію назначаются легкіе отряды, которые даются въ командованіе или людямъ, подъ моимъ начальствомъ находившимся, или тѣмъ, которымъ сей родъ службы вовсе былъ чуждымъ; я же, русскій полковникъ съ полкомъ казачьимъ, поступаю въ составъ отряда графа Менсдорфа, австрійскаго полковника. Сколько ни прискорбно, командовавши самъ отдѣльною частію, находится подъ начальствомъ другого, но во всю сію службу вашему сіятельству объявить самъ полковникъ господинъ Менсдорфъ, какими подвигами заслужилъ я предстательство его у государя императора и у фельдмаршала князя Шварценберга, которые также остались втуне.

Между тѣмъ всѣ мои сверстники и даже младшіе по службѣ, провождая жизнь въ резервахъ и главныхъ квартирахъ, обошли и обходятъ меня. Я представлялъ о томъ нѣкоторымъ моимъ начальникамъ, коихъ, кажется, долгъ — прежде наградить подчиненныхъ, а потомъ получать себѣ награды; но они, обезобразя себя разноцвѣтными украшеніями, увѣряютъ, что уже поздно симъ утруждать государя императора. Я просилъ нѣкоторыхъ близкихъ вельможъ къ его императорскому

величеству возобновить въ памяти его мою службу, но у нихъ одинъ отвѣтъ: „не по моей части“. Какъ будто доводить истину до царя раздѣлено на части?

Не имѣя никакихъ протекторовъ кромѣ известной справедливости вашего сіятельства, осмѣливаюсь представить вамъ, милостивый государь, службу мою на разсмотрѣніе; если требованіе мое справедливо, то покорнѣйше прошу уважить еѣ и исходатайствовать мнѣ поравненіе въ чинѣ съ моими сверстниками; если же нѣтъ, то предать ее забвенію и....

IV.

Князю П. А. Вяземскому.

2-го сентября (1815 г. Варшава).

Любезный Вяземскій! Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ оставилъ, я все живу въ Варшавѣ. Еще судьба не устаетъ меня преслѣдовать. Тогда какъ войска наши летѣли къ славѣ, великій князь остановилъ меня здѣсь съ намѣреніемъ отнять у меня случай быть въ дѣлѣ или отличиться. Къ счастью моему, ни одинъ русскій не выстрѣлилъ, и честь моя спасена! Однако же на дняхъ я ѣду въ Парижъ, независимо устрицъ, *râtes de foie gras* и сиренъ Парижа — надо кончить и рѣшить судьбу свою! А *propos de Sirène*, что дѣлаетъ божество мое ¹⁾? Все ли она такъ хороша? Богомъ тебѣ клянусь, что по сію пору влюбленъ въ нее какъ дуракъ. Сколько здѣсь прекрасныхъ женщинъ; ей-ей, ни одна сравниться не можетъ! Прости, скажи мое всенижайшее почтеніе княгинѣ ²⁾, поцѣлуй княжнушку ³⁾ и, когда будешь писать къ Четвертин-

¹⁾ Танцовщица А. И. Иванова. О ней см. т. I, стр. 75.

²⁾ Жена князя П. А. Вяземскаго — Вѣра Ѳедоровна, урожденная княжна Гагарина.

³⁾ Дочь князя П. А. Вяземскаго — Марія Петровна (род. 1813 г., ум. 1848 г.), впослѣдствіи была замужемъ за П. А. Валуевымъ.

скому ¹⁾), вспомни ему обо мнѣ. Пиши ко мнѣ въ Варшаву въ канцелярію главнокомандующаго резервною арміею на имя Петра Ивановича Миллера для доставленія такому-то. Прости, да напиши обо всемъ. Твой другъ Денисъ Давыдовъ.

Князь Ѳеодоръ ²⁾ былъ у меня въ Варшавѣ, когда полкъ его проходилъ впередъ, а теперь всѣ они возвращаются.

У.

Князю П. А. Вяземскому.

16-го октября (1815 г.) Варшава.

Письмо твое, любезный мой Вяземскій, меня ужасно обрадовало и какъ будто перенесло въ Бѣлокаменную, съ которой сопрягаются всѣ мои сердечныя воспоминанія! Не лѣнись милый другъ, увѣдомляй почаще о своемъ житьѣ-бытьѣ; я съ своей стороны отъ того рѣдко пишу, что писать нечего; ходъ моей жизни одинаковъ—неудовольствія да притѣсненія за вѣрную мою службу, вотъ все, что я получилъ и получаю. Но такъ какъ моя мачиха-фортуна приучила меня къ терпѣнію, то и сношу все безъ ропота, тѣмъ паче что, повѣришь ли? когда я нахожусь въ положеніи, требующемъ твердости духа, я какъ будто на своемъ мѣстѣ. Но полно объ этомъ говорить.

Ты пишешь, что первое письмо ко мнѣ послалъ съ Вельяшевымъ, который находится въ главной квартирѣ. Я объ этомъ узналъ отъ пріѣзжихъ изъ Парижа, но его не видалъ, слѣдственно письма твоего не получалъ и не надѣюсь по смежности съ зимою получить даже и послѣ дождечка въ четвергъ. Онъ же, какъ я предвижу, опять займется диссер-

¹⁾ Кн. Борисъ Антоновичъ Четвертинскій (род. 1781 г., ум. 1865 г.), оберъ-штаб-мейстеръ. Пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ императора Александра I. Былъ женатъ на княжнѣ Надеждѣ Ѳеодоровнѣ Гагариной, сестрѣ жены князя П. А. Вяземскаго.

²⁾ Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Гагаринъ, генераль-маіоръ, шуринъ князя П. А. Вяземскаго.

тацією обѣ ухабахъ ¹⁾: то до письма ли будетъ ему? Читавши о пирахъ вашихъ въ Кунцовѣ ²⁾, зависть моя доходила до бѣшенства! Еслибъ я зналъ, что великій князь ³⁾ по милости своей удержитъ меня здѣсь, съ какимъ бы удовольствіемъ я провелъ съ вами время, которое по пустому убилъ въ пустой Варшавѣ съ пустыми людьми? Авось ли судьба будетъ мнѣ благосклоннѣе и зимою опять заброситъ меня въ матушку Москву. Тогда надѣюсь, что усы мои опутаютъ ноги Глушковскаго ⁴⁾ и уничтожатъ всѣ его покушенія, — но этой вѣсти между тѣмъ я не вѣрю и не хочу вѣрить! Да и охота тебѣ выводить меня изъ заблужденія; я по сію пору влюбленъ какъ дуракъ! Ты знаешь, что полячки, особенно въ Варшавѣ, и хороши, и привлекательны, но божусь тебѣ честью, что ни одной нѣтъ достойной стать на ряду съ нею! И ты можешь ей сказать, что я отъ нея умираю, всякій день толстѣю; но у всякаго свой манеръ умирать. Что тебѣ еще сказать? Царя ждемъ къ 24-му сего мѣсяца, а такъ какъ съ нимъ Уваровъ ⁵⁾, то по геометрической пропорціи выходитъ, что и Окуневъ ⁶⁾ сюда явится. Съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю, какъ онъ будетъ мнѣ читать свою героиду, и какъ я при послѣднемъ стихѣ объявлю ему, что героиня его героиды замужемъ. Все это меня восхищаетъ.

Прости милый Вяземскій, скажи мое почтеніе княгинѣ, кланяйся Василию Львовичу Пушкину, князю А. Голицыну ⁷⁾ и всѣмъ нашимъ пріятелямъ, особенно Майкову, который, подобно Юпитеру, владѣетъ судьбой моей; радуюсь сердечно,

¹⁾ Вельяшевъ служилъ по вѣдомству путей сообщенія.

²⁾ Въ Кунцовѣ жилъ лѣтомъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, театральныя вечеринки у котораго привлекали къ нему многихъ его знакомыхъ.

³⁾ Константинъ Павловичъ.

⁴⁾ Адамъ Павловичъ Глушковскій, балетмейстеръ Московскаго театра. Впослѣдствіи былъ женатъ на танцовщицѣ А. И. Ивановой.

⁵⁾ О. П. Уваровъ, генераль-адъютантъ императора Павла I и Александра I.

⁶⁾ Г. А. Окуневъ, ротмистръ кавалергардскаго полка.

⁷⁾ А. Н. Голицынъ (род. 1769 г., ум. 1817 г.), камергеръ, былъ женатъ на отдаленной родственницѣ князя П. А. Вяземскаго Маріи Григорьевнѣ Вяземской.

что ему лучше. Письмо къ сыну его Николаю ¹⁾ я не отдалъ, потому что не видалъ его, а поручить другому не хотѣлъ; скоро его доставлю или самъ, или чрезъ вѣрныя руки, которыя мнѣ еще по сію пору не попадались. Пожалуйста, пиши почаще и адресуй письма по прежнему. Жуковскому я писалъ въ Петербургъ; онъ по слухамъ принять императрицею очень милостиво, и боюсь, чтобы изъ независимаго философа не поступилъ въ рабы фортуны. Прости еще любезный другъ. Не забудь сказать мое почтеніе Николаю Михайловичу и Катеринѣ Андреевнѣ ²⁾. Твой вѣрный другъ Денисъ Давыдовъ.

Увѣдомь, гдѣ ты нанялъ домъ и чей именно. Если не родные, я бы съ радостью принялъ твое дружеское предложеніе; все однако жъ сдѣлаю. У тебя *ried-à-terre*, чтобы имѣть удовольствіе перваго въ Москвѣ тебя увидѣть.

VI.

Князю П. А. Вяземскому.

8-го декаря (1815 г.) М. Яновъ, возлѣ Бреста.

Наконецъ я, любезный Вяземскій, вырвался изъ Варшавы и иду вмѣстѣ съ дивизіею: изъ Бреста поѣду въ Кіевъ на контракты, а оттуда, если будетъ возможность, полечу къ вамъ. Новаго тебѣ писать нечего; мы идемъ довольно весело, ибо осушиваемъ остатки шампанскаго, привезеннаго изъ Франціи; жаль, что тебя нѣтъ здѣсь и Ивановой, тогда, можетъ-быть,

¹⁾ Аполлонъ Александровичъ Майковъ (род. 1761 г., ум. 1838 г.), камергеръ, бывший въ то время директоромъ императорскихъ театровъ въ Москвѣ и сынъ его Николай Аполлоновичъ (род. 1796 г., ум. 1873 г.), впослѣдствіи извѣстный живописецъ, академикъ Императорской академіи художествъ.

²⁾ Въ маѣ 1815 года Жуковскій былъ представленъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая образовала около себя кружокъ ученыхъ и литераторовъ.

³⁾ Карамзины.

я не пожелалъ бы и въ Москву. Но, во чтобы то ни стало, я постараюсь, если не въ январѣ, то вѣрно въ февралѣ, увидѣть всѣхъ васъ. Если будешь писать, пиши въ Кіевъ и увѣдомь, гдѣ нанялъ домъ, дабы мой pied-à-terre былъ у тебя. Друзьямъ нашимъ всѣмъ кланяйся и скажи мое почтеніе княгинѣ. Прости, твой другъ Д. Давыдовъ.

VI.

О. Д. Ольшевскому ¹⁾.

(1816 г.)

Полагая, пріѣхавши обратно въ Новомосковскъ, найти тебя переѣхавшаго уже къ намъ, но не тутъ-то было. Ты, подобно Куку, имѣешь страсть водиться съ дикими, или, подобно Мунго-Парку, бесѣдствуешь съ готентотами. Потерявъ надежду видѣть тебя у себя, я рѣшился послать къ тебѣ въ Орѣховъ привезенный мною тебѣ подарокъ изъ Полтавы — онъ мнѣ самому присланъ изъ Франціи изъ якобинскаго клуба, въ которомъ я членъ. Я увѣренъ, что подарокъ сей тебѣ понравится.

Прости любезный другъ, я завтра, чуть свѣтъ, ѣду въ Кіевъ, откуда, сели отпустить, поѣду въ Москву, но къ 10-му января все буду въ Кіевѣ, а сюда съ весеннею розою, то-есть, въ мартѣ мѣсяцѣ привезу сюда жену или дѣвку ²⁾. Твой другъ Денисъ Давыдовъ.

¹⁾ О. Д. Ольшевскій, командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, былъ старинный пріятель Д. В. Давыдова.

²⁾ Д. В. Давыдовъ говоритъ объ Е. Д. Злотницкой. О ней см. т. I, стр. 76.

VIII.

И. И. Сосницкому ¹⁾.

16-го іюля 1823 г. Москва.

Любезный Иванъ Ивановичъ! За что такая немилость? Показались и исчезли! Заверните при свободномъ времени, дайте мнѣ случай лично возблагодарить васъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили вчерашній день ²⁾. Вашъ талантъ таковъ, какого я нигдѣ не видалъ, кромѣ Парижа, да и тамъ вы были бы изъ первыхъ актеровъ. Право, я стъ восторга внѣ себя. Покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

IX.

А. А. Бестужеву.

18-го февраля 1824 г. Москва.

Я получилъ письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, также и „Полярную Звѣзду“, въ коей съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы меня не забыли ³⁾. За все это приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, а что я не писалъ къ вамъ отъ самаго вашего отъѣзда, то этому при-

¹⁾ И. И. Сосницкій (род. 1794 г., ум. 1871 г.), извѣстный артистъ императорскихъ театровъ.

²⁾ Сосницкій игралъ въ этотъ вечеръ піесу А. А. Шаховскаго: «Ты и Вы, Вольтерово посланіе или 60 лѣтъ антракта».

³⁾ Въ альманахѣ А. А. Бестужева «Полярная Звѣзда» на 1823 годъ были, между прочимъ, помѣщены двѣ піесы Давыдова и тамъ же въ обзорѣ литературы (стр. 27) была сдѣлана такая характеристика произведеній нашего поэта: «Амазонская муза Давыдова говоритъ откровеннымъ нарѣчіемъ воиновъ, любить бесѣды вокругъ пламени бивуака и съ улыбкою рыщетъ по полю смерти. Слогъ партизана-поэта быстръ, картиненъ, внезапенъ. Пламень любви рыцарской и прямодушная веселость попеременно оживляютъ оный. Иногда онъ бываетъ нерадивъ въ отдѣлкѣ; но время ли наѣзднику заниматься уборомъ? Въ нѣжномъ родѣ — «Договоръ» съ невѣстою и нѣсколько элегій; въ гусарскомъ — залетныя посланія и зачатныя пѣсни его останутся навсегда образцемъ».

чина данное самому себѣ (слово) прервать со всѣми всякаго рода переписку. Хлѣбопашецъ и любимецъ словесности, жизнь моя заключается въ кабинетѣ или въ полѣ,

Гдѣ не стыжусь порою
Поднять смиренный плугъ солдатскою рукою,
Иль поселянъ въ кругу, въ день лѣтній, золотой,
Взмахнуть среди луговъ желѣзною косой.

Вотъ все мое занятіе, о чемъ же писать мнѣ?

Прошу же покорно не заключать, чтобы молчаніе мое происходило отъ того, чтобы я забылъ или разлюбилъ человека, котораго я отъ всей души люблю и уважаю. Примите въ томъ увѣреніе солдата-хлѣбопашца Дениса Давыдова.

Х.

А. И. Якубовичу ¹⁾.

14-го марта 1824 г. Москва.

Желавъ перехватить срочнаго фельдъегеря, летѣвшаго въ вашу сторону, я приготовилъ къ вамъ письмо, милый мой богатырь-философъ, но фельдъегерь, не коснувшись до меня, взмылъ и спустился въ Тифлисъ. Итакъ, письмо, пролежавъ у меня довольно долго, было предано каминному пламени. Теперь я рѣшаюсь писать по почтѣ.

Я получилъ письмо ваше, исполненное лестнѣйшими выраженіями на счетъ моихъ военныхъ способностей, почти вмѣстѣ съ приказомъ о моей отставкѣ ²⁾. Признаюсь, нико-

¹⁾ А. И. Якубовичъ — одинъ изъ декабристовъ. Въ молодости служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку; за участіе въ одномъ поединкѣ былъ сосланъ въ двадцатыхъ годахъ на Кавказъ, гдѣ прославился въ войнѣ съ горцами и былъ раненъ въ голову. Окончилъ жизнь въ 1845 году въ ссылкѣ въ Сибири.

²⁾ Д. В. Давыдовъ вышелъ въ отставку въ началѣ 1823 года, по случаю отказа императора Александра I назначить его начальникомъ Кавказской линіи, несмотря на двукратное о томъ представленіе Ермолова.

гда и никакое письмо столь кстати не приходило! Конечно, рѣшась оставить службу, я ждалъ приказа съ нетерпѣніемъ и теперь всякій день, всякій часъ благодарю Провидѣніе за избавленіе меня отъ наплечныхъ кандаловъ генеральства. При всемъ томъ, прослужа дурно ли, хорошо ли, но сплошь двадцать-два года, изъ коихъ восемь сряду въ непрерывныхъ войнахъ, тяжело было снести то равнодушіе, съ какимъ оттолкнули меня въ толпу хлѣбопашцевъ! Сильно зауныло сердце, но въ день скорби пришло и утѣшеніе. Право, я еще не въ отставкѣ, я еще на конѣ, а не за плугомъ, съ саблею, а не съ косою, пока люди, подобные вамъ, будутъ мыслить обо мнѣ, какъ вы мыслите. Неужто вѣчный приговоръ уже мой подписанъ! Неужто не явлюсь еще въ поляхъ, войной гремящихъ, не окрещусь съ вами въ одной огненной купели, не раздѣлю съ вами и пукъ соломы, и сухарь съ водою! Мнѣ сороковой годъ, еще десять лѣтъ могу ждать, а въ десять лѣтъ неужто ни съ кѣмъ не поссоримся?

Вы такъ лестно отзываетесь о слабомъ моемъ „Опытѣ“¹⁾, что не могу при семъ не послать къ вамъ одинъ экземпляръ онаго, исправленный отъ опечатокъ. Примите его какъ знакъ особеннаго уваженія къ вашей доблести, коею не только какъ преданный вамъ, но какъ русскій не могу не гордиться. Куда бы хорошо сдѣлали, если бы въ свободные часы взяли на себя трудъ описать ваши наѣзды и поиски! Любопытно видѣть разницу партизанской войны въ вашей сторонѣ съ партизанскою европейскою войною: *la dernière n'est qu'une plante exotique, sa véritable patrie est le Caucase*²⁾. Право, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, потрудитесь и подарите меня симъ начертаніемъ, я имъ воспользуюсь при третьемъ изданіи „Опыта“, который дополню и послѣднею войною Мины въ Испаніи и моею въ 1812 и 1813 годахъ. Уважающій васъ всею солдатскою душою Денисъ Давыдовъ.

¹⁾ «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій», вышедшій въ 1822 году вторымъ изданіемъ.

²⁾ Переводъ: «Послѣдняя—экзотическое растеніе, настоящая его родина есть Кавказъ».

Р. С. Сейчасъ получилъ о васъ извѣстіе отъ пріѣзжаго къ намъ П. Н. Ермолова ¹⁾—онъ сказывалъ мнѣ, что головная рана ваша разболѣлась отъ вашего къ ней небреженія,—не я посмѣю удерживать васъ бросаться туда, гдѣ ихъ получаютъ, но получа рану, долгъ солдата излѣчиться отъ ней совершенно, ибо онъ полезнѣе здоровымъ, нежели больнымъ. Признаюсь вамъ, что это извѣстіе меня и огорчило, и осердило, по истинѣ осердило!

XI.

А. И. Якубовичу.

(1825 г.)

Милостивый государь Александръ Ивановичъ! Братъ мой Левъ доставилъ мнѣ подарокъ вашъ; будучи давно мирнымъ хлѣбопашцемъ, я привыкъ къ забвенію, но теперь чье вниманіе проникло въ мое уединеніе? Героя, который уже третій годъ питаетъ мою душу своими богатырскими и великодушными дѣянiями, несущими на себѣ отпечатокъ чего-то гомерическаго, вѣющими запахомъ временъ поэтическихъ, нынѣ столь плоскихъ и прозаическихъ. Признайтесь, что вы даете мнѣ лучшее оправданіе на упреки въ самолюбіи.

Дайте мнѣ руку, почтенный Александръ Ивановичъ, и будемъ друзьями; я давно жаждалъ сего и имѣю на то право не по службѣ моей, которая ничѣмъ особеннымъ не ознаменована, но по душѣ, умѣющей цѣнить подвиги ваши, пышущіе поэзіей, и безропотную трату молодой жизни и просвѣщеннаго ума въ пустынныхъ жилищахъ дикихъ народовъ. Я въ молодыхъ лѣтахъ испыталъ участь нѣсколько сходную съ вашей.

¹⁾ П. Н. Ермоловъ (род. 1787 г., ум. 1844 г.), генералъ-маіоръ. Въ 1823 году былъ откомандированъ на югъ для проведенія новой пограничной черты Россіи съ Персіей.

но менѣе счастливую; я нашелъ въ ссылкѣ не битвы, а разводы и манежи. Видите, что и участи наши сходятся во многомъ между собой; да послужить сіе скрѣпомъ взаимныхъ чувствъ нашихъ и преградою пустымъ учтивостямъ при первой встрѣчѣ у огня бивуаковъ.

Но пора кончить. Я боюсь похитить минуту у вашихъ бранныхъ упражненій и отсрочить смерть какому-нибудь горному наѣзднику.

XII.

А. И. Якубовичу.

(1825 г.)

Я слышалъ, что любезнѣйшій мой другъ Александръ Ивановичъ хочетъ пріѣхать ко мнѣ съ Петромъ Николаевичемъ Ермоловымъ верхами на персидскихъ коняхъ, — пріѣзжайте, какъ хотите, хотя на животномъ, на коемъ и Іисусъ торжественно вступилъ въ Іерусалимъ. Только пріѣзжайте. Болѣзнь маленькаго моего сына удержитъ меня долго еще въ подмосковной. Денисъ Давыдовъ.

XIII.

А. И. Якубовичу.

24-го августа (1825 г.)

Наконецъ на два письма мои я имѣю два отвѣта отъ тебя, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ. Слава Богу, что операція кончилась счастливо; конечно, терзаніе было ужасное, но я боялся болѣе нежели терзанія. Ты меня неизъяснимо обрадовалъ, и я, право, внѣ себя отъ радости!

Сейчасъ я отъ Ларіона Васильевича Васильчикова ¹⁾, который по бивуачнымъ и боевымъ сношеніямъ любитъ меня какъ брата. Я его просилъ, чтобы онъ помогъ тебѣ, какъ бы онъ мнѣ помогъ, и взялъ съ него на сей счетъ слово, слѣдовательно непременно явись къ нему, этого требуетъ отъ тебя моя дружба. Онъ завтра ѣдетъ въ Петербургъ. Если будетъ сила и время, пиши, братъ и другъ любезный. Адресуй письма на Поварской переулокъ въ домъ Яновой, я еще эту квартиру не перемѣнилъ, а когда перемѣню, то увѣдомлю. Да увѣдомь, куда мнѣ адресовать письма къ тебѣ: гдѣ ты живешь? по сіе время не знаю. Итакъ, прости, дай Богъ, чтобы первое письмо твое было еще пріятнѣе послѣдняго.

Когда я Васильчикову говорилъ объ операціи твоей и потомъ, что ты хвалишь оператора, онъ немедленно назвалъ Арендта ²⁾. Сипягину ³⁾ буду говорить о Дибичѣ ⁴⁾, какъ скоро увижу, а пока о томъ пишу къ нему. Вѣрный другъ Денисъ Давыдовъ.

XIV.

Барону И. И. Дибичу.

(1823 г.) Тифлисъ.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Вашему высокопревосходительству извѣстно, что я не просился въ Грузію, а назначенъ милостивымъ выборомъ государя императора.

¹⁾ Князь Л. В. Васильчиковъ, генералъ отъ кавалеріи (род. 1777 г., ум. 1847 г.), съ 1801 года генералъ-адъютантъ при императорѣ Александрѣ I.

²⁾ Лейбъ-медикъ П. О. Арендтъ (род. 1786 г., ум. 1859 г.), извѣстный хирургъ.

³⁾ Николай Мартыановичъ Сипягинъ (род. 1785 г., ум. 1828 г.), генералъ-адъютантъ, тифлискій военный губернаторъ.

⁴⁾ И. И. Дибичъ-Забалканскій, откомандированный въ это время для военныхъ дѣйствій на Кавказъ.

Я прошлую осенью командовалъ не безъ успѣха значительнымъ отрядомъ и по окончаніи военныхъ дѣйствій занемогъ; преодолевъ недуги свои, я, усердствуя къ службѣ, возвратился въ Кавказскій корпусъ до перваго выстрѣла. Не взирая на то, я остаюсь безъ команды, а между тѣмъ блистательнѣйшія мѣста отданы прибывшимъ послѣ меня генераламъ, изъ коихъ одинъ командуетъ тамъ, гдѣ мнѣ прошлую осенью удалось одержать успѣхъ, другой же — моложе меня по службѣ. Солдаты, я не ропщу на назначенія начальства, онѣ для меня священны. Я не могу допустить мысли, чтобы сіе произошло отъ намѣренія начальства удержать меня при главной квартирѣ, какъ вставку выбывающимъ, или поручить мнѣ лишь ничтожные отряды, какими я командовалъ въ чинѣ подполковника и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Я полагаю, что это произошло единственно отъ того, что замѣщенные генералы пользуются довѣренностью начальства, котораго я лишенъ.

Видя себя излишнимъ въ корпусѣ, я предаю чувства мои возвышенной и благородной душѣ вашего высокопревосходительства и смѣю увѣрить васъ, милостивый государь, что въ настоящемъ затруднительномъ положеніи моемъ я приму дозволеніе возвратиться въ Россію не только за обиду, но за истинное благодѣяніе; я этого тѣмъ болѣе желаю, что, страдая пятнадцатый годъ жестокимъ ревматизмомъ въ лѣвой ногѣ, ежегодно усиливающимся, я могъ бы въ проѣздъ въ Пятигорскъ воспользоваться минеральными водами для пользованія себя. Получивъ облегченіе, я могъ бы быть полезенъ для службы государя на другой войнѣ, чѣмъ теперь, разстроенный тѣлеснымъ недугомъ и глубокимъ огорченіемъ, которое ваше высокопревосходительство, какъ истинный солдатъ, болѣе другаго оцѣнить умѣете.

XV.

В. Θ. Адлербергу.

(1826 г.) Георгіевскъ.

Пріязнь ваша, ваши добрые совѣты, стараніе обо мнѣ и одолженія ваши, которыя я никогда не забуду, даютъ мнѣ нѣкоторую смѣлость и даже право на терзаніе васъ еще немного, любезнѣйшій Владимиръ Ѳедоровичъ ¹⁾). Иванъ Ивановичъ, въ официальной бумагѣ своей, обѣщалъ мнѣ войти съ докладомъ къ государю императору о позволеніи мнѣ отбыть съ водъ въ Россію: тѣмъ болѣе мнѣ сіе необходимо, что мнѣ нельзя уже временить на счетъ моего состоянія, съ часу на часъ приходящаго въ упадокъ. Судя строго, мнѣ не надлежало бы вступать въ службу въ прошедшемъ году; но я не могъ побѣдить желанія моего служить государю Николаю Павловичу. Еще менѣе слѣдовало мнѣ ѣхать сюда, но, какъ я вамъ уже нѣсколько разъ говорилъ, выборъ его величества вскружилъ мнѣ голову.

Итакъ, любезнѣйшій Владимиръ Ѳедоровичъ, сдѣлайте одолженіе, не откажите мнѣ взять на себя трудъ не только напомнить одинъ разъ, но, если дѣло замедлится, то напоминать Ивану Ивановичу объ обѣщаніи его до тѣхъ поръ, пока онъ не пошлетъ сіе мнѣ необходимое разрѣшеніе. Я боюсь, что, погрузясь въ воды, меня тамъ забудутъ (ибо не одно дѣло Ивану Ивановичу обо мнѣ помнить) и чрезъ то сдѣлаютъ мнѣ чрезвычайную разстройку, которая можетъ принудить меня рѣшительно оставить службу. Тутъ конецъ просьбы. Теперь другое дѣло. Я увѣренъ, что имѣю въ васъ точнаго

¹⁾ Письмо это, обращенное къ В. Θ. Адлербергу, въ то время полковнику и флигель-адъютанту императора Николая I, написано было вскорѣ послѣ отставки А. П. Ермолова, вызванной дѣйствіями князя И. Θ. Паскевича. вмѣстѣ съ Ермоловымъ были удалены и всѣ его родственники и приближенные. Последнее обстоятельство и заставило Давыдова написать письмо къ Адлербергу съ просьбою похлопотать объ ускореніи отставки, которую онъ могъ получить чрезъ тогдашняго начальника главнаго штаба И. И. Дибича.

истолкователя причинъ, побудившихъ меня избѣгать затруднительнаго соотношенія съ начальствомъ по родству моему съ Алексѣемъ Петровичемъ; я вамъ сказывалъ о томъ неудовольствіи, которое уже я понесъ по сему прежде еще смѣны Алексѣя Петровича и во время отсутствія его въ горы. Вы также видѣли, что я готовъ былъ все забыть и все простить, если бы только дали мнѣ хотя какую либо команду. Право, я служилъ бы лихо, не смотря что начальникъ другой, ибо царь и честь моя все тѣ же; да и къ чему бы я въ другой разъ прискакалъ сюда, какъ не для того, чтобы драться, драться и драться. Мнѣ никакой команды не давали, и я молчалъ, полагая, что занимаясь приготовленіемъ къ походу, начальству было не до моей особы. Вдругъ даютъ самую блистательнѣйшую команду младшему мнѣ по службѣ ²⁾! Я изъясняю на то мое удивленіе, и мнѣ отвѣчаютъ, что команда потому дана ему, что уже онъ тамъ на мѣстѣ, какъ будто бы я не могъ быть на томъ же мѣстѣ въ три дня? Наконецъ отвѣтъ заключается тѣмъ, что нѣтъ команды, которая мнѣ могла бы быть теперь ввѣрена.

Что мнѣ оставалось дѣлать? Влачить двадцати-шести-лѣтнюю боевую мою службу за главною квартирою вмѣстѣ съ маркигантами и, удостоенный выборомъ на дѣятельную службу самимъ государемъ, столь мало чувствовать цѣну этой милости, что, облеченный ею, унижать себя прошеніемъ мѣста у какого-нибудь раздавателя мѣстъ, возникающаго всегда и вездѣ во всѣхъ главныхъ квартирахъ всего свѣта? Могъ ли я на это рѣшиться! Скажутъ, что это лишняя гордость, но безъ гордости какой бы я былъ солдатъ! Не отъ нея ли я, смѣю сказать, болѣе въ мой вѣкъ сдѣлалъ, нежели награжденъ. И ни мало не былъ я оскорбленъ тѣмъ и всегда готовъ служить безъ надежды на награды, только, чтобы давали мнѣ команды и непріятели. Свѣжій примѣръ сему порукою: за Миргское мое дѣло, которое, да простятъ мнѣ сію дерзость, важнѣе и какъ бой, и послѣдствіями своими послѣдней стычки

²⁾ То-есть, Панкратьеву. О немъ см. ниже въ письмѣ № XVIII.

авангарда нашего (ибо прежде Миргскаго дѣла персіане дѣлали набѣги къ Акзиблукъ и къ Башкечешу въ пятидесяти верстахъ отъ Тифлиса, а послѣ изгнанія ихъ мною за границу ни одинъ персидскій всадникъ не переступилъ за черту оной до сего времени) я только просилъ награды подчиненнымъ моимъ, а себѣ ничего, кромѣ одной милости — начать первымъ сію кампанію, что мнѣ и обѣщали, что могли бы и выполнить, препоруча мнѣ передовыя войска авангарда, командуемаго генераломъ старѣе меня въ чинѣ; но сего не сдѣлали по той причинѣ, что я, будучи болѣе извѣстенъ его въ арміи, въ Россіи и далѣе, всѣ успѣхи отнеслись бы ко мнѣ, а всѣ неудачи къ нему. Я это чувствую, ясно знаю, но я молчалъ, молчу и молчать буду, а говорю вамъ одному о томъ, ибо съ вами я могу и хочу быть откровененъ. Теперь скажутъ, ежели бы я рѣшился слѣдовать за главной квартирой и очищать тамъ мѣсто себѣ, успѣлъ ли бы я въ томъ? Нѣтъ! Не ясно ли было, что, препоруча отрядъ Карабагскій генералу младшему мнѣ по службѣ и въ то же время объявля мнѣ, что нѣтъ мнѣ теперь команды, не ясно ли было, что начальство рѣшительно хотѣло сей жестокою намекою отъ меня отдѣлаться и отворить дверь къ выходу, ибо, вѣроятно ли, чтобы я лишенъ былъ сего блистательнѣйшаго мѣста, потому что оно находило меня глупѣе, менѣе храбрымъ и менѣе опытнымъ избраннаго имъ на сіе мѣсто, и что всѣ здѣшнія превосходительства меня превосходнѣе? Итакъ, эта намека приготовляла меня къ другимъ сильнѣйшимъ: если бы я заупрямился не понять первую и остался здѣсь, что бы изъ того вышло? Я могу ошибаться, ибо всякій человекъ видитъ все съ собственной точки зрѣнія, но мнѣ кажется, что я бы чрезъ то осрамилъ себя въ собственной совѣсти, въ глазахъ другихъ и въ высочайшемъ мнѣніи, столь для меня драгоцѣннымъ, и все это безъ малѣйшей пользы для общаго дѣла.

Видя себя въ такомъ необыкновенномъ для меня положеніи, долго боролась страсть моя къ боевой службѣ и желаніе заслужить высочайшій выборъ, столь высоко поднявшій

мое самолюбіе съ обстоятельствами, меня тѣснившими; наконецъ, я рѣшился воспользоваться случаемъ, представляющимъ мнѣ для пользованія ноги моей, отъ боли которой я, безъ сомнѣнія, если не чрезъ годъ, то вѣрно черезъ два принужденъ былъ бы оставить службу: ибо уже одинъ разъ я отъ того выходилъ въ отставку, а прошлую осень едва могъ держаться на конѣ. Я счелъ, что бесполезный теперь, я могу быть полезнѣе послѣ и, излѣчась отъ болѣзни и исправя дѣла мои, могу быть снова годенъ государю императору на другую войну, въ другое время, при другихъ для меня обстоятельствахъ. Только чтобы его величество промолвилъ слово, и я готовъ буду куда и на что ему угодно, алча одного его вниманія и боясь одного его неблаговоленія.

Простите мнѣ, любезнѣйшій Владимиръ Ѳедоровичъ, мою докучливость, но вы вашимъ кратковременнымъ здѣсь пребываніемъ снискали общее уваженіе, а я, къ оному прибавляя пріязнь и благодарность, не могу васъ отпустить отсюда, не объясня всего того, что у меня на сердцѣ.

ХVI.

А. А. Закревскому.

31-го августа (1827 г.) С. Мышецкое.

31-го августа (1827 г.), С. Мышецкое а пиши въ Москву, въ Знаменскій переулокъ, въ собственный домъ.

Я тебѣ писалъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, немедленно по пріѣздѣ моемъ изъ Грузіи, но писалъ по почтѣ и потому не знаю, дошло ли письмо мое до тебя. Молчаніе твое необыкновенное заставляеть думать меня, что письмо мое не дошло до тебя и потому, пользуясь пролетомъ Мадатова, я посылаю тебѣ другую эпистолу.

Я теперь живу въ деревнѣ, чуждый и дѣлъ и слуховъ этого міра. Здоровье мое, потрясенное не на шутку мерзостью господина Паскевича, начинаетъ поправляться. Покой, уединеніе и семейственное счастіе совершенно оживляютъ и духъ, и тѣло мое.

Я былъ у брата Алексѣя ¹⁾; онъ не грустенъ, но сердитъ и какъ будто выбитый съ винта, на коемъ онъ вертѣлся тридцать-восемь лѣтъ славной службы! Кажется, однако, что начинаетъ кой-какъ привыкать къ безмятежной жизни, началъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ записокъ своихъ, ибо не изъ числа тѣхъ безграмотныхъ, которымъ и партикулярныя письма сочиняетъ Грибоѣдовъ ²⁾. Тамъ же строить онъ маленькую хижину для себя и своей библіотеки. Какъ мы часто о тебѣ говорили и, конечно, нигдѣ о тебѣ дружественнѣе не вспоминали, какъ въ Тифлисѣ и въ Лукьянчиковѣ ³⁾!

Я не говорю о Ермоловѣ—сильные враги его все сдѣлали; но скажи, какова моя участь со всею страстью моею къ боевой службѣ (съ тобою могу говорить такъ): съ умомъ, съ храбростью, съ опытностью, не съ тою, что только была, но съ тою, что была, дѣлала и замѣчала, съ ревностью, которая, ты свидѣтель, заставила меня бросить и беременную жену, родившую послѣ во время моего отсутствія, и дѣтей, и радости домашнія, и разстроенное имѣніе, чтобы летѣть въ Грузію, тогда представленную намъ какъ котелъ кипящій. Пріѣхавъ туда, я сдѣлалъ то, что препоручено мнѣ было сдѣлать, подобно господину Паскевичу, побилъ и выгналъ непріятеля изъ Грузіи, но болѣе его вошелъ въ границы Персіи. Онъ, правда, взялъ 1100 человѣкъ плѣнныхъ, но какъ и по чьей милости, спроси о томъ Мадатова, а въ дѣлѣ его и не видали. У васъ, можетъ-быть, онъ еще героемъ слыветъ, и Елизаветпольское дѣло неизвѣстно, а въ Грузіи оно чисто и ясно: Вельяминовъ ⁴⁾ и Мадатовъ ⁵⁾ все сдѣлали. Паскевичъ только имя свое приложилъ къ дѣлу.

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

²⁾ Намекъ на князя И. Ѳ. Паскевича, которому, по словамъ Д. В. Давыдова, А. С. Грибоѣдовъ сочинялъ приказы и даже частныя письма (Соч. Давыдова т. II, стр. 323.)

³⁾ Родовая деревня А. П. Ермолова въ Орловской губерніи.

⁴⁾ О немъ см. Соч. Давыдова т. I, стр. 163.

⁵⁾ Князь Валерьянъ Григорьевичъ Мадатовъ (род. 1782 г., ум. 1829 г.), генераль-лейтенантъ, извѣстенъ своими подвигами на Кавказѣ, к которымъ, благодаря недоброжелательству къ нему главнокомандующаго И. Ѳ. Паскевича, часто были представляемы въ ложномъ свѣтѣ.

Но я занесся о Елизаветпольскомъ дѣлѣ и забылъ о себѣ. И такъ, я сдѣлалъ то, что мнѣ велѣно было сдѣлать, а можетъ и болѣе, ибо входъ въ границы Персіи мнѣ именно воспрещенъ былъ, я ослушался; но, кажется, не для безславія нашему оружію. За все за это, мнѣ, послѣ графа Дибича обѣщаній, что я первый открою огонь противъ персіанъ, мнѣ не даютъ команды и самую блистательнѣйшую даютъ Панкратьеву, человѣку не знающему войны, давно уже просившемуся въ оберъ-полицеймestеры и тремя годами моложе меня въ чинѣ генералъ-маіорскомъ. Наконецъ, не смотря, что не я просился въ Грузію, а что я присланъ туда по выбору государя и гораздо прежде господина Паскевича, тѣснятъ меня и заставляютъ выбыть изъ корпуса. Ты знаешь всю мою службу отъ самой Финляндской кампаніи; ты помнишь, какъ я служилъ и какъ я люблю служить; признайся, что я несчастливъ! Я, который оставляю въ покоѣ и кресты, и ленты, и чины, словомъ ничего не желаю кромѣ команды и непріятеля, меня не только первыхъ, но и послѣднихъ лишаютъ...

ХVІІ.

Н. И. Похвисневу.

(1827 г.)

Ты вѣчно въ развѣздахъ и я также, любезный братъ. Я недавно возвратился изъ Симбирска и еще не могу отдохнуть отъ проклятыхъ дорогъ, изрытыхъ губернаторами. Правда ли, что ты отъ насъ отбываешь? Сохрани Богъ, если далеко отъ Москвы; а если въ Москвѣ, то дай Богъ только, чтобы мѣсто было выгоднѣе. Увѣдомъ, братъ любезный. Да ты, который такъ часто рыскаешь по большимъ дорогамъ, не можешь ли выполнить уже тригоднее обѣщаніе? Пріѣзжай въ мое Мышецкое. Теперь осень; мы съ тобой погуляемъ за

зайцами и даже за медвѣдями, коихъ около меня болѣе, нежели зайцевъ. Пожалуйста, братъ любезный,хвати когда-нибудь: вѣдь только три часа ѣзды. Очень одолжишь брата и друга Дениса.

XVIII.

Князю П. Д. Горчакову ¹⁾.

(1829—1830 г.)

Я получилъ письмо отъ Баратынскаго, который просить меня, чтобы я ему подробно описалъ С. А. ²⁾, но я ему отвѣчалъ, что не могу. Чудеса природы и художествъ анализировать нельзя; хотя части цѣлаго восхитительны, но главная прелесть изящнаго состоитъ въ общей гармоніи совершенствъ, а не въ ихъ частности. Описать подробно Душеньку—все равно, что анализировать Аполлона Бельведерскаго, Венеру Медиційскую, ораторію Гайдена, Мадонну Рафаэля... Пусть пріѣдетъ въ Симбирскъ, и если не имѣетъ сердца, то дивится, а если оно еще трепещетъ въ груди его, то полюбитъ на вѣкъ.

Я съ сердечной тоской готовъ на вѣкъ законопатить свою саблю въ ножны. Хотя я служилъ честно и, можно сказать, довольно долго и нѣсколько блистательно, но служба моя никакъ не можетъ колоть глазъ тѣмъ, кои состояли при дворѣ, въ гвардіи, въ главныхъ квартирахъ. Относительно моего усердія сорока-пяти-лѣтняя жизнь моя можетъ достаточно свидѣтельствовать о исполненіи моихъ обязанностей; что же касается моихъ способностей, то я нисколько не ослѣпленъ на

¹⁾ Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ (род. 1768 г., ум. 1868 г.) въ 20-хъ годахъ состоялъ помощникомъ начальника штаба Кавказскаго корпуса, а потомъ управляющимъ Имеретіей.

²⁾ По всей вѣроятности, С. А. Кушкина, которой Давыдовъ посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній.

свой счетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я буду дрянью, а въ другихъ — не уступлю нѣкоторымъ.

Что касается тѣхъ, кои меня винятъ за то, что я оставилъ Грузію въ началѣ кампаніи, то это — несправедливое нареканіе. Всѣ, понимающіе военное дѣло, должны раздѣлить войну съ персіанами на двѣ кампаніи: оборонительную и наступательную, ибо послѣдняя была лишь результатомъ первой. Нельзя было идти на Тавризъ, не выгнавъ предварительно персіанъ изъ Грузіи. Первая кампанія заключала въ себѣ: сраженіе подъ Шамхоромъ — Мадатова, сраженіе подъ Елисаветполемъ — Паскевича, а дѣло мое подъ Мирагомъ. Вторая кампанія состоитъ изъ завоеванія Эриванской и Азербиджанской областей. Я уѣхалъ послѣ первой кампаніи, потому что, бывъ присланъ на дѣйствительную службу самимъ государемъ, я получилъ приказаніе сопровождать безъ службы главную квартиру вмѣстѣ съ маркитантами. Родство мое съ Алексѣемъ Петровичемъ, сошедшимъ съ служебнаго поприща послѣ тридцати-восьми-лѣтней, славной, вполне безкорыстной и полезной дѣятельности, поставило меня въ затруднительное соотношеніе съ лицами, хотя не лишенными нѣкоторыхъ блистательныхъ военныхъ качествъ, но презрѣнными по душевнымъ свойствамъ, ничтожными по своему невѣжеству и невыносимыми по бессмысленному высокомерию. Я, впрочемъ, перенесъ бы стоически непріятности, если бы получилъ какую либо команду. Въ то время, какъ мнѣ было суждено влачить двадцати-шести-лѣтнюю службу за главной квартирой, генералъ, тремя годами младшій меня въ чинѣ и давно уже просившійся ¹⁾ въ оберъ-полицеймейстеры, получилъ блистатель-

¹⁾ Генералъ Николай Петровичъ Панкратьевъ, нѣкогда флигель-адъютантъ императора Александра; этотъ генералъ, не глупый отъ природы, но развратный, имѣвшій нѣкоторыя свѣдѣнія, но никогда не бывшій военнымъ человѣкомъ, предавался въ началѣ своего поприща страсти къ вину, отъ которой, впрочемъ, совершенно отсталъ впослѣдствіи. Отецъ его, умершій въ званіи Кіевскаго губернатора, былъ человѣкъ очень умный, весьма безкорыстный, но тоже склонный къ вину. Такъ какъ у него ничего не осталось послѣ смерти, то кіевляне похоронили его на свой счетъ.

ную команду, состоящую изъ 6000 человекъ. Я, быть можетъ, побѣдилъ бы въ себѣ чувство оскорбленнаго самолюбія, еслибъ самъ просился въ Кавказскій корпусъ, но я почитаю, что тотъ, кто понимаетъ всю цѣну выбора своего государя, унижаетъ его самымъ преступнымъ образомъ сотовариществомъ съ тунеядцами; это дѣло было уже не мое, но моего государя, и потому я рѣшился выбыть изъ корпуса.

Если меня обвиняютъ въ преданности Алексѣю Петровичу, который, въ теченіе всей своей службы, успѣлъ внушить къ себѣ во всѣхъ своихъ подчиненныхъ неимовѣрную любовь и уваженіе, то многіе и въ особенности тѣ, которые поклоняются лишь восходящему свѣтилу, не поймутъ того; въ самомъ дѣлѣ, какъ имъ понимать постоянство въ дружбѣ, самоотверженіе и всякій возвышенный порывъ благородной души? Ихъ правила заключаются лишь въ томъ, чтобы привѣтствовать того, кому улыбается фортуна, и разрывать связь съ тѣмъ, къ кому она обращается тыломъ и которые потому для нихъ бесполезны.

XIX.

А. Ѳ. Воейкову ¹⁾.

4-го октября 1829 г. С. Маза.

Любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ! Въ Дневникѣ отечественныхъ воспоминаній „Русскаго Инвалида“ № 228 сказано, что партизанское дѣйствіе русскихъ войскъ въ 1812 году „началось 9-го сентября“. Это невѣрно; вотъ истина:

Я имѣлъ честь предложить партизанскую войну покойному свѣтлѣйшему князю Кутузову еще 22-го августа при Колоцкомъ монастырѣ. Нѣсколько дней послѣ предложенія моего, я былъ отправленъ имъ изъ Бородина въ тылъ французской арміи со ста-тридцатью казаками и гусарами и произ-

¹⁾ А. Ѳ. Воейковъ (род. 1779 г., ум. 1839 г.), авторъ известной сатиры «Домъ сумасшедшихъ», съ 1822 г. по 1839 г. издавалъ «Русскій Инвалидъ».

велъ первый набѣгъ мой въ селѣ Токаревѣ 1-го, а второй набѣгъ въ селѣ Царевѣ-Займищѣ 2-го сентября, въ день вступленія непріятельской арміи въ Москву.

Въ то время истинное партизанское дѣйствіе, то-есть, дѣйствіе легкихъ отрядовъ на пути сообщенія и на тылъ непріятели такъ мало было извѣстно, успѣхъ онаго такъ казался сомнителенъ, и войска, долженствовавшія дѣйствовать въ тылу и посреди непріятели въ такую, казалось, вдавались опасность, что князь Кутузовъ, соглашаясь на предложеніе мое, чрезъ князя П. И. Багратіона представленное, сказалъ ему: „На таковую, почти вѣрную гибель я не дамъ много людей. Назначь ему на пробу пятьдесятъ гусаръ и около сотни казаковъ, — но пусть онъ, Давыдовъ, самъ за это возьмется“. Я этого-то и желалъ, хотя между тѣмъ и увѣренъ былъ въ недостаткѣ ввѣряемой мнѣ силы, какъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ, такъ и для избѣжанія собственной гибели, отъ коей одно Провидѣніе спасло меня.

Удостоверясь въ пользѣ партизанскаго дѣйствія послѣ нѣскольکو удачныхъ поисковъ моихъ и склонясь на просьбу мою объ умноженіи числа партій на непріятельскихъ сообщеніяхъ, свѣтлѣйшій 9-го сентября отрядилъ генерала Дорохова изъ Красной-Пахры на село Шарапово къ Перхушкову. Какъ помнится, около 20-го сентября отправилъ онъ на разныя точки затыльныхъ путей непріятели партизановъ Сеславина, Фигнера и князя Кудашева ¹⁾, объ успѣхахъ и отличномъ служеніи коихъ извѣстно Россіи и Европѣ; и спустя пять, или шесть дней послѣ того, усилилъ партію мою прибывшимъ съ Дона полкомъ Попова 13-го.

Итакъ, любезнѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, не 9-го, а 1-го сентября 1812 года началась партизанская война, въ подкрѣпленіе чему служить донесеніе князя Кутузова государю императору отъ 11-го сентября изъ села Красной-Пахры, въ коемъ сказано: „Для дѣйствія на тылъ непріа-

¹⁾ Князь Николай Даниловичъ Кудашевъ, извѣстный партизанъ въ Отечественную войну, зять свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова, умеръ генераломъ-маіоромъ въ 1813 году.

тельскій я, подъ командою генералъ-маіора Дорохова, послалъ (9-го сентября) сильный отрядъ, отъ котораго имѣю сегодня рапортъ, что онъ успѣлъ уже взять шесть офицеровъ и двѣсти рядовыхъ. Между тѣмъ, Ахтырскаго гусарскаго полка подполковникъ Давыдовъ съ 150 человекъ легкой кавалеріи уже давно живетъ посреди непріятеля между Гжатска и Можайска и удачно дѣйствуетъ для прегражденія непріятельскихъ коммуникацій“.

Не примите съ дурной стороны возраженіе мое. Ошибка, вкравшаяся въ „Русскій Инвалидъ“, весьма естественна: хотя много уже издано описаній войны 1812 года, но не все еще о ней высказано. Въ изданныхъ уже описаніяхъ особенно скудна, весьма неудовлетворительна относительно пользы, ею принесенной, и весьма ошибочна относительно мѣстъ и времени партизанская часть—часть, едва ли не игравшая первую роль во второй эпохѣ сей войны, то-есть, отъ вступленія непріятеля въ Москву до обратнаго перехода чрезъ Нѣманъ. Нельзя быть иначе. Дневникъ поисковъ моихъ у меня еще подъ спудомъ; быть можетъ, что въ такомъ положеніи и дневникъ поисковъ почтеннаго моего друга Александра Никитича Сославина, а Фигнеръ и князь Кудашевъ, падшіе на полъ чести, ничего о партизанской службѣ своей не оставили, или то, что и оставили о ней, то, конечно, погибло вмѣстѣ съ ними въ сумятицѣ тревогъ военныхъ. Какъ же было вамъ не ошибиться. Но какъ же и мнѣ умолчать, увидя несправедливое показаніе начатія партизанской войны 1812 года—войны, которой, смѣю сказать, я былъ создателемъ и потому столь для меня неравнодушной. Сверхъ того, опредѣленіемъ начатія оной 9-го сентября уничтожается, хотя малый, но самый отважнѣйшій участокъ боевой моей жизни: ибо отъ 1-го до 10-го сентября я съ ста-тридцатью всадниками находился посреди въ нѣсколько тысячъ разъ сильнѣйшаго меня непріятеля и, не взирая на то, ежедневно нападалъ на него, истреблялъ его конвои и отряды и перенесъ труды и опасности ни прежде, ни послѣ мною не встрѣчаемыя. Старый пріятель вашъ, и проч.

XX.

М. Н. Загоскину.

6-го марта (1830 г.) С. Маза.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ! Я вамъ обѣщаль доставить свѣдѣніе о Фигнерѣ; спѣшу исполнить мое слово.

Наружность Фигнера ничего не представляла замѣчательнаго. Онъ былъ средняго роста, пріятной фізіономіи, бѣлокуръ, круглолицъ, съ сѣрыми глазами, съ маленькимъ круглымъ носомъ; ни худъ, ни толстъ, но оказываль склонность къ послѣдному. Когда входилъ въ чувства (а чувства его состояли единственно въ честолюбіи и самолюбіи), тогда въ немъ открывалось что-то сатаническое, такъ какъ и въ средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія опредѣленной имъ цѣли, ибо сіе сатаническое столько же оказывалось въ его подлой униженности предъ людьми ему нужными, сколько въ надменности его противъ тѣхъ, отъ коихъ онъ ничего не ожидалъ, и въ варварствахъ его, когда, ставя рядомъ до ста человѣкъ плѣнныхъ, онъ, своей рукой, убиваль ихъ изъ пистолета, одного послѣ другого. Сему я не былъ свидѣтелемъ, но знаю отъ людей, ему донинѣ приверженныхъ и рассказывающихъ о семъ, какъ о дѣлѣ знаменитомъ, принадлежащемъ глубокой политикѣ, потому что имѣло основаніемъ привязать къ себѣ чернь, всегда алчущую подобнаго рода зрѣлища. Они также рассказывали мнѣ о неоднократномъ истребленіи его партіею, вслѣдствіе повелѣнія его, по триста и по четыреста человѣкъ плѣнныхъ. Бывъ самъ партизаномъ, я знаю, что можно находиться въ обстоятельствахъ не позволяющихъ заирать въ плѣнъ; но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно, и послѣ уже того опаснаго обстоятельства, которое миновалось — что дѣлалъ Фигнеръ. Лицемерство его доходило до того, что, будучи безбожникомъ во всемъ смыслѣ слова, онъ, по занятіи

Москвы, другой книги не имѣлъ и не читалъ кромѣ библіи. Что же касается до коварства его, то вотъ два случая: былъ взятъ въ плѣнъ одинъ французскій офицеръ; Фигнеръ съ нимъ обошелся ласково, потомъ вошелъ съ нимъ въ дружескую связь и когда чрезъ нѣсколько дней все изъ него вывѣдалъ, тогда подошлъ къ нему сзади, когда сей несчастный обѣдалъ съ офицерами отряда, и убилъ его своею рукою изъ духового ружья своего. Съ другимъ плѣннымъ офицеромъ онъ также вошелъ въ дружескую связь и, вывѣдавъ у него все, что нужно ему было, призвалъ, въ отрядъ его находившагося, Ахтырскаго гусарскаго полка поручика Шувалова и спросилъ его: „Знаете ли, что ваша обязанность исполнять волю начальника?“ Знаю, отвѣчалъ тотъ. „Такъ подите сейчасъ и задавите веревкою соннаго французскаго офицера или застрѣлите его“. Шуваловъ отвѣчалъ какъ благородный офицеръ, и Фигнеръ нарядилъ на этотъ подвигъ Ахтырскаго гусарскаго полка унтеръ-офицера Шіанова, извѣстнаго храбреца, но человѣка тупого ума, непросвѣщеннаго и увѣреннаго, что истребленіе французовъ, какимъ бы то способомъ ни было, доставляетъ убійцѣ царство небесное. Онъ исполнилъ приказаніе.

Ко всѣмъ симъ отвратительнымъ порокамъ Фигнеръ соединялъ быстрый, тонкій, проницательный и лукавый умъ. Былъ мало свѣдуецъ въ наукахъ, даже относительныхъ къ воинному дѣлу, хотя служилъ въ артиллеріи. Но за то обладалъ духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ и, что всего важнѣе для военнаго человѣка, отважностью и предприимчивостью безпредѣльными, средствами всегда готовыми, глазомъ точнымъ, сметливостью сверхъестественною; личная храбрость его была замѣчательна, но не равнялась съ сими качествами, могу сказать, съ сими добродѣтелями военными; въ нихъ онъ былъ единственъ! За то безнравственность, безсовѣстность, плутни самыя низкія, варварство самое ужасное—превышали всѣ сіи качества военнаго человѣка.

Въ зимнюю кампанію 1812 года я встрѣтился съ нимъ и съ Сеславинымъ (котораго я несравненно выше ставлю Фи-

гнера и какъ война, и какъ человѣка, ибо въ военнымъ качествамъ Фигнера онъ соединялъ строжайшую нравственность и изящное благородство чувствъ и мыслей. Въ личной же храбрости не подлежитъ уже никакому сомнѣнію: онъ—Ахиллъ, тотъ—Улиссъ). Это было наканунѣ Ляховскаго дѣла, въ коемъ мы соединенно взяли въ плѣнъ 2000 пѣхоты, 60 офицеровъ и генерала Ожеро. Фигнеръ тогда носилъ артиллерійскій шпенцеръ на мѣху, картузь мѣховой, и ничѣмъ наружно не отличался. Но въ 1813 году, во время дѣйствій въ Саксоніи и перемирія, онъ носилъ нанковый—дикаго цвѣта или сѣраго цвѣта чекмень, картузь кожаный, и всегда почти имѣлъ въ рукахъ духовое ружье, о которомъ я говорилъ выше. Въ обѣихъ эпохахъ всегда онъ ѣздилъ на лошади омундштученной и осѣдланной французскою сбруею, чрезъ что легко ему было только что накинуть на себя французскій плащъ и надѣть французскую шляпу, чтобы проѣзжать между французскими войсками и все видѣть своими глазами. Ему для сего способствовало твердое знаніе и хорошій выговоръ италіанскаго языка, которому онъ выучился въ Неаполѣ, бывъ еще юношею, съ нашими войсками, возвращавшимися изъ Корфу чрезъ Неаполь. На французскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ онъ говорилъ, но не весьма чисто; русскій же зналъ совершенно и говорилъ на немъ весьма краснорѣчиво, съ нѣкоторою, однако, напряженною витіеватостію.

Во время перемирія иногда являлся онъ, особенно въ главной квартирѣ, въ гвардейскомъ артиллерійскомъ мундирѣ, а иногда въ мундирѣ сформированныхъ имъ двухъ баталіоновъ изъ плѣнныхъ испанцевъ и италіанцевъ, кои онъ наименовалъ „мстительными легіонами“, и почему на эполетахъ ихъ были литеры М. Л. Онъ мнѣ говаривалъ, во время перемирія, что намѣреніе его, когда можно будетъ отъ успѣховъ союзныхъ армій пробраться чрезъ Швейцарію въ Италію—явиться туда со своимъ италіанскимъ легіономъ, взбунтовать Италію и объявить себя вице-королемъ Италіи на мѣсто Евгенія; я увѣренъ, что точно эта мысль бродила въ его головѣ, такъ, какъ подобная—бродила въ головахъ Фердинанда

Кортеса, Пизарра и Ермака; но однимъ удалось, а другимъ воспрепятствовала смерть и, можетъ-быть, воспрепятствовали бы и другія обстоятельства, — вотъ разница. Все таки я той мысли, что Фигнеръ вылитъ былъ въ одной формѣ съ сими знаменитыми искателями приключеній: та же безчувственность къ горю ближняго, та же безсовѣтность, лицемеріе, коварство, отважность, предприимчивость, увѣренность въ звѣздѣ своего счастья!

Вотъ все, что я вамъ могу сказать о Фигнерѣ, любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ. Желаю, чтобъ это вамъ послужило для вашего новаго романа; я не менѣе желаю, чтобъ онъ принесъ намъ столько же удовольствія, какъ „Юрій Милославскій“, который я во второй разъ уже читаю.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и въ таеовой же преданности, милостивый государь, вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

XXI.

М. Н. Загоскину.

10-го іюня (1830 г.) С. Маза.

Нѣкоторыя поѣздки и хозяйственныя хлопоты не позволили мнѣ немедленно отвѣчать на пріятнѣйшее письмо ваше. Спѣшу воспользоваться первою свободною минутою.

Право, я не стою той благодарности, которою вамъ угодно было почтить меня. Давъ слово, могъ ли я не сдержать его? къ тому же знавъ, для чего вы хотѣли имѣть описаніе Фигнера, я старался васъ удовлетворить, можетъ-быть, болѣе по эгоизму, нежели по правиламъ моимъ исполнять то, что я единожды обѣщаю: удовольствіе, которымъ я наслаждался при чтеніи „Юрія Милославскаго“, даетъ мнѣ надежду на подобное же удовольствіе при чтеніи и того романа, который на станкѣ у васъ и для котораго я спѣшилъ прислать вамъ легкій

очеркъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ ¹⁾). Вотъ вся причина моего скорого исполненія вашего препорученія; послѣ сего судите, столько ли я достоинъ вашей благодарности, какъ вы полагаете.

На счетъ мнѣнія вашего, что я, не зная васъ коротко, имѣлъ причину полагать васъ не въ числѣ литературныхъ доброжелателей моихъ, скажу вамъ искренно, что вы совершенно въ этомъ ошиблись. Клянусь вамъ честью, что я этого никогда не думалъ ни о васъ, ни о комъ либо; ибо я такъ мало цѣню мои произведенія, такъ твердо знаю, что

Я не поэтъ—я партизанъ, гусаръ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ—

что не могъ и не могу подуматъ, чтобы люди, занимающіеся словесностью, имѣли время на хвалу или порицаніе произведеній человѣка совершенно чуждаго не только словесности, но почти и грамматики—въ чемъ, я полагаю, вы удостовѣритесь и по письму сему.

Что же касается до меня, то могу васъ увѣрить въ особенномъ уваженіи моемъ къ вашему таланту—особенно послѣ „Юрія Милославскаго“, который, неизъяснимо, въ такой степени меня восхищалъ и восхищаетъ. Если нужда вамъ и впередъ будетъ узнать что либо о происшествіяхъ или о какомъ либо изъ значущихъ лицъ войнъ Наполеоновыхъ, то покорнѣйше прошу безъ всякихъ церемоній прямо адресоваться ко мнѣ, я за особое удовольствіе почту вамъ доставить всякаго рода о нихъ свѣдѣнія. Служа долго, я много видѣлъ и много замѣчалъ, слѣдственно, я живой лексиконъ какъ людей, такъ и происшествій отъ Аустерлица до послѣдней Персидской войны. Д. Давыдовъ.

¹⁾ Новый романъ М. Н. Загоскина, для котораго Давыдовъ доставилъ матеріалъ, былъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году», вышедшій въ 1831 году.

XXII.

Доктору Маркусу.

21-го октября 1830 г. Черная Грязь.

Я самъ вызвался на труды и дѣло и уже съ 14-го сего мѣсяца вступилъ въ должность надзирателя 20-го участка ¹⁾. Я тружусь и стараюсь, если не болѣе, то, конечно, не менѣе другихъ надзирателей, ибо мой участокъ, будучи разсѣкаемъ Петербургскою дорогою, болѣе другихъ подверженъ опасности. Обо всѣхъ надзирателяхъ участковъ упомянуто въ афишкахъ вами, милостивый государь, подписуемыхъ, а обо мнѣ ни слова не сказано. Я другой награды не ищу и не хочу, кромѣ одобренія собственной совѣсти, но желаю, чтобы отечественники мои знали, что такъ, какъ въ 1812, такъ въ 1830 году и во всякомъ общемъ бѣдствіи я тутъ и не изъ послѣднихъ являюсь на службу царю и отечеству. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

XXIII.

Графу А. И. Чернышеву ²⁾.

1-го января 1831 г.

Не взирая на чрезмѣрное разстояніе между вашимъ сіятельствомъ и мною, разстояніе столь блистательными заслугами государю и отечеству вами, милостивый государь, пріобрѣтенное, вы не преставали никогда оказывать мнѣ особой благоклонности. Теперь вамъ, какъ начальнику моему, предстоитъ

¹⁾ Письмо написано во время холеры въ Москвѣ.

²⁾ Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (род. 1786 г., ум. 1857 г.), впоследствии свѣтлѣйшій князь, состоялъ въ 1831 г. начальникомъ главнаго штаба его величества. Результатомъ письма было призваніе Давыдова въ армію, гдѣ онъ получилъ въ командованіе летучій отрядъ.

случай прибавить къ оной благосклонности и благодареніе. Въ Польшѣ возникли безпокойства; полагать должно, что загремитъ скоро тамъ оружіе; если этому быть должно, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство повергнуть въ стопы государя императора желаніе мое служить въ дѣйствующей арміи. Воля его священная употребить меня какъ, куда и чѣмъ его величеству угодно будетъ, — только за долгъ поставляю не скрыть отъ вашего сіятельства, что, хорошо зная себя, я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ, безъ собственныхъ вдохновеній и съ окованнымъ духомъ предпріятій.

Впрочемъ, смѣю повторить, ваше сіятельство, да будетъ священная воля монарха, а я съ своей стороны ручаюсь честью русскаго солдата, что во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не осрамлю высокую довѣренность его и благодарительное ходатайство вашего сіятельства.

XXIV.

Графу К. Ѳ. Толю ¹⁾.

18-го мая 1831 г. Варшава.

Ваше сіятельство, моя единственная подпора и надежда! Какъ въ великомъ 1812 году, такъ и въ текущемъ, вы постоянно мнѣ благодарствовали и благодарствуете, и потому я смѣю утруждать ваше сіятельство моимъ собственнымъ дѣломъ, сопряженнымъ однако и съ пользою общою.

Въ половинѣ марта я, по особенной благосклонности вашего сіятельства, получилъ блистательнѣйшій отрядъ. Я дѣй-

¹⁾ Графъ К. Ѳ. Толь (род. 1777 г., ум. 1842 г.), состоялъ въ 1831 г. начальникомъ главнаго штаба арміи. Результатомъ письма былъ переводъ Д. В. Давыдова въ корпусъ генерала Ѳедора Васильевича Ридигера (род. 1783 г., ум. 1856 г.) Объ отношеніяхъ послѣдняго къ Давыдову см. т. II, стр. 319—324.

ствовалъ онымъ, какъ умѣлъ, и слышалъ, что заслужилъ одобреніе ваше, что для меня выше всѣхъ наградъ въ свѣтѣ!

Вскорѣ начали отсѣкать части моего отряда: вначалѣ взяли полкъ драгунъ, полкъ сильный, ибо состоялъ изъ восьмисотъ человѣкъ, прежде загоненныхъ и изнуренныхъ, а у меня послѣ нѣкоторыхъ поисковъ и приступа города Владимира, опять почувствовавшихъ теченіе въ себѣ русской крови и на все готовыхъ. Потомъ взяли у меня казачій полкъ Платова; я все молчалъ, исполняя долгъ мой съ остаткомъ моего отряда. Наконецъ отняли у меня казачій полкъ Катасанова, такъ что оставя меня съ однимъ казачьимъ Кирѣева полкомъ, коего сила числомъ людей не простирается далѣе трехсотъ человѣкъ, уничтожили совершенно отрядъ, столь милостиво вашимъ сіятельствомъ мнѣ довѣренный; ибо полкъ Кирѣева, имѣя своего полковника, не есть уже отрядъ, который составляется изъ нѣскольکو полковъ.

Между тѣмъ я слышу, что генераль-майоръ Шереметевъ сдѣлалъ партизанскій набѣгъ почти подъ глазами вашего сіятельства. Быть можетъ, что другой какой либс генераль готовится то же исполнить или исполнилъ уже, а я долженъ о томъ слышать и, кипя рвеніемъ, готовый на таковыя же предпріятія, такъ давно вамъ извѣстный за знающаго свое дѣло, не имѣть способовъ дѣйствовать, ибо не имѣю войскъ, лишившись ихъ постепеннымъ разборомъ моего отряда.

Такъ какъ я, сіятельнѣйшій графъ, состоя по кавалеріи, не принадлежу никакому корпусу и никакой дивизіи, и такъ какъ, по разсѣяніи отряда вашимъ сіятельствомъ мнѣ ввѣреннаго, я совершенно здѣсь безъ дѣла, то не удостоите ли вы меня позволеніемъ прибыть къ вашей особѣ для полученія отряда такого, каковой ваша извѣстная ко мнѣ благосклонность опредѣлитъ составить. Я на все готовъ, на все радъ, только предоставьте мнѣ счастіе драться подъ вашего сіятельства распоряженіемъ и относиться единственно къ вамъ, какъ то было въ 1812 году, а не наблюдать непріятеля вдалекѣ отъ васъ и безъ сношенія прямаго съ вашимъ сіятельствомъ.

Вѣрьте, сіятельнѣйшій графъ, чести моей, что ежели я и теперь всѣми силами стараюсь служить, какъ вѣрный сынъ отечества, то подъ непосредственнымъ вліяніемъ и начальствомъ вашего сіятельства все то сдѣлаю, что умственные и душевныя способности внушить мнѣ возмогутъ.

XXV.

В. А. Жуковскому.

25-го ноября 1831 г. Москва.

Ты хотѣлъ имѣть лѣвый усъ мой, какъ ближайшій къ сердцу; вотъ десятая часть онаго, то-есть, все то, что я могъ собрать изъ-подъ губительныхъ ножницъ, лишившихъ меня этой боевой вывѣски.

Посылаю тебѣ её, она осребрилась восемью войнами и еще пахнетъ порохомъ послѣдней битвы въ Польшѣ; но посылаю не при стихахъ, какъ ты требовалъ, а при прозѣ, потому что я пишу стихами тогда только, когда бѣсъ поэзіи во мнѣ разыграется, чего теперь не случилось. Такъ какъ этотъ бѣсъ никогда въ тебѣ не дремлетъ, то прошу меня за подарокъ одарить хотя четверостишіемъ. Прости другъ старинный и почтеннѣйшій; жаль, что не успѣлъ обнять тебя передъ отъѣздомъ твоимъ! Денисъ.

При семь приложены завернутые въ бумажку волосы, съ надписью на бумажкѣ:

Послужной списокъ уса Давыдова.

Войны: 1) Въ Пруссіи 1806 и 1807 г. 2) Въ Финляндіи 1808 г. 3) Въ Турціи 1809 и 1810 г. 4) Отечественная 1812 г. 5) Въ Германіи 1813 г. 6) Во Франціи 1814 г. 7) Въ Персіи 1826 г. 8) Въ Польшѣ 1831 г.

XXVI.

И. В. Салаеву.

(1833 г.)

Еслибъ вы знали, что такое день прихода почты или привоза газетъ и журналовъ въ деревню степную и удаленную отъ всего мыслящаго, то вы поняли бы мое положеніе; вотъ отчего я употребляю слово „Бога ради“, ибо истинно нестерпимо сидѣть въ пропасти, какъ заваленный въ Геркуланумъ, слышать надъ собой движеніе и жизнь и не брать въ нихъ участія. Это мой удѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ не имѣю газетъ и журналовъ. Мнѣ хочется послать чрезъ васъ статью къ Смирдину, съ тѣмъ только, чтобъ г..... вычистили бы изъ нея всю дрянъ галлицизмовъ, но не касались бы живого, какъ они сдѣлали въ прочихъ статьяхъ.

Признаюсь вамъ, что исторія исполинскаго царя нашего (Бергмана) ¹⁾ мнѣ мало понравилась. Холодна, тяжела! Видно, что писана нѣмцемъ! Нѣтъ въ ней жизни, нѣтъ въ ней русской души. Это Петръ, но Петръ восковой, какого я видѣлъ въ Кунсткамерѣ.

XXVII.

Н. М. Языкову.

23-го апрѣля 1833 г. С. Маза.

Не знаю, какъ и благодарить душевнаго моего поэта за присылку стихотвореній его и вмѣстѣ съ ними лихого его посланія ²⁾! Я говорю „душевнаго“ и „моего“ не безъ основанія. Никто болѣе васъ, любезнѣйшій по уму и почтеннѣйшій по

¹⁾ П. Бергманъ. Исторія Петра Великаго. Переводъ съ нѣм. языка Е. Аладьина. С.-Пб. 1833.

²⁾ Въ 1833 году вышло 1-ое изданіе стихотвореній Н. М. Языкова, за присылку которыхъ Давыдовъ и благодарить автора; упоминаемое здѣсь посланіе Языкова къ Давыдову напечатано въ 4-мъ изданіи послѣдняго, т. III, стр. 181.

возвышеннымъ чувствамъ Николай Михайловичъ, не имѣетъ дара волновать мою душу и владычествовать надъ нею своевольно деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный отецъ и командиръ; одинъ стихъ вашъ и я въ огнѣ боёвъ, весело и безотчетно. Въ обѣихъ послѣднихъ войнахъ стихи ваши (пѣснь короля Регнера¹⁾, подаренная мнѣ въ Персіи Н. Киселевымъ)²⁾ возились мною за пазухой какъ волшебная ладонка, имѣющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду къ битвамъ и славѣ. Я пьяный на дѣвичникѣ Пушкина говорилъ вамъ о томъ, но вы были такъ пьяны, что врядъ ли это помните, а это сущая правда, и трезвый я трезвому повторяю то же; Поэтический лоскутъ этотъ, замаранный грязью бивуаковъ и окуренный жжёнымъ порохомъ, и понынѣ у меня хранится; послѣ этого какъ же мнѣ не называть васъ „душевымъ“ и „моимъ“ поэтомъ?

Милое и лестное для самолюбія моего вниманіе ваше такъ меня тронуло, что по полученіи посланія вашего и золотого ковчега, полного драгоценными нитями перловъ, я было пустился отвѣчать вамъ стихами—но, признаюсь, оробѣлъ; рука дрогнула—какъ писать этакому чорту въ поэзіи стихами! одинъ Асмодей-Пушкинъ имѣетъ на это право.

Прошедшей зимою я былъ на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ часто говорилъ о васъ съ Кирѣевскимъ и Баратынскимъ. Они жаловались, что вы не ѣдете въ Москву, а я жаловался, что вы не ѣдете въ Рѣпьевку—гдѣ же вы? и долго ли вамъ лишать меня удовольствія обнять волженскаго земляка на берегахъ Волги? увѣдомьте, будете ли вы въ Рѣпьевку и когда? я до половины, а можетъ-быть и до конца сентября, проживу здѣсь, а тамъ переселюсь въ Москву. Въ Москвѣ этой зимою я впервые прочелъ піесу вашу „Поэту“, ту, которая поставлена первою въ стихотвореніяхъ

¹⁾ «Пѣснь короля Регнера» первоначально была напечатана въ «Новостяхъ литературы» за 1823 г., кн. XXXIII, стр. 110.

²⁾ Н. Д. Кисилевъ одинъ изъ пріятелей Языкова, которому послѣдній посвятилъ нѣсколько своихъ стихотвореній.

вашихъ, — я ахнулъ. Что за языкъ! что за поэзія! что за возвышенность чувствъ — это очарованіе! а „Кубокъ“? Что мои хмельные стихи противъ этихъ? Сивуха предъ шампанскимъ.

Не зная, куда адресовать письмо мое, я посылаю его чрезъ Петра Александровича Бестужева¹⁾ и, повторяя вамъ душевную мою благодарность, прошу васъ вѣрить словамъ партизана-поэта, что первымъ почитателемъ отличнаго вашего таланта и возвышенныхъ чувствъ вашихъ есть преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

Такъ какъ Бестужева нѣтъ въ Рѣпьевкѣ, то посылаю это письмо чрезъ Д. Н. Анненкова.

XXVIII.

Н. М. Языкову.

3-го октября (1833 г.) С. Маза.

Письмо ваше отъ 23-го сентября я имѣлъ удовольствіе получить съ послѣднею почтою и спѣшу на оное отвѣчать. Досадно, что почта ходитъ долго; но что дѣлать!

Ваши вопросы.

Отвѣты.

1) Не было ли у больной въ малолѣтствѣ чесотки?

Не помнитъ. Но сыпи были и въ 1812 году была сыпь весьма большая отъ застуды послѣ танцевъ.

2) Какое имѣетъ вліяніе болѣзнь на расположеніе духа?

Больная сохраняетъ всегда спокойствіе духа и когда не больна, то о болѣзни не думаетъ. При ѣдѣ только боится лишняго съѣсть и послѣ ѣды всегда въ страхѣ, не съѣла ли она лишняго.

¹⁾ Мичманъ П. А. Бестужевъ, братъ извѣстнаго романиста А. А. Бестужева (Марлинскаго), за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря былъ сосланъ рядовымъ на Кавказъ, а въ 1830 г. уволенъ въ отставку. Умеръ въ сумасшествіи въ 1840 году.

3) Какого рода отрыжки?

Одною пищею и именно тою, которую она съѣла болѣе. Даже самымъ легкимъ бульономъ, если она его съѣла хотя одной ложкой болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Но съ булавочную головку лукъ неминуемо производитъ ужасныя боли въ желудкѣ и всѣ тѣ страданія, кои я вамъ описалъ въ запискѣ.

4) Какая пища болѣе нравится, то-есть, животная или растительная?

Больная не причудлива наѣду: она не даетъ преимущества одной надъ другою пищѣ, но любить варенье, конфекты, молочное пирожное. Варенье и конфекты она ѣстъ весьма по малу и ей это не причиняетъ боли, но отъ всякаго пирожнаго она рѣшительно отказалась.

Повторяю, одна болѣзнь у больной—желудочная, когда она съѣстъ немного болѣе обыкновеннаго, хотя бы ложку бульону самаго легкаго. Впрочемъ, она во всемъ здорова.

Весьма вы меня обрадовали извѣстіемъ, что переводчикъ „Терапіи“ Гартмана ¹⁾ уже отысканъ и назначенъ. Ради Бога, не мѣшкайте пустить въ ходъ предпріятіе ваше, вы этимъ много добра сдѣлаете и собьете съ мѣста медиковъ, которые, подобно Эдипу, говорятъ:

Спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ ²⁾.

Благодарю васъ покорнѣйше, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, за присылку стиховъ вашихъ—они не уступаютъ

¹⁾ Ф. Гартманъ. Терапія острыхъ болѣзней по гомеопатической системѣ. Перев. съ нѣм. языка. М. 1835.

²⁾ Стихи изъ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Афинахъ», дѣйствіе II, явленіе I.

ни однимъ изъ тѣхъ, которые соединены въ золотомъ ковчегѣ, вами мнѣ присланномъ. Это прелесть, какъ все то, что изливается изъ пера вашего! Въ легчайшей поэтической вспышкѣ вашей стихи ваши, какъ говоритъ Пушкинъ, „стоятъ дыбомъ!“ Кстати о Пушкинѣ; знаете ли, что я слышалъ отъ людей, получившихъ письма изъ Казани? Въ Казани были Пушкинъ и Баратынскій, отыскивающіе свѣдѣнія о Пугачевѣ. Изъ этого я заключаю, что они въ союзѣ для сочиненія какого-нибудь романа, въ которомъ будетъ дѣйствовать Пугачевъ. Итакъ, вотъ рѣшеніе загадки появленія Пушкина въ нашей и въ Оренбургской губерніяхъ. Если это правда, то дай Богъ! авось ли мы увидимъ что-нибудь близкое къ Вальтеръ-Скотту; по сю пору мы не избалованы качествомъ, но задущены количествомъ романовъ. Судите, что я на дняхъ прочелъ въ объявленіи о появленіи новаго романа Загоскина ³⁾? „Романы Загоскина сдѣлались уже народной гордостью“. Каково? Да за кого же г. объявитель русскій народъ принимаетъ?

Вы обѣщали прислать мнѣ переведенные вами листки Гартлауба ⁴⁾; пожалуйста не забудьте.

Какъ досадно, что наши деревни такъ далеки одна отъ другой! разстояніе принуждаетъ насъ переписываться, тогда какъ сосѣдями мы бы переговаривались. Обоихъ васъ умоляю не спѣшить въ отысканіи гомеопатическаго лѣкарства для жены моей, но когда отыщете, то не медлить присылкою онаго съ описаніемъ какъ и когда принять его, и діеты, и время дѣйствія сего лѣкарства, и названія его. Вы тѣмъ весьма обяжете преданнаго вамъ слугу и пріятеля Дениса Давыдова.

PS. На этихъ почтахъ я вамъ пришлю записку о себѣ и старшемъ сынѣ, у коего сильная золотуха.

³⁾ Аскольдова могила. М. 1833.

⁴⁾ К. Гартлаубъ. Краткое начертаніе способа гомеопатическаго лѣченія болѣзней. С.-Пб. 1832.

XXIX.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

7-го ноября (1833 г.) С. Маза.

Милостивые государи Александръ и Николай Михайловичи! Письмо ваше, предписаніе, какъ употреблять гомеопатическія крупинки, вами присланныя, извѣстіе о Пушкинѣ и выписку о Дибичѣ я получилъ, за что приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность. Кажется, что г. нѣмецъ, писавшій статью о Забалканскомъ ¹⁾, глядѣлъ на него не съ той точки зрѣнія, съ которой я глядѣлъ на него, но воля сочинителя, а Дибичъ не таковъ былъ, какъ онъ его описываетъ.

Радъ душевно, что Пушкинъ принялся за дѣло. Этотъ лоцманъ Петербургъ его губить, а болѣе насъ, отвлекая его отъ вдохновеній; впрочемъ, вы знаете, что онъ запоемъ пишетъ только осенью и, какъ кажется, это время года онъ не даритъ праздности; если будете писать къ нему, скажите ему мой дружескій поклонъ. Меня атакуетъ Смирдинъ и даетъ по двѣсти рублей за листъ—это дешево; я ему дарю одну статью, но за послѣдующія хочу просить дороже. Слава Богу, нынче можно продавать бредни какъ сало и дѣготъ; надо этимъ пользоваться, особенно при неурожайномъ годѣ.

Жена моя благодаритъ васъ также за присылку ей лѣкарства, но ей не хочется принимать его прежде присылки вами и мнѣ лѣкарства: я страдаю болѣе года съ начатіемъ астмы, и мнѣ необходимо къ вамъ прибѣгнуть. На первой почтѣ я постараюсь прислать вамъ основное описаніе моей болѣзни, а если позволите, то проѣздомъ въ Пензу лично объясню вамъ подробности оной; надо только знать мнѣ, будете ли вы въ Языковѣ въ теченіе декабря? Книги, о которыхъ вы мнѣ дали записку, я получилъ и готовлюсь рыться въ нихъ съ утра

¹⁾ Авторъ статьи о Дибичѣ, вѣроятно, Theod. Stürmer. Der Tod des Grafen Diebitsch Sabalkansky. Berlin 1832.

до вечера; будетъ ли прокъ, не знаю. Причина замедленія отвѣта моего есть рысканье мое по мхамъ и по болотамъ всякаго рода звѣрями. Сейчасъ только съ коня и сейчасъ принялся за перо, чтобы писать къ вамъ побѣдной рукою, поразившей огромнаго волка. Примите истинное увѣреніе въ душевной преданности вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

XXX.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

18-го декабря 1833 г. С. Маза

Милостивые государи Александръ и Николай Михайловичи! Съ душевной горестью долженъ васъ увѣдомить, что послѣдняя болѣзнь моя такъ ослабила меня, что я только что имѣю довольно силъ дотащиться на своихъ до Пензы; это причиною, что всѣ пріятнѣйшія мои предначертанія посѣтить васъ въ Языковѣ и провести съ вами нѣсколько дней я принужденъ положить въ долгій ящикъ. Весьма это мнѣ прискорбно, но что дѣлать? „Скачи враже — якъ панъ каже“, говоритъ малороссійская пословица.

У меня теперь гомеопатическій врачъ Клейнеръ изъ Саратова и онъ мнѣ избралъ Spirit. sulph. Мы съ нимъ вмѣстѣ читали симптомы, которые производитъ это лѣкарство, и я удивился сходству онымъ со всѣми припадками, которыми я такъ давно страдаю. Если это лѣкарство не поможетъ мнѣ, то я не буду вѣрить псорическимъ лѣкарствамъ. Каково постановленіе о гомеопатіи, которое я читалъ въ „Сѣверной Пчелѣ“? Несчастную, связанную по рукамъ и по ногамъ, предали на распятіе алопатіи. Но это ничего, да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! Къ сѣверу, что до сего не признавали существованіе оной, считали ее мечтою, бредомъ духо-

видцевъ, теперь признано существованіе ея; она живетъ, она дышетъ, она дѣйствуетъ и это уже много; это большой шагъ.

Итакъ, простите или лучше до свиданія. По возвращеніи изъ Пензы, то-есть, весною, когда погода будетъ благоприятнѣе и здоровье мое получше, авось ли Богъ дастъ, что я увижу васъ въ Языковѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и таковой же преданности вамъ преданнаго слуги Дениса Давыдова.

XXXI.

М. А. Максимовичу ¹⁾.

30-го декабря 1833 г.

Письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, я имѣлъ удовольствіе получить. Причина, почему я такъ долго не отвѣчалъ вамъ, была болѣзнь моя, болѣзнь жестокая, которая едва не утащила меня на свиданіе съ предками.

Точно правда, что „Книга Наума“ ²⁾ заслужила отъ меня особенное уваженіе; она, какъ я писалъ къ И. В. Салаеву, не маякъ, освѣщающій горніе предѣлы, но смиренная лучина, вешхнувшая въ курной избѣ поселанина.

Сожалѣю душевно, что не имѣю ни единой статьи для вашего альманаха ³⁾, ибо давно уже я пишу однѣ военныя записки; къ какой стати оглашать громомъ оружія убѣжище музъ и заглушать ихъ мирныя пѣсни? Къ тому же отрывки теряютъ свою цѣну отъ исторженія изъ цѣлаго. Вотъ отчего я такъ долго хлопоталъ, пріискивая статью для Смирдина. И тутъ уже вы сами видѣли, что хлопоты мои остались втуне, ибо статья, мною ему посланная, далеко не достойна занимать

¹⁾ М. А. Максимовичъ (род. 1804 г., ум. 1873 г.), извѣстный писатель, ботаникъ, филологъ и историкъ.

²⁾ Сочиненіе М. А. Максимовича «Книга Наума о божіемъ мірѣ» (1833 г.) въ популярныхъ очеркахъ излагаетъ для народа строеніе вселенной. Книга выдержала двѣнадцать изданій.

³⁾ Альманахъ «Денница», который М. А. Максимовичъ издавалъ въ 1830—1834 гг.

мѣсто въ такомъ пышномъ журналѣ, какова „Библіотека для чтенія“. Я какъ подумаю о легіонѣ знаменитыхъ сотрудниковъ, такъ волосъ дыбомъ становится: это старая гвардія Наполеона, прежде выстрѣловъ уже поражающая.

Подумавъ немного, я рѣшаюсь послать вамъ для альманаха вашего четверостишіе ³⁾, которое я написалъ при появленіи на балъ одной красавицы въ Пензѣ. Если годятся, то кланяюсь вамъ этими стихами:

Вошла, какъ богиня, важна, горделива,
Какъ юная пери—стройна и красива,
И шопоть восторга бѣжитъ по устамъ,
И крестятся вѣдьмы, и тошно чертамъ.

Не знаю, что прежде поставить: „крестятся“ или „вѣдьмы“? Кажется, говорятъ „крѣстятся“, а не „крестѣтся“, впрочемъ отъ васъ зависятъ эти слова, какъ вамъ угодно.

Простите любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ; будьте увѣрены, что мало васъ уважають болѣе вашего.

XXXII.

Н. М. Языкову.

16-го февраля (1834 г.) Пенза.

Письмо ваше, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, я получилъ на дняхъ. Благодарю васъ, моего душевнаго поэта, за то, что вы не забываете истинно вами восхищеннаго человѣка, который за особое счастье считаетъ минуту знакомства съ вами. Я давно уже получилъ первый номеръ „Библіотеки“ и нахожу стихотворную часть весьма посредственной, кромѣ „Гусара“, который нечто какъ вспышка съ царь-пушки Пушкина. При всемъ томъ, это журналъ хорошій и, кажется,

³⁾ Это четверостишіе не было напечатано въ «Денницѣ». Оно было помѣщено въ «Современникѣ» 1836 года.

можетъ служить саркофагомъ всѣмъ нашимъ журналамъ. Не знаете ли вы, какая цѣна за стихотворенія? За листъ печатной прозы мнѣ даютъ триста рублей; я послалъ около двухъ листовъ даромъ, потомъ хочу посылать за деньги и, какъ уже говорилъ вамъ, если продаютъ сало и дѣготъ, то почему не продавать и бредни, благо есть покупатели? Максимовичъ прислалъ мнѣ „Денницу“; досадно, что этотъ отличный человѣкъ такимъ вздоромъ занимается.

Пенза—моя вдохновительница. Холмъ, на коемъ лежитъ этотъ городъ есть мой Парнассъ съ давняго времени; здѣсь я опять принялся за поэзію. Посылаю вамъ что-то вдохновенное, но недостаточно обдѣланное; скажите ваше мнѣніе и, пожалуйста, исправьте, что вамъ не понравится. Я о томъ же писалъ и къ Баратынскому. Кстати о Баратынскомъ. Я на дняхъ и отъ него получилъ письмо—онъ препоручаетъ мнѣ вамъ кланяться. Вотъ слова его: „Вы переписываетесь съ Языковымъ; поклонитесь ему отъ меня. Дай Богъ здоровья ему и его музѣ. Онъ поэтъ въ душѣ. У насъ не умѣютъ его цѣнить; но когда гнилая наша поэзія еще будетъ гнилѣе и будетъ пахнуть мертвечиной, мы почувствуемъ все достоинство его безсмертной свѣжести“. Что касается до стиховъ моихъ, то онъ ихъ не исправилъ и тѣмъ огорчилъ меня, ибо я вижу самъ въ нихъ недостатки, которые исправить не умѣю. Стихи, вдохновенные чудомъ красоты и прелести, — „Вальсъ“.

Жду на будущей почтѣ 2-й номеръ „Библіотеки“ Тамъ моя статья ¹⁾; какъ-то ее обработали Гречъ и Сенковскій, которые, какъ вы пишете, по своему все коверкаютъ? Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго? пришлите. Зачѣмъ вы ничего не посылаете въ Библіотеку? Неужто симбирскія красавицы не имѣютъ вліянія на поэта и на поэзію? Если такъ, то пріѣзжайте сюда, ручаюсь, что здѣсь самый сухой приказный ударитъ по струнамъ лиры—что же будетъ съ поэтомъ, каковы вы? Простите любезнѣйшій Николай Михайловичъ, пишите и не забывайте вамъ душою преданнаго Дениса Давыдова.

¹⁾ «Знакомство съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ».

Благодарю и васъ, любезнѣйшій Александръ Михайловичъ, за приписаніе. Вы пишете, что между Гречемъ и Полевымъ возгорѣлось опять, это было бы хорошо для читателей, еслибъ у насъ умѣли ругаться деликатно и слогомъ образованнаго общества; но тутъ ругательства будутъ, какъ были, площадныя и матерщиной, почему выгоднѣе было бы для читателей, чтобъ они жили мирно. Сенковского статья въ „Библіотекѣ“ хороша ¹⁾, и слогъ его мнѣ нравится; есть игривость и легкость въ немъ. О гомеопатіи я вамъ ничего не скажу; здѣсь я алопатически пью вино и удовольствіе; къ десительнымъ каплямъ прибѣгну при возвращеніи моемъ въ Мазу, куда я ѣду 6-го или 7-го марта, то-есть, на первой недѣлѣ поста, очищать себя отъ грѣховъ всѣхъ родовъ поэзіи. Простите, пишите и не забывайте душою вамъ преданнаго Дениса Давыдова.

XXXIII.

А. С. Пушкину.

4-го апрѣля 1834 г. С. Маза.

Помилуй, что у тебя за дьявольская память; я когда-то на лету рассказывалъ тебѣ разговоръ мой съ М. А. Нарышкиной ²⁾: „Vous préférez les suivantes“, сказала она мнѣ; „parce qu'elles sont plus fraîches“, былъ отвѣтъ мой; ты слово въ слово поставилъ это эпиграфомъ въ одномъ изъ отдѣленій „Пиковой Дамы“. Вообрази мое удивленіе и еще болѣе восхищеніе жить такъ долго въ памяти Пушкина, нѣкогда любезнѣйшаго собутыльника и всегда единственнаго родного моей душѣ поэта. У меня сердце облилось радостью, какъ при полученіи записки отъ любимой женщины.

¹⁾ «Скандинавскія саги», напечатанныя въ I-мъ т. «Библіотеки для чтенія».

²⁾ Марія Антоновна Нарышкина (род. 1779 г., ум. 1854 г.), урожденная княгиня Святополкъ-Четвертинская, пользовалась большимъ расположеніемъ императора Александра I.

Какъ мнѣ досадно было разѣхаться съ тобой прошлаго года! Я не успѣлъ проѣхать Симбирскъ, какъ ты туда явился, и что всего досаднѣе, я возвращался изъ того края, въ который ты ѣхалъ и гдѣ я могъ бы тебѣ указать на разныя личности, отъ которыхъ ты могъ бы получить нужныя бумаги и свѣдѣнія. Ты былъ потомъ у Языкова, и я не зналъ о томъ. Неужели ты думаешь, что я могъ бы засидѣться въ своемъ захолустѣ и не прилетѣлъ бы обнять тебя. Злодѣй, зачѣмъ не увѣдомилъ ты меня о томъ?

Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали. На дняхъ я написалъ много стиховъ, такъ и брызгало ими. Я, право, думалъ, что разсудокъ во мнѣ такъ разжирѣлъ, что вытѣснилъ послѣднюю поэзію; не тутъ-то было, встрепенулась небесная, а онъ давай Богъ ноги! такъ, что по сию пору не отыщу его.

Совѣстно мнѣ посылать тебѣ мои пустыя сердечныя бредни, но, если прикажешь, я исполню волю моего парнаскаго отца и командира. Надо только, чтобы повелѣніе писано было нецеремонно, и слово „вы“ замѣнилось бы словомъ „ты“, тогда я на все готовъ.

XXXIV.

Н. М. Языкову.

4-го апрѣля 1834 г. С. Маза.

Я вижу по письму вашему, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, что вы послѣднее мое письмо еще не получили, ибо вы говорите объ одномъ „Вальсѣ“. Въ послѣднемъ же письмѣ я къ вамъ послалъ еще нѣсколько шіесъ, вырвавшихся изъ души, а при семъ еще посылаю одну. Вы видите, что чѣмъ чортъ не шутить! Однако всѣ эти посылки я дѣлаю не для того, чтобы вы стихи мои хвалили, а болѣе для того, чтобы вы ихъ бранили и изъявили бы мнѣніе ваше,

гдѣ въ нихъ что надо исправить и какъ исправить? такъ со мною поступаютъ друзья мои: Баратынскій, Пушкинъ, Вяземскій; того и отъ васъ прошу. Да, ради Бога, не пишите ко мнѣ церемоніальныхъ писемъ. Последнее ужаснуло меня официальнымъ заключеніемъ: „съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, честь имѣю быть вашего превосходительства и пр.“ Богъ съ вами съ такими выходками!

Я уже третью недѣлю лѣчусь гомеопатически по предписанію Петерсона; курсъ лѣченія моего не прежде кончится мая. Что-то будетъ? Вы хорошо дѣлаете, что намѣрены ѣхать къ нему; онъ болѣе другихъ имѣетъ навыку. Клейнеръ порядочный гомеопатъ, но, какъ кажется, безъ госпожи Быковской не такъ-то успѣшно лѣчитъ; она, говорятъ, отлично знаетъ гомеопатію и лѣчитъ чудесно.

Вчера получилъ я третій томъ „Библіотеки для чтенія“, гдѣ Пушкинская повѣсть ¹⁾ мнѣ весьма понравилась. Что за память въ этомъ человѣкѣ! Богъ знаетъ, когда-то я разсказалъ ему, что волочась за одной *suivante*, Марья Антоновна Нарышкина сказала мнѣ: „*Davidoff est pour les suivantes*“; а я ей отвѣчалъ: „*que voulez-vous, madame, elles sont plus fraiches*“, а онъ это поставилъ эпиграфомъ. Не согласитесь ли вы со мною, что и въ третьемъ томѣ стихотворное отдѣленіе больно плохо? Вы обѣщались прислать мнѣ „Самозванца“ ²⁾, пришлите пожалуйста; въ 3-мъ томѣ есть на него критика ³⁾, хочется посмотрѣть, справедлива ли она? Что вы ничего не посылаете въ „Библіотеку“? Баратынскій и Вяземскій такъ же жмутся—что это значитъ? Признаюсь, я раскаялся, что далъ туда статью мою о Каменскомъ; они ее во многихъ мѣстахъ исказили и одолжили меня собственными вставками, о коихъ я ихъ не просилъ. Если пошлю что еще имъ, то непременно съ оговоркою ничего не перемѣнять. Но пора къ стихамъ

¹⁾ «Пиковая Дама».

²⁾ Дмитрій Самозванецъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе А. Хомякова. М. 1833 (1834).

³⁾ Критическая статья Сенковского на «Самозванца» была напечатана не въ 3-мъ т., а во 2-мъ т. «Библіотеки для чтенія» 1834 г.

обратиться, вотъ мои послѣдніе: „О! кто, скажи ты мнѣ, кто ты...“

Вотъ вамъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Пожалуйста помогите мнѣ кой-что въ этой сволочи исправить и вы меня весьма обяжете.

Любезнѣйшій Александръ Михайловичъ, вы очень обрадовали меня извѣстіемъ о пріѣздѣ вашемъ сюда весною. Надѣюсь, что не забудете Мазу и навѣстите степнаго жителя. Вы пишете, что намѣрены ѣхать къ Петерсону по просухи—знаете ли что? отложите эту поѣздку до половины іюня и тогда пустимтесь всѣ вмѣстѣ въ Пензу, куда я ѣду на ярмарку. Это будетъ и полезный, и пріятный *partie de plaisir*. Жду перевода вашего Гартмана ¹⁾ съ нетерпѣніемъ, ибо безъ него я какъ безъ головы — аптека полная и отличная, но дѣйствовать не умѣю или весьма плохо. Я теперь на гомеопатической діетѣ и принимаю порошки Петерсоновы. Что-то будетъ? Но кажется мнѣ, что выборъ Клейнера сходнѣе съ болѣзнью; онъ выбралъ одинъ *sulph.*, а Петерсонъ—4: *callosynthide*, *causticum* и *zincum*, но вѣроятно, пишетъ онъ, что нужно еще будетъ *silicea*.

Каждаго лѣкарства по 4 порошка и каждый порошокъ принимать въ 4-е сутки. Увѣдомьте, когда васъ ждать въ Рѣшьевку, — это будетъ для меня изъ праздниковъ праздникъ. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

XXXV.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

16-го іюня 1834 г. С. Маза.

Сто лѣтъ ни я къ вамъ не писалъ, ни отъ васъ ни слова не получалъ, любезные Николай Михайловичъ и Александръ Михайловичъ! Съ моей стороны причина тому—поѣздка моя

¹⁾ Ф. Гартманъ. Терапія острыхъ болѣзней по гомеопатической системѣ. Перев. съ нѣм. М. 1835 г.

въ Пензу на ярмарку и разныя развлеченія, а съ вашей стороны не знаю, что этому причиною, — не свадьба ли, какъ слухъ о томъ носится? Если правда, то позвольте мнѣ поздравить жениха отъ всей души.

Посылаю вамъ съ благодарностью „Рука Всевышняго отечество спасла“¹⁾. Что же касается до „Самозванца“, то я осмѣлился его оставить еще на нѣсколько времени. Вы хотите знать мое мнѣніе объ обоихъ этихъ явленіяхъ. Это задача не по мнѣ. Все, что я могу сказать, это то, что „Рука“ мнѣ часто чесала затылокъ отъ досады и много не шевелила моего сердца. Это акафистъ съ полнымъ чувствомъ любви къ отечеству и иногда съ хорошими стихами. Можетъ-быть, эта піеса дѣйствуетъ на души, особенно на русскія души, болѣе на сценѣ, но при чтеніи, воля Кукольника, не щипаетъ за сердце или если когда и щипнетъ, то очень рѣдко. Что касается до „Самозванца“, эта трагедія для меня, при всѣхъ ея недостаткахъ въ планѣ и въ выборѣ лицъ, прелесть, прелесть и прелесть! а отчего — не знаю, ибо сужденіе о ней въ „Библіотекѣ“ въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо. Досадно видѣть „Самозванца“ таковымъ, какъ онъ представленъ; онъ, конечно, и въ исторіи молодецъ, но тутъ онъ выше молодца, онъ царь и царь русскій съ какимъ-то чувствомъ à la *Pierre le Grand*. Правда, что съ слабымъ характеромъ и сбиваемъ съ пути честолюбивою бабою, но все привлекателенъ по одному уже чувству его.

Въ „Библіотекѣ“ справедливо сказано, іезуитъ не іезуитъ, а болѣе іезуитъ Антоній; Шуйскій, точно правда, ханжа и мошенникъ низкій и проч., но отчего же, повторяю, я два раза прочелъ эту трагедію съ жадностью, а нѣкоторыя сцены перечиталъ по пяти разъ? Право не знаю, а это было.

Были ли вы у Петерсона и что онъ вамъ далъ отъ *Lenia*? Я былъ у него также и теперь сижу на гомеопатіи до 15-го августа. На дняхъ я сдѣлалъ чудо: выдѣлилъ одну больную за двадцать верстъ отсюда и не выдавши ея, а по запискамъ

¹⁾ Драма Н. Кукольника.

ея сестры. У ней было воспаленіе и даже нарывъ въ груди, сильная горячка съ приливомъ крови и воспаленіемъ въ головѣ. Въ восемь дней она была уже на ногахъ, тогда какъ при началѣ моего лѣченія она была безъ памяти, такъ слаба, что ее ворочали на простыняхъ и безъ языка. Каковъ гусарь-эскулапъ? Вы писали мнѣ, что переводъ Гартмана выйдетъ изъ печати въ половинѣ мая, что значитъ, что по сію пору онъ не выходитъ? а я его жду, какъ Мессію ждутъ жида.

Посылаю вамъ послѣднее стихотвореніе мое ¹⁾. Скажите мнѣ ваше мнѣніе по гусарски или по студентски, это все равно, ибо и тамъ и тамъ душой вино и откровенность. Мое мнѣніе, что въ немъ нѣтъ единства, читатель не догадается, къ кому болѣе страсти—къ рѣчкѣ или къ дѣвѣ, которая въ концѣ піесы является; надо было бы менѣе огня въ началѣ, а то нѣтъ оттѣнка; эта ошибка неизгладима. Но стихи, кажется, и звучны, и хороши.

Неужели мы не увидимся до отъѣзда моего изъ этого края? Я ѣду въ началѣ сентября, то-есть, въ первыхъ числахъ, и ѣду на долго въ Москву. Не будете ли вы тамъ зимою? Куда бы хорошо сдѣлали. Баратынскій купилъ себѣ маленькую подмосковную, гдѣ совсѣмъ основался, а будетъ пріѣзжать на зиму въ Москву налегѣть съ одной женою.

Забылъ вамъ прислать еще стихи; они сдѣланы были въ нынѣшнюю мою поѣздку въ Пензу. Это подражаніе одному мадригалу Вольтера:

Когда я повстрѣчалъ красавицу мою...
 Ту, чье, восторженный, теперь здоровье пью,
 Чьей наслаждаюсь вновь красой и стройнымъ станомъ...
 Я обомлѣлъ!... какъ случаемъ нежданномъ,
 Гуляющій на волѣ сорванецъ,
 Встрѣчается солдатъ-бѣглець
 Съ своимъ безбожнымъ капитаномъ.

„Случаемъ нежданномъ“—плохо, но стихи были скованы на скорую руку.

Пожалуйста ни тѣхъ, ни другихъ не раздавайте. Я не хочу, чтобы кто-нибудь ими воспользовался и втиснулъ въ

¹⁾ «Рѣчка».

„Библіотеку“, гдѣ я неожиданно нашелъ „И мою звѣздочку“ ¹⁾. Мнѣ сказываютъ, что это г. Араповъ ²⁾ сыгралъ со мной эту шутку. Я о томъ писалъ Смирдину и побранилъ Вяземскаго, которому эта „Звѣздочка“ была отъ меня послана.

Я не спрашиваю, чѣмъ Александръ Михайловичъ занимается? онъ любитъ; это занятіе самое привлекательное и прелестное; но вы чѣмъ занимаетесь, пишете ли? Если написали что, то, ради Бога, не обнесите чарочкой; вы мой душевный поэтъ, никто мнѣ душу не возвышаетъ болѣе васъ, ничто не ласкаетъ мое сердце болѣе вашихъ стиховъ и въ этомъ случаѣ они соперники взгляду моей красавицы. Я съ вашими стихами за пазухой былъ въ двухъ сраженіяхъ, я ихъ часто читалъ той, которой старался тронуть сердце. Вы непростительны были бы не мнѣ первому доставлять все то, что вырвется изъ огненной души вашей.

Пора однако кончить; вотъ уже и листа конецъ, итакъ простите и вѣрьте въ сердечной преданности Дениса Давыдова.

XXXVI

Графу О. И. Толстому ³⁾.

30-го августа (1834—1835 г.) С. Маза.

Увѣдомъ, сдѣлай милость, каковъ ты, что твоя грудная боль? По письмамъ изъ Москвы я вижу, что у васъ дожди проливные и холодъ, что, вѣрно, держало тебя между четырехъ стѣнъ, что не даетъ здоровья. У насъ, напротивъ, все

¹⁾ Напечатана въ I-мъ томѣ за № LXIII.

²⁾ П. Н. Араповъ (род. 1796 г., ум. 1861 г.), извѣстный въ свое время драматическій писатель.

³⁾ Графъ Федоръ Ивановичъ Толстой (род. 1784 г., ум. 1846 г.), прозванный американцемъ, умный и даровитый человѣкъ, близкій къ литературному кружку В. Л. и А. М. Пушкиныхъ, князя П. А. Вяземскаго, Д. В. Давыдова и другихъ.

лѣто была засуха — слѣдственно, погода для прогулокъ прелестная.

Я здѣсь какъ сыръ въ маслѣ, особенно когда сравниваю каждый день противоположный прошлогоднему дню! Посуди: жена и полдюжины дѣтей, сосѣди весьма отдаленные, занятія литературныя, охота псовая и ястребиная — другаго завтрака нѣтъ, другаго жаркова нѣтъ, какъ дупеля облитые жиромъ и до того, что я ихъ ужъ и мариную, и сушу, и чортъ знаетъ, что съ ними дѣлаю! Потомъ свѣжіе осетры и стерляди, потомъ ужасныя величиной и жиромъ перепелки, которыхъ самъ травлю ястребами до двадцати въ одинъ часъ на cadaго ястреба. Такъ какъ ты не псовый и не ястребиный охотникъ, то нечего тебѣ и говорить объ охотѣ за звѣремъ и птицею — и потому у меня есть и другая охота, отъ которой ты, вѣрно, не отказался бы — гоньба за разбойниками. Здѣсь ихъ довольно и такъ нахальны, что не довольствуются разбоями на дорогахъ, а штурмуютъ господскіе дома. Я по старой партизанской привычкѣ и за ними гоняюсь, хотя они, всѣхъ грабя, всякую мою собственность и мужиковъ моихъ собственность щадятъ по пословицѣ: *corsaires attaquant corsaires ne font pas leurs affaires*. Недавно я мимо ихъ проѣхалъ, какъ они говорили пастухамъ, во ста шагахъ, искавши ихъ, но они спрятались и я не могъ ихъ увидѣть въ лѣсу и въ ужасныхъ оврагахъ; а то была бы схватка, которая напомнила бы мнѣ старинное партизанское удалство мое!

Пожалуйста напиши о твоёмъ здоровьѣ, я не хочу сказать о нездоровьѣ, ибо не хочу объ этомъ и думать. Меня на дняхъ мой Васишка весьма напугалъ: простудился и сдѣлалась горячка. Ты можешь вообразить мое положеніе! Слава Богу, теперь онъ совсѣмъ здоровъ; желаю и о тебѣ то же узнать. Скажи мое почтеніе графинѣ. Вѣрный и непоколебимый другъ Денисъ.

XXXVII.

Графу Д. И. Хвостову.

11-го сентября 1835 г. С. Маза.

Милостивый государь графъ Дмитрій Ивановичъ! Неожиданная честь, кою ваше сіятельство удостоили меня, много льститъ моему самолюбію и поставляетъ меня въ пріятнѣйшую обязанность принести вамъ мою душевную благодарность какъ за похвалу вашу статьи моей ¹⁾ о вашемъ безсмертномъ родственникѣ ²⁾ и моемъ героѣ-полубогѣ, такъ и за доставленіе мнѣ вами, милостивый государь, новѣйшихъ стихотвореній вашихъ, которыя я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Точно правда, — я былъ у столь много уважаемаго мною покойнаго князя Алексѣя Ивановича ³⁾, во время квартированія его въ вашемъ домѣ въ С.-Петербургѣ, и очень помню, что чести быть представлену вашему сіятельству препятствовали мнѣ молодая мои лѣта, ибо я еще былъ тогда во всей силѣ слова мальчишка, хотя уже нѣсколько окуранный пороховомъ, — но все мальчишка, и по вѣтренности моей, и по службѣ моей, и по стихамъ моимъ, мнѣ совѣстно было беспокоить васъ ничтожною моею особою, не имѣя еще никакого права на вниманіе кого либо. Теперь, если не служба моя на поприщахъ войны и словесности, я и по сіе время ничто иное, какъ казакъ наѣздникъ, то, по крайней мѣрѣ, лѣта мои сближаютъ уже меня съ вашимъ сіятельствомъ, и потому я за счастіе почту въ первый пріѣздъ мой въ С.-Петербургъ принести лично вамъ мое глубочайшее почтеніе.

¹⁾ «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ».

²⁾ Графъ Д. И. Хвостовъ былъ женатъ на племянницѣ А. В. Суворова — княгинѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой.

³⁾ Князь А. И. Горчаковъ (род. 1776 г., ум. 1807 г.), братъ супруги Хвостова.

Князь Александръ Аркадьевичъ ¹⁾ сказалъ вамъ правду. Точно я намѣренъ былъ писать о великомъ Суворовѣ, но не жизнь его, — это мнѣ не подъ силу, — а *étude* или разсужденіе о Суворовѣ. Я его долго, то-есть, съ юношества моего изучалъ, вникалъ въ намѣренія его, старался угадывать ихъ и систему его дѣйствія, считаемою тогда мнимыми великими тактиками не системою, а какимъ-то безобразнымъ дѣйствиємъ, внушеннымъ своеправными порывами безтолковой отважности, и потому тѣмъ еще болѣе Суворову подручною и выгодною. Я, кажется, постигъ ее, по крайней мѣрѣ столько, сколько можетъ постичь человѣкъ обыкновенный произведенія ума человека необыкновеннаго. При всемъ томъ, къ сожалѣнію моему, я долженъ прекратить священный трудъ мой отъ недостатка въ матеріалахъ. Вы совѣтуете мнѣ, ваше сіятельство, адресоваться къ нѣкоторымъ сослуживцамъ въ Италіанской кампаніи: я со многими говорилъ и только терялъ время! — Лавернова Исторія — не исторія, а панегирикъ, Антипова — далеко не удовлетворительна, Фуксова Исторія Италіанской кампаніи ²⁾ ни на что не похожа. Правда, что при ней есть два тома любопытныхъ документовъ, но они служить могутъ для одной италіанской кампаніи, а Суворовъ великъ былъ тридцать лѣтъ уже прежде оной. Итакъ, гдѣ искать матеріаловъ для построения храма? Негдѣ! И я, не взирая на рвеніе мое, долженъ положить перо и не писать. А грустно! Въ кои-то вѣки надѣлилъ насъ Богъ геніемъ самобытнымъ, и мы отъ преступнаго равнодушія ко всему собственному лишаемъ отечественную исторію блистательнѣйшаго украшенія. Еще двѣсти или триста лѣтъ впередъ, и какой-нибудь новый

¹⁾ Князь А. А. Суворовъ (род. 1804 г., ум. 1882 г.), внукъ А. В. Суворова. Д. В. Давыдовъ посвятилъ ему свою статью «Встрѣча съ великимъ Суворовымъ».

²⁾ Laverne. Histoire du feld-maréchal Suvorof, liée à celle de son temps. Paris. 1809.—Фр. Антипъ. Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова—Рымникскаго; пер. съ нѣм. М. 1800 (1801).—Е. Фуксъ. Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г., подъ предводительствомъ генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. С.-Пб. 1825—1826.

Нибуръ или Полевой скажетъ, что Суворова не было, что Суворовъ мнѣ, означающій военный періодъ Россіи; къ счастью, что въ опроверженіе его мнѣнія найдутъ Суворова во французскихъ историкахъ, но какъ найдутъ его? Исканнаго, обезображеннаго, не только на себя, но даже ни на NN не похожаго!

Примите, ваше сіятельство, нелицемѣрное увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

XXXVIII.

Н. М. Языкову.

11-го сентября (1835 г.) С. Маза.

Благодарю и нѣтъ словъ у меня довольно возблагодарить васъ, любезный Николай Михайловичъ, за поэтическій подарокъ вашъ ¹⁾. Можете ли вы думать, чтобы я воспротивился напечатанію онаго? Кто противится безсмертію? А вы меня къ нему несете, какъ въ поднебесную орелъ голубя, — мощно и торжественно. Что за стихи, что за прелесть! Впрочемъ, что же не прелесть изъ произведеній вашихъ? Вы меня такъ этими стихами расшевелили, что я было принялся писать вамъ стихами же, измаралъ около дести бумаги и сталъ въ пень отъ совѣсти платить мѣдью за золото.

Если вы до половины октября пробудете въ Пензѣ, то я васъ увижу, ибо въ концѣ текущаго мѣсяца я буду въ той сторонѣ. Какъ хочется васъ застать тамъ, съ какою радостью я обниму моего благодѣтеля, да — благодѣтеля, не прогнѣвайтесь! Вы, можетъ-быть, думаете, что ничего не значитъ быть вами, именно вами воспѣтымъ? А я думаю, что много

¹⁾ Это письмо служитъ отвѣтомъ на стихотвореніе Н. М. Языкова, начинающееся словами: «Жизни баловень счастливый»...

значить быть прославленну гордой и независимой лирою перваго самобытнаго поэта нашего, никого не воспѣвающаго наперекоръ сердца и совѣсти.

Смотрите же, чуръ не забыть меня послѣ жизни моей; мало того чтобы благодѣтельствовать мнѣ въ теченіе ея. Я уже нѣкогда говорилъ о томъ Вяземскому, Пушкину и Баратынскому, говорю и вамъ о томъ же: напишите тогда общими силами некрологію мою и произведите въ свѣтъ не пролетный листокъ для Воейковскаго „Инвалида“, а что-нибудь такое, которое бы осталось на долго. Шутки въ сторону и не въ похвалу себѣ сказать, а я этого стою: не какъ воинъ и поэтъ исключительно, но какъ одинъ изъ самыхъ поэтическихъ лицъ русской арміи. Непристойно о себѣ такъ говорить, но это правда. Возьмите благословеніе, данное мнѣ Суворовымъ; тридцати-лѣтнюю службу мою во всѣхъ, ровно во всѣхъ войнахъ Россіи въ теченіе этого времени; 1812 годъ, на которомъ я зарубилъ свое имя. Вѣкъ Наполеона, коему принадлежу я, — вѣкъ бурный и мятежный, изрыгавшій всеокрушительными событіями какъ Везувій лавою, но въ пылу которыхъ я пѣлъ какъ на кострѣ тамплиеръ Моле, объятый пламенемъ. И послѣ — штиль и спокойствіе, и обо мнѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, меня какъ нѣтъ на свѣтѣ; соха и словесность поглощаютъ меня, — но возстаетъ гроза и буря, и я, какъ алкіонъ, бѣлѣюсь уже на черномъ небѣ: война въ Персіи — и я тутъ, у подошвы Арарата быюсь и кочую; война въ Польшѣ — и я тутъ, на берегахъ Вислы — громлю и милую; хвалю и вѣшаю, и имя мое во всѣхъ войнахъ торчитъ какъ казацкая пика. Миръ заключенъ, и я опять дома, опять гражданинъ, опять отецъ семейства, пахарь, обожатель красоты во всѣхъ ея отрасляхъ — въ юной дѣвѣ ли, въ подвигѣ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли, вездѣ я слуга ея, я рабъ ея, богослужитель, поэтъ ея. Но полно предупреждать васъ въ похвальномъ словѣ, ибо мнѣ надо и совѣсть знать.

Знаете ли вы, что я въ Москвѣ познакомился съ Кукольникомъ, часто видалъ Хомякова и одинъ разъ обѣдалъ у Баратынскаго съ сотрудниками „Московского Наблюдателя“.

Какъ находите вы этотъ журналъ? Мнѣ кажется, что онъ еще слабѣе „Библіотеки для чтенія“, въ которую я помѣщаю свои статьи, потому что она всетаки расходуется по Россіи болѣе другихъ журналовъ. Вы, конечно, читали уже статью мою о морозѣ ¹⁾; по стихамъ вашимъ видно, что читали и о „Встрѣчѣ съ Суворовымъ“; жаль что, по сіе время Смирдинъ не печатаетъ статью „Воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи“, это мое любимое дитя; эту статью я самъ рекомендую, она утѣшитъ васъ, если ее не исковеркалъ Сенковскій, какъ уже исковеркалъ вышедшія статьи мои. Про него можно сказать то, что Наполеонъ говаривалъ о Фушѣ: „*Cet homme a la manie de fouler le pied dans le soulier de tout le monde*“. Что ему мѣшало оставить въ покоѣ пять словъ, заключающихъ встрѣчу съ Суворовымъ: „и Прага, залитая кровью, курилась“, это и коротко, и картинно. Какъ же онъ разжижилъ это: „и Прага курилась, залитая кровью защитниковъ“. Этотъ уродъ не понималъ, что слово курилась на концѣ періода есть послѣдній махъ кисти живописца, слѣдственно, въ немъ и вся сила періода.

Не будучи знакомъ съ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ, я на дняхъ получилъ письмо отъ него. Какъ родственникъ Суворова, онъ благодарилъ меня за мою статью и хвалить ее до нельзя, увѣряя, что я одинъ разгадалъ этого неразгаданнаго метеора и проч., и все это для того, какъ кажется, чтобы всучить мнѣ пару новыхъ его стихотвореній ²⁾. Какъ хотите, а пусть осколки этой бомбы летятъ не въ одного меня, а и въ васъ, и потому прилагаю вамъ одинъ экземпляръ изъ нѣсколькихъ въ меня понавшихъ. Я никогда не забуду шутку Суворова, уже умирающаго. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ давалъ приказанія окружающимъ его родственникамъ весьма серьезно и въ заключеніе всего слабымъ голосомъ умирающаго подозвалъ къ себѣ графа Хвостова, — этотъ подошелъ къ нему съ благоговѣніемъ и слу-

¹⁾ «Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?»

²⁾ «На освященіе собора Смольнаго монастыря» и «Столѣтіе литейнаго дома».

шалъ. Что же Суворовъ сказалъ ему съ усмѣшкою на устахъ?
„А ты, мой другъ, пожалуйста, одолжи меня: не сочиниай
стиховъ на мою смерть“ ¹⁾.

Итакъ, до свиданія, любезнѣйшій Николай Михайловичъ.
Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

PS. Пожалуйста кланяйтесь отъ меня Александру Петро-
вичу Петерсону.

XXXIX.

А. И. Михайловскому-Данилевскому.

17-го сентября (1835 г.) С. Маза.

Милое дружеское письмо ваше, любезнѣйшій другъ Але-
ксандръ Ивановичъ, я получилъ вчера и спѣшу благодарить
васъ, но какъ благодарить, не знаю. Слова не выразятъ
чувствъ моихъ. Одолженіе ваше за предѣлами обыкновенныхъ,
свѣтскихъ одолженій; оно бьетъ прямо въ сердце отцовское, а
для возблагодаренія за такого рода одолженія нѣтъ лексиконовъ
и риторикъ; нѣтъ ни пера, ни языка; итакъ, довольствуйтесь
моимъ сердцемъ, вамъ на вѣкъ преданнымъ и благодарнымъ.

Жду съ нетерпѣніемъ письма вашего съ подробностями,
какъ записать въ кандидаты моего второго сына, ибо, какъ
я васъ, кажется, увѣдомилъ, старшаго я przygotowляю въ
Институтъ инженеровъ путей сообщеній подъ непосредственное
начальство почтеннѣйшаго и всей душой уважаемаго мною графа
Карла Ѳедоровича ²⁾. Повторяю вамъ, что ему (то-есть, второму)
скоро одиннадцать только лѣтъ, слѣдственно, записавъ его въ
кандидаты, я хочу продержатъ его еще у себя для приго-
товленія къ тому, что по программѣ требуется.

Вы пишете о какой-то моей славѣ, — что принцъ ³⁾ съ
радостью приметъ сына Дениса Давыдова; напоминаете о службѣ

¹⁾ Д. И. Хвостовъ, какъ извѣстно, не исполнилъ просьбы Суворова.
Ода на его смерть напечатана въ 1-мъ томѣ собранія стихотвореній
Д. И. Хвостова. С.-Пб. 1828, изд. 3-е, стр. 182.

²⁾ Графъ К. Ѳ. Толь (род. 1777 г., ум. 1842 г.), генераль-адъютантъ,
главноуправляющій путями сообщенія.

³⁾ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

моей 1812 года и пр. Это дань вашей дружбы; вы такъ меня видите; вы, можетъ-быть, одинъ въ Россіи. Ваша прекрасная душа съ отголоскомъ на все отечественное, на все благородное и отважное, представляетъ меня какимъ-то историческимъ лицомъ, тогда какъ я ничто какъ пахарь и иногда сотрудникъ Смирдина, и все тутъ. Кстати о Смирдинѣ,—читали ли вы послѣднюю статью мою о Суворовѣ? Какъ она вамъ кажется? Жаль мнѣ, что онъ держитъ подъ спудомъ любимое мое дѣтище „Воспоминаніе о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи“,—эту статью я вамъ рекомендую; вы ею будете довольны, ручаюсь. Въ ней я говорю про вдохновеніе во время сраженія; говорю, что оно столько же нужно полководцу, сколько витію и поэту, и потомъ вотъ слова мои: „принадлежность Суворова, принадлежность Наполеона — поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо — полководцевъ слова“. Это не дурно.

Не могу забыть письмо ваше,—что ни говорю и ни думаю, а все оно въ головѣ у меня—нѣтъ, въ сердцѣ. Мало вамъ одолжать меня стараніемъ о принятіи сына моего въ кандидаты,—нѣтъ, надо было еще предложить себя для надзора иногда за нимъ и въ праздничные дни брать его къ себѣ въ домъ вмѣстѣ съ Леонидомъ ¹⁾. Знаете ли вы, что это такое? Но что мнѣ спрашивать васъ, знаете ли—вы сами отецъ и страстный отецъ, слѣдственно, этотъ вопросъ лишній, но лишній для устъ, а не для сердца. Ничего не могу болѣе вамъ сказать: да вознаградитъ васъ Богъ въ дѣтяхъ вашихъ за ваши мнѣ одолженія.

Анекдоты о Ланскомъ, Ушаковѣ и другихъ я вамъ доставить не могу, ибо ничего не знаю. Кой-что однако напишу о Ланскомъ и доставлю. Теперь я по уши занятъ: дописываю статью Смирдину и рыскаю по полямъ за волками, лисицами и зайцами. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

¹⁾ Сынъ А. П. Михайловскаго-Ланилевскаго.

XL.

А. И. Михайловскому-Данилевскому

5-го ноября (1835 г.) С. Маза.

Почтеннѣйшій и милый мой другъ Александръ Ивановичъ! Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ; письмо ваше и всѣ нужныя наставленія я отъ васъ получилъ, теперь надо приступить къ дѣлу, то-есть, къ кандидатству. Досадно то, что грамота моя на дворянство находится въ моемъ домѣ въ Москвѣ, куда пишу, чтобы скорѣе ее ко мнѣ послали; боюсь, что замедлю—тогда какъ слышу, что охотниковъ въ кандидаты до шести-сотъ, а мѣстъ на сто-пятьдесятъ. Впрочемъ, употреблю все стараніе, чтобы имѣть.

Вы пишете, что вамъ нравится мое воспоминаніе о Прейсшъ-Эйлаускомъ сраженіи. Это мое любимое дитя. Жаль, что г. Сенковскій, или не знаю кто, opakostилъ лучшія розы цвѣтника моего. Я объ этомъ писалъ и еще пишу Смирдину, пусть исправляетъ мои грамматическія ошибки: не зная грамматики, не только не буду въ претензіи за исправленіе этихъ ошибокъ, но еще благодаренъ буду. Но измѣнять слогъ мой, хотя онъ и не превосходитъ, я не соглашаюсь. Одно переставленное слово часто отнимаетъ всю душу періода. Возьмите, на примѣръ, въ „Встрѣчѣ съ великимъ Суворовымъ“ я кончаю такъ: „и Прага, залитая кровью, курилась“... Въ „Библіотекѣ“ сказано: „и Прага курилась, залитая кровью защитниковъ“. Первое—послѣдній махъ кисти живописца, послѣднее—вялая фраза Сенковского; къ тому же Прага залита была не одной кровью защитниковъ, довольно было брызговъ и нашей крови. Потомъ въ воспоминаніи сказано у меня: „все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва непонятнаго, неизвѣстнаго и пр. и столько же необходимаго для поэта, для витіи, какъ для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо — полководцевъ слова“. Какъ же въ „Библіо-

текѣ“ сказано: „который (порывъ) равно необходимъ и поэту, и витѣи, и полководцу, и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витѣй военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабо—полководцевъ слова“. Ахъ, онъ с... с..., поэтъ и витѣй военнаго дѣла! Да и какъ весь періодъ исковеркалъ!

Теперь я пишу Смирдину, чтобы онъ статьи мои пересылалъ ко мнѣ прежде, чѣмъ печатать ихъ, немедленно по выходѣ ихъ изъ станка Сенковского и цензуры. Иначе нельзя; что ни дай этимъ самозванцамъ литераторамъ—все они на свой ладъ переверотятъ. Я зимою буду въ Петербургѣ на малое время и обниму любезнѣйшаго друга Александра Ивановича отъ всей души; пока до свиданія. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

P. S.

На будущей почтѣ пришлю вамъ послѣднія двѣ статьи, на которыя подрядился я. Буду просить васъ вручить ихъ Смирдину и, взявъ у него двѣ тысячи ассигнацій, немедленно прислать ко мнѣ, чѣмъ обяжете очень.

XII.

Н. М. Языкову.

13-го ноября (1835 г.) С. Маза.

Получили ли вы, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, письмо мое, писанное къ вамъ въ Пензу? я его адресовалъ по присланному мнѣ вами адресу: въ Пензу, въ домъ Ермолова. Вообразите мое несчастіе: я пріѣхалъ въ Пензу спустя нѣсколько только дней послѣ вашего отъѣзда, объ этомъ мнѣ говорилъ Петерсонъ, у котораго я былъ раза два.

Я теперь въ Мазѣ моей съ 30-го октября. Снѣгъ завалилъ мою хижину, и я волею и неволею принужденъ за-

няться статьями для „Библіотеки“. Теперь кончаю послѣднюю статью; что-то будетъ? Избавлюсь ли я отъ губительныхъ поправокъ Сенковского, который взялъ на себя не только коверкать слогъ мой, но и мысли мои. Есть мѣста, которыя я никакъ не узнаю. Всего досаднѣе, что онъ не оставилъ въ покоѣ и любимого моего дѣтищу Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. Между прочимъ, у меня въ одномъ мѣстѣ сказано: „но чтобъ пользоваться подобными минутами не довольно глубокаго познанія своего дѣла, не довольно духа твердаго и ума расчетливаго: все это мертво безъ вдохновенія, безъ какого-то порыва непонятнаго, неизъяснимаго, мгновеннаго, какъ искра электрическая, и столько же необходимаго для поэта, для витія, какъ и для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій дѣйствія, какъ Пиндара, какъ Мирабо—полководцевъ слова“. Какъ же онъ передѣлалъ: „который равно необходимъ и поэту, и витію, и полководцу и который составлялъ принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова—поэтовъ и витій военнаго дѣла, принадлежность Пиндара и Мирабо—полководцевъ слова“. То ли это? Или, если хотите, оно то же, но какъ выражено! Такихъ поправокъ множество.

Мнѣ хочется въ теченіе этого мѣсяца быть въ Симбирскѣ—не будете ли вы тамъ, или не будете ли въ Рѣпьевкѣ у вашей сестрицы? Если будете въ Рѣпьевкѣ, ради Бога уведомьте, я сейчасъ прискачу къ вамъ. Я въ Мазѣ пробуду до начала января, потомъ съѣзжу въ Москву и въ Петербургъ и къ марту буду опять здѣсь.

Что наши заграничные гомеопаты? Мнѣ кажется, что *la discorde est au camp*. По крайней мѣрѣ наука не подвигается, а остановилась. Мнѣ Беллюзаръ наслалъ кипы гомеопатическихъ книгъ, и я въ нихъ копаюсь съ любовью. Пожалуйста скажите мой дружескій поклонъ братцу вашему Александру Михайловичу и не лѣнитесь, пишите мнѣ иногда о себѣ и не оставляйте поэзію для славы вашей—скажу болѣе, для славы Россіи.

Ваша лирическая пѣснь ко мнѣ ¹⁾ свела съ ума всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ поэзію, и прелестная рука переписала стихи ваши для меня. Простите любезнѣйшій Николай Михайловичъ, отвѣчайте на это письмо волею и неволею. Преданный вамъ всею душою Денисъ Давыдовъ.

XLII.

А. С. Пушкину.

23-го ноября (1835 г.) Москва.

Письмо твое съ Шеншинымъ я получилъ. Досадно, что Данилевскій отсѣкаетъ безъ всякаго основанія цѣлые періоды отъ статей моихъ ²⁾. Что дѣлать?! Я пока ни слова не намекну ему о томъ, боясь разсердить его. Онъ теперь пишетъ 12-й годъ ³⁾ и, пожалуй, съ сердцовъ вычеркнетъ изъ него и дѣла мои.

Между тѣмъ я, признаюсь, доволенъ его обзорѣмъ кампаніи 1814 года ⁴⁾. Происшествія изложены ясно, есть въ немъ документы неизвѣстные; ни одно выраженіе, конечно, не беретъ на штыки читателя, за то все сочиненіе проникнуто теплою любовью къ Россіи, что для меня, варвара, человѣка русскаго безъ всякой примѣси, Богъ знаетъ, какъ усладительно, особенно при настоящемъ духѣ обще-гражданства, разливаемого нашими школьниками—Ликургами съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ. Но неужели нельзя хвалить русскихъ войскъ безъ порицанія Наполеона? Это порицаніе причиною того, что все сочиненіе отзывается болѣе временемъ 1812 года,

¹⁾ Напечатана въ Собраніи стихотвореній Н. М. Языкова, т. II, стр. 56.

²⁾ Нѣкоторыя изъ статей Д. В. Давыдова были представлены на цензурѣ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

³⁾ «Описаніе Отечественной войны 1812 года» вышло первымъ изданіемъ въ 1839 году.

⁴⁾ Это обзорѣе сдѣлано въ «Запискахъ 1814 года». С.-Пб. 1831.

слогомъ Сергѣя Глинки, когда ненависть къ посягателю на честь и существованіе нашей родины внушала намъ одни ругательства на него, чѣмъ нашимъ временемъ, когда вражда къ нему забыта и геній его оцѣненъ безспорно и торжественно. Эти всѣ выходки Данилевскаго для чего? Онъ оттого похожъ на тѣхъ французовъ, которые, при вступленіи нашемъ въ Парижъ, навязавъ веревку на шею бронзовой статуи великаго человѣка, тащили ее съ вершины колонны на мостовую.

Ты спрашиваешь о Чаадаевѣ ¹⁾? Какъ очевидецъ, я ничего не могу сказать о немъ; я прежде не ѣзжалъ къ нему и теперь не ѣзжу. Я всегда почиталъ его человѣкомъ весьма начитаннымъ и, безъ сомнѣнія, весьма умнымъ шарлатаномъ въ безпрерывномъ пароксизмѣ честолюбія, но безъ духа и характера, какъ бѣлокурая кокетка, въ чемъ я, кажется, не ошибаюсь. С. рассказывалъ мнѣ весь разговоръ его съ нимъ, отъ доски до доски! Видя бѣду неминуемую, онъ признался ему, что писалъ этотъ пасквиль на русскую націю по возвращеніи изъ чужихъ краевъ во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь; какъ онъ старался свалить всю бѣду на журналиста и цензуру, на перваго—потому, что онъ очаровалъ его и увлекъ его къ дозволенію отдать въ печать этотъ пасквиль, а на послѣднюю—за то, что пропустила оный. Это просто гадко, но что смѣшно—это скорбь его о томъ, что скажутъ о признаніи его умалишеннымъ знаменитые его друзья и ученые: Балланшъ ²⁾,

¹⁾ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (род. 1793 г., ум. 1856 г.), офицеръ Семеновскаго и Ахтырскаго гусарскаго полка; авторъ извѣстныхъ «Философскихъ писемъ», въ которыхъ онъ проводитъ пессимистическій взглядъ на русскую жизнь и требуетъ полного перевоспитанія русскаго общества на началахъ католицизма, «животворящаго начала единства», олицетвореніемъ котораго является папство. Русское общество отнеслось очень враждебно къ воззрѣніямъ Чаадаева. Его «Письма» показались пасквилемъ на честь Россіи, а самого автора сочли даже за сумасшедшаго. Къ такому пониманію Чаадаева былъ близокъ, очевидно, и Давыдовъ.

²⁾ Балланшъ (род. 1776 г., ум. 1847 г.), французскій писатель. Въ своихъ сочиненіяхъ Балланшъ касается, между прочимъ, теологическихъ вопросовъ. Католицизмъ признается Балланшемъ съ точки зрѣнія искусства самою поэтической религіею.

Ламне ¹⁾, Гизо и какіе-то нѣмецкіе шустера-метафизики! Но полно, еслибъ ты не вызывалъ меня, я бы о немъ промолчалъ, потому что не люблю разочаровывать; впрочемъ, спроси у Тургенева, который на дняхъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ тебѣ, можетъ-быть, расскажетъ происшествіе не такъ, какъ я, и успокоитъ тебя на счетъ католички ²⁾.

Ты хочешь печатать оставшіяся строки отъ „Занятія Дрездена“. Напрасно. Ты увидишь, какъ статья будетъ гола. Я лучше пришлю тебѣ другую статью, а эту ты мнѣ возврати. Впрочемъ, какъ хочешь, все отдаю на волю моему отцу и командиру. Только, Бога ради, пришли мнѣ копію съ „Занятія Дрездена“, зачеркнувъ въ ней карандашемъ все то, что вычеркнули кровавыми чернилами. Присылай скорѣй, безъ замедленія, не клади въ долгій ящикъ, потому что у меня не осталось даже черновой тетради. Прости.

XLIII.

А. И. Михайловскому-Данилевскому.

22-го декабря 1835 года. С. Маза.

Сейчасъ прочиталъ я въ приказахъ о производствѣ вашемъ ³⁾, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ, и спѣшу васъ отъ всей души моей поздравить. Пора, пора и пора, — только жаль, что производство это сопрягается съ назначеніемъ въ сенаторы. Рано еще вамъ мѣнять поприще суда Божія на поприще суда человѣческаго — впрочемъ, сенаторство не мѣ-

¹⁾ Аббатъ де-Ламне (род. 1782 г., ум. 1854 г.), французскій философъ, основатель теологическаго скептицизма. Главный его трудъ: «Essai sur l'indifférence en matière religieuse», гдѣ авторъ старается доказать дѣйствительность вѣры въ Бога, откровенія, католичества.

²⁾ Екатерина Дмитриевна Панова, урожденная Улыбышева, къ которой былъ адресованъ рядъ извѣстныхъ «Философскихъ писемъ» Чаадаева въ теченіе 1829—1830 г.

³⁾ 6-го декабря 1835 г. А. И. Михайловскій-Данилевскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

шаетъ взмаху сабли, когда нужда потребуетъ. Была бы только гроза, зачернѣлась бы только туча на горизонтѣ, и мы явимся и, какъ алкіоны, выпечатаемся бѣлымъ пятномъ на черной тучѣ. За нами дѣло не станетъ, да то плохо, что грозы-то не предвидятся. Какъ не пожалѣть о нашей общей потерѣ, о благодѣтелѣ нашемъ Наполеонѣ! Этотъ добрый человекъ не оставлялъ насъ въ тоскѣ тунеядства. Нынѣ вѣкъ болтуновъ; все болтаетъ: и на кафедрахъ, и въ газетахъ, и въ гостиныхъ, а что изъ того проку? Бороды вмѣсто бакенбардовъ, длинные ногти и золотыя очки на носу! Намъ не для чего задирать другихъ. Слава Богу! Одной рукой хватаемся за Сѣверный мысъ, другою за Араратъ, а ступней въ срединѣ Европы; хоть бы насъ задрали, да кому! Европа въ халатѣ, безъ портокъ, ѣстъ, пьетъ и сплетничаетъ; ей тѣсенъ мундиръ и каска въ тягость! Итакъ, видно, намъ съ вами долго, а, можетъ-быть, и никогда уже не жить нашей истинной жизнью! Я 22-го января выѣзжаю отсюда въ Москву. Въ Москвѣ пробуду дня три и поскачу въ Петербургъ на нѣсколько дней. Первый мой выѣздъ будетъ къ вамъ или, лучше сказать, только-что пріѣду, сейчасъ дамъ вамъ знать о моемъ пріѣздѣ. Я нетерпѣливъ обнять васъ и поблагодарить за вашу милую благодѣтельную дружбу, ибо есть дружбы разнаго рода.

Я полагаю, что вы уже получили посылку мою съ двумя статьями для Смирдина. Пожалуйста не щадите его и при отдачѣ ему статей тутъ же отберите отъ него статьи общественнаго блага, то-есть, деньги. Двѣ тысячи рублей не могутъ быть нигдѣ лишними, особенно въ Петербургѣ.

Я съ собою привезу еще одну статью, довольно любопытную; это занятіе мною Дрездена. За нее я дешево не возьму, да вѣдаетъ о томъ Смирдинъ и Комп., ибо это статья изъ партизанскаго дневника моего. Во мнѣ возникла довольно оригинальная мысль года два тому назадъ: я вздумалъ всѣ выручаемыя мною деньги за сочиненія мои употреблять на прибавку жалованій учителямъ и на покупку книгъ дѣтямъ моимъ, а такъ, какъ вояжъ, предпринимаемый мною теперь, собственно

для старшаго моего сына, котораго я намѣренъ отдать въ 1837 году въ Институтъ путей сообщенія, то на эту поѣздку я употребляю деньги изъ этой суммы. Мнѣ хочется, чтобъ въ совершенномъ возрастѣ сыновей моихъ, они знали, что на воспитаніе ихъ употреблены были не однѣ деньги пшеничныя, но и тѣ, которыя я пріобрѣталъ головою. Это, можетъ-быть, послужитъ имъ примѣромъ, ибо хорошій примѣръ дѣйстви-тельное всякаго словеснаго наставленія.

Что вамъ болѣе писать изъ глухихъ степей нашихъ? У насъ выюги да мятели, и все тутъ. Итакъ, простите, до свиданія. Преданный вамъ душою Денисъ Давыдовъ.

XLIV.

А. С. Пушкину.

6-го января 1836 г. С. Маза.

Посылаю тебѣ, любезный другъ, стихи, сейчасъ мною написанные. Я объ нихъ могу кричать: „стихи горячіе“, какъ блинники кричатъ: „блины горячіе“; это челобитная Башилову. У меня есть каменный, огромный домъ въ Москвѣ, окно въ окно съ пожарнымъ депо. Въ Москвѣ давно хлопчуть о покупке дома для оберъ-полицеймейстера: я рѣшился предложить свой— вотъ о чемъ идетъ дѣло въ моей челобитной. Ты можешь напечатать ее въ „Современникѣ“, только повремени немного, хотя до 3-го номера. Главное дѣло въ томъ, чтобы моя челобитная достигла не столько поэтической, сколько положительной цѣли; пусть она сперва подѣйствуетъ на Башилова, понудивъ его купить мой домъ за 100000 рублей, а тамъ, въ случаѣ несогласія съ его стороны, да поступитъ она въ область фикцій вмѣстѣ съ своими надеждами и предпріятіемъ.

XLV.

А. С. Пушкину.

8-го февраля (1836 г.) Москва.

Полагая, что у тебя нѣтъ ни письма, ни стиховъ Жобара¹⁾, спѣшу доставить ихъ тебѣ, любезнѣйшій другъ. Хотя переводъ довольно плохъ, но есть вполнѣ смѣшныя мѣста; что касается до письма, я, читая его, хохоталъ какъ дуракъ. Этотъ Жобаръ — злая бестія, ловко доклевавшій журавля, подбитаго соколомъ. Преданный тебѣ душою.

XLVI.

А. С. Пушкину.

2-го марта 1836 г. Москва.

Твое „ты“²⁾ сняло съ меня 25 лѣтъ съ костей и связало мнѣ руки; я молодъ и веселъ. Теперь слово о журналѣ: Смирдинъ мнѣ давалъ по триста рублей за печатный листъ, съ тѣмъ, чтобы статьи, помѣщаемыя имъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, я имѣлъ право печатать въ особой книжкѣ. Какъ тебѣ угодно? Я съ тобой на все согласенъ, только увѣдомъ. Жаль, что не дождусь тебя въ Москвѣ; я сегодня ѣду въ мои степи. Баратынскій хочетъ пристать къ намъ, это не худо; Языковъ, вѣрно, будетъ нашимъ, надо бы и Хо-

¹⁾ Жобаръ, бывшій казанскій профессоръ, находился въ сильной враждѣ съ С. С. Уваровымъ. Жобаръ перевелъ стихотвореніе Пушкина «На выздоровленіе Лукулла» на французскій языкъ и отправилъ его къ Уварову, противъ котораго оно и было направлено, съ просьбою снабдить переводъ своими примѣчаніями для напечатанія его въ одной изъ бельгійскихъ газетъ.

²⁾ Ср. конецъ письма Давыдова къ Пушкину отъ 4-го апрѣля 1834 года.

мякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы въ комплектъ.

Боюсь за Данилевскаго, хотя онъ увѣряетъ меня въ своей пріязни, но, читая мою статью, онъ что-то сильно морщился. Но смѣлымъ Богъ владѣетъ, *et puis on peut lui faire des concessions*. Прости.

XLVII.

Н. М. Языкову.

25-го марта (1836 г.) С. Маза.

Я отъ васъ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, едва-едва дотащился въ саняхъ до Симбирска, гдѣ хотѣлъ было ихъ бросить, но какое-то наслажденіе бороться съ препятствіями понудило меня снова пуститься въ зимнемъ экипажѣ и я, плывя водою, ныряя по ухабамъ и тащась по голой землѣ, добрался до дома на полозьяхъ, гдѣ не взялъ еще нужной осѣдлости, чтобы приняться за работу. Закачало; въ головѣ еще пусто, перья еще не очинены и чернильница высохла. Приведя все въ порядокъ, пущусь помогать Пушкину ¹⁾).

Кстати о Пушкинѣ. Вы хотѣли имѣть адресъ его? Вотъ онъ: на Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста, въ домѣ Баташева.

Я нашелъ здѣсь кину номеровъ „*Journal des Débats*“, „Инвалида“ и экономическихъ журналовъ, меня дожидавшихся, но „Наблюдателя“ не нашелъ; видно, почтамтъ ошибкою доставляетъ его въ другое мѣсто. Также не нашелъ и „Библіотеки для чтенія“. Я полагаю, что Сенковскій съ сердцовъ за мои на него выходки не захочетъ присылать, ибо прежде журналъ этотъ присылаемъ былъ мнѣ даромъ.

Болѣе писать нечего изъ стеней моихъ, къ тому же я не сотресь съ себя еще грязи дорожной. Итакъ, простите до перваго прозаическаго или стихотворнаго изверженія. Преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

¹⁾ Пушкинъ сталъ издавать въ то время «Современникъ», въ которомъ сотрудничалъ Давыдовъ.

XLVIII.

А. С. Пушкину.

6-го апрѣля (1836 г.) С. Маза.

Я былъ у Языкова, который готовъ поступить подъ твои знамена. Увѣдомъ, Бога ради, пропуститъ ли цензура мою статью ¹⁾? Если возстанутъ противъ какихъ-нибудь словъ и даже цѣлыхъ періодовъ, я уполномочиваю тебя вымарать и измѣнить во всей статьѣ, что твоей душѣ будетъ угодно. Если же всю статью остановятъ въ таможи, я примусь вновь за работу и пришлю тебѣ другую.

Нѣтъ ли прижимки твоему журналу со стороны наследника Лукулла ²⁾? Я знаю, что „Наблюдатель“ ³⁾ охаетъ; рассчитывай на меня; я подъ твоимъ начальствомъ лихо буду служить. Кланяйся общимъ пріятелямъ нашимъ: Жуковскому, Вяземскому, и повергни меня къ стопамъ жены твоей.

XLIX.

В. А. Жуковскому.

14-го апрѣля 1836 г. С. Маза.

Любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ! У меня есть экземпляръ сочиненій твоихъ самаго перваго изданія ⁴⁾, подаренный мнѣ тобою и съ подписью твоей руки. Я бы могъ купить экземпляръ новаго, послѣдняго изданія, но онъ будетъ не отъ тебя и безъ твоей подписи. Пришли же мнѣ такой,

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о «Занятіи Дрездена».

²⁾ Намекъ на извѣстное стихотвореніе Пушкина «На выздоровленіе Лукулла».

³⁾ Журналъ «Московскій Наблюдатель» началъ издаваться съ 1835 г. подъ редакціей В. П. Андросова.

⁴⁾ Стихотворенія В. Жуковскаго. 2 части. С.-Пб. 1815-1816.

какого мнѣ хочется, и тѣмъ одолжишь стариннаго друга очень и очень.

Мнѣ Пушкинъ пишетъ, что ты въ журналъ его далъ такіе стихи ¹⁾, что мой бѣдный локонъ дыбомъ станетъ отъ восторга. Ожидаю съ нетерпѣніемъ появленія этого журнала. И мое дѣтище должно быть тамъ, если попутный вѣтеръ перенесъ его между шкеръ и таможенныхъ заставъ петербургской цензуры.

Я не могу забыть пріятнѣйшаго вечера и утра, проведенныхъ у тебя, и вообще краткаго, но и веселаго пребыванія моего въ Петербургъ. Я какъ будто снова отскочилъ въ прошедшее, встрѣтись съ тобой и Вяземскимъ, товарищами лучшихъ дней моей жизни! Если Богъ приведетъ, я скоро опять увижусь съ вами и не на короткій уже срокъ: будущую весну везу двухъ сыновей, одного въ Институтъ путей сообщенія, а другого въ Училище правовѣдѣнія, и слѣдственно, пока помѣщу ихъ, пока увижу, какъ они за дѣло принимаются, поживу съ вами; а тамъ буду ежегодно раза два производить партизанскіе наскоки для надзора за ними. Смотрите же, прошу не старѣть до того времени и брать примѣръ съ меня, а если вздумаете старѣть, то, чуръ, вмѣстѣ. Охъ, тяжелое это дѣло! Какъ я ни храбрюсь, а все чувствую, что не тотъ уже, что былъ! Прошедшую войну въ Польшѣ сталъ уже укрываться отъ непогоды; дай уже шалашъ, тогда какъ прежде весь шалашъ состоялъ въ чаркѣ водки; сталъ кряхтѣть на сѣдлѣ при усиленномъ переходѣ, чего я никогда не дѣлалъ и не понималъ, какъ можно это дѣлать. Однако недавно сломалъ два важные похода, одинъ изъ Москвы сюда въ самую ужасную ростопись, а другой на волка, за которымъ по приволжскимъ степямъ моимъ гнался во весь скокъ около двадцати верстъ и котораго наконецъ побѣдилъ. Впрочемъ, послѣдній подвигъ не стоитъ перваго; путь изъ Москвы сюда былъ гораздо труднѣе: я плылъ, топился, ползъ по голой землѣ, обрывался въ зажоры и часто ночевалъ въ полѣ подъ проливнымъ дождемъ,

¹⁾ «Ночной смотръ» напечатанъ въ «Современникѣ» 1836 г., т. 1.

что не такъ-то покойно въ перекладной, открытой повозкѣ, — за то пріѣхалъ домой, какъ голубь Лафонтена, таща крыло и хромя. Прости другъ любезный и вѣрь неколебимой дружбѣ вѣрнаго друга Дениса.

Л.

А. И. Михайловскому-Данилевскому.

3-го мая 1836 г. С. Маза.

Письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, отъ 17-го апрѣля я третьяго дня получилъ. Повторяю вамъ: готовъ всѣми силами помогать вамъ въ трудѣ вашемъ доставленіемъ всего того, что у меня и въ памяти, и въ портфелѣ. Начинаю присылкою вамъ двухъ моихъ брошюръ: 1-я, „Замѣчанія на некрологію Раевского“; 2-я, „Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона“, диктованныхъ Гурго на островѣ св. Елены. О послѣдней говорено было въ „Revue Encyclopédique“, гдѣ между прочимъ сказано ¹⁾: *Là fut toute sa faute (le séjour trop prolongé à Moscou), de là vinrent tous les désastres de notre armée et le témoignage d'un écrivain russe, qui se montre aussi impartial que zélé pour la gloire de son pays, devra être d'un grand poids aux yeux de l'histoire. M. Davuidof, nous aimons à le reconnaître, a conservé dans cette discussion toute la décence et la dignité que l'on pouvait attendre d'un homme digne d'apprécier le mérite militaire, et que son esprit et ses talens ont rendu aussi célèbre dans la société que sur les champs de bataille* ¹⁾. „Sol-

¹⁾ «Revue Encyclopédique» 1828 г., t. XXXVII, p. 450. Переводъ. «Въ этомъ заключалась вся ошибка (слишкомъ продолжительное пребываніе въ Москвѣ), отсюда всѣ бѣдствія нашей арміи, а свидѣтельство русскаго писателя, который является настолько же безпристрастнымъ, насколько и ревностнымъ къ славѣ своей страны, должно имѣть большое значеніе въ глазахъ исторіи. Мы считаемъ пріятнымъ своимъ долгомъ признать, что Давыдовъ въ этомъ разборѣ сохранилъ все приличіе и достоинство, какого можно было ожидать отъ человѣка, способнаго оцѣнить военныя заслуги, и который, благодаря своему уму и талантамъ, сдѣлался на столько же извѣст-

dat lui-même, il a respecté“, dit-il, „la gloire du premier soldat de tous les siècles et la mémoire de celui que quelques-uns de ses anciens serviteurs, de ceux même qu'il avait comblés de bienfaits, ont eu plus d'une fois la lâcheté d'insulter et de calomnier“.

Въ этихъ двухъ брошюркахъ вы найдете кой-что не мало интереснаго относительно къ Отечественной войнѣ. Первую я посылаю вамъ для того, что въ ней находятся нѣкоторыя опроверженія сказаніямъ Бутурлина ¹⁾. Онѣ писаны были самимъ Раевскимъ и имъ самимъ были ко мнѣ присланы еще въ 1817 году. Последняя—не полна; у меня былъ экземпляръ въ рукописи полнѣе, то-есть, съ бѣльшимъ числомъ документовъ, опровергающихъ слова Наполеона, но тетрадь эта у Смирдина, имѣющаго намѣреніе помѣстить эту статью въ книгѣ, въ которой онъ помѣститъ всѣ отдѣльныя статьи мои ²⁾.

Партизанскій дневникъ мой я прежде зимы не могу вамъ доставить; онъ много измаранъ; надо будетъ переписать его. Къ этому времени я надѣюсь выдать четвертое изданіе „Опыта теоріи партизанскаго дѣйствія“ ³⁾, оно вылило въ другую форму и много исправлено по совѣту знающихъ свое дѣло военныхъ людей, между прочимъ незабвеннаго Бурцова ⁴⁾, убитаго за

нымъ въ обществѣ, какъ и на поляхъ битвы. «Будучи самъ солдатомъ», говоритъ Давыдовъ, «онъ не переставалъ отдавать справедливость первому солдату вѣковъ и міра и уважать память того, который вызывалъ неоднократно безстыдные нареканія и малодушныя оскорбленія нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ и даже людей, осыпанныхъ его благодареніями».

¹⁾ Давыдовъ разумѣетъ сочиненіе гр. Д. П. Бутурлина: «Исторія нашествія императора Наполеона въ 1812 году». С.-Пб. 1823—1824.

²⁾ Авторъ разумѣетъ здѣсь изданіе 1840 г., которое, судя по цензурной помѣтѣ, было уже готово въ 1837 году.

³⁾ Авторъ, вѣроятно, ошибся, такъ какъ въ печати извѣстны только два изданія «Опыта»: 1821 и 1822 годовъ.

⁴⁾ Генералъ - майоръ Иванъ Григорьевичъ Бурцовъ за участіе въ событіяхъ 1825 года былъ заключенъ въ крѣпость, а отсюда отправленъ на службу въ Грузію, гдѣ состоялъ при Паскевичѣ. По воспоминаніямъ С. П. Шипова, Бурцовъ «былъ человѣкъ превосходныхъ душевныхъ качествъ, весьма даровитый, необыкновенно основательно образованный». «У меня нѣтъ теперь въ арміи такого Бурцова», говорилъ мнѣ—прибавляетъ Шиповъ—фельдмаршалъ Паскевичъ въ Варшавѣ въ 1838 году». Бурцовъ былъ убитъ въ Турецкую войну въ сраженіи подъ Бейбумомъ въ 1828 году. (Русскій Архивъ 1878 г., кн. II, стр. 154).

Арцрумомъ и обѣщавшаго намъ отличнаго полководца. Въ этомъ „Опытѣ“ будетъ вся сущность партизанскаго искусства для русскихъ войскъ.

Наконецъ, пришлю вамъ и обѣщенные мною документы, только съ тѣмъ, чтобы никто не зналъ, что вы ихъ отъ меня имѣете. Сверхъ того не только даю вамъ право, но прошу васъ не щадить меня вопросами о подробностяхъ каждаго случая, событія и обстоятельства этого безсмертнаго похода. Я много знаю и врядъ ли не болѣе многихъ, а для узнанія того, что я не знаю, укажу вамъ на знающаго. Словомъ, прошу располагать мною по вашей волѣ и желанію; я вашъ батракъ отъ всей души. Болѣе писать некогда; почта не ждетъ, пора печатать письмо; обнимаю васъ, Денисъ Давыдовъ.

II.

А. С. Пушкину.

18-го мая (1836 г.) С. Маза.

Правда твоя, видно какая-нибудь нѣмецкая вѣдьма особаго рода стоитъ горой за Дрезденъ и Винценгероде ¹⁾. Вотъ я другой разъ въ дуракахъ отъ этого проклятаго городишки, и Чернышевъ другой разъ спасаетъ Винценгероде: первый разъ отъ французскихъ жандармовъ, которые везли его во Францію на закланіе, въ другой разъ отъ анаѣемы, воспѣтой мною его поганой памяти. Это, право, замѣчательно. Надо, чтобы въ 1812 году Чернышевъ, шедшій съ партією казаковъ отъ Бреста къ Полоцку, неожиданно повстрѣчалъ Винценгероде тамъ, гдѣ онъ уже не имѣлъ никакой надежды на спасеніе и избавилъ его отъ неминуемой смерти. Двадцать-три года спустя, во время управленія Чернышевымъ министерствомъ, я вздумалъ потѣшиться надъ этимъ человѣкомъ, но онъ продолжаетъ прикрывать его своею эгидою и за предѣлами гроба; это, впрочемъ, съ его стороны и честно, и благородно. Если

¹⁾ Дѣло идетъ о статьѣ Давыдова «Занятіе Дрездена».

онъ и ему подобные допускаются въ рай и молитвы ихъ доступны Всевышнему, Чернышевъ пріобрѣлъ себѣ важнаго покровителя, но если слабости наши сопутствуютъ намъ и на тотъ свѣтъ, то защита его втуне. Неблагодарность Винценгероде не измѣнила ему, онъ тамъ то же говорить о Чернышевѣ, что говорилъ мнѣ здѣсь во время выговора, дѣлаемаго мнѣ за взятіе Дрездена; онъ въ пылу гнѣва разразился на партизановъ вообще и разругалъ не столько меня, сколько самого Чернышева. Какъ бы то ни было, но эскадронъ мой, опрокинутый, растрепанный и изрубленный саблею прошу тебя привести въ порядокъ; надо убитыхъ похоронить, раненыхъ отдать въ лазаретъ, а съ оставшимися всадниками „ура!“ и снова въ атаку. Такъ дѣлывалъ я въ настоящихъ битвахъ; солдату грѣшно унывать, надо либо пропасть, либо врубиться въ паршивую колонну. Одного боюсь я: какъ ты уладишь, чтобы, при исключеніи погибшихъ, сохранить въ эскадронѣ связь и единство! Возьми этотъ трудъ уже на себя, Бога ради; собери растрепанные части и сдѣлай изъ нихъ нѣчто цѣлое. Между тѣмъ не замедли прислать мнѣ чадо мое (рукопись), пострадавшее въ битвѣ; дай мнѣ полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные въ неравной борьбѣ, смѣло предпринятой и храбро выдержанной, я его до поры и до времени оставляю дома. Это мнѣ приводитъ на память Берниса, который былъ относительно кардинала Флѣри въ томъ же положеніи, какъ я относительно Чернышева; Флѣри сказалъ съ гнѣвомъ Бернису: „Tant que je vis, monsieur, vous n'imprimerez pas ce mandement“, на что тотъ отвѣчалъ: „eh bien, monseigneur, j'attendrai“. Если я успѣю, то пришлю тебѣ къ 2-му номеру, а если нѣтъ, то къ 3-му такой эскадронъ, который пройдетъ чрезъ все, носъ къверху, фуражка на бекрень и съ сигаркою въ зубахъ, какъ бывало я хаживалъ въ трактирахъ мимо общества приказныхъ. Пожалуйста присылай мнѣ рукопись искаженную, которую, умираю, хочу видѣть въ этомъ положеніи. Прости.

Журнала твоего я еще не получалъ.

III.

А. С. П у ш к и н у.

8-го іюня (1836 г.) С. Маза.

Сдѣлай милость, отсѣки весь хвостъ у статьи моей „О партизанской войнѣ“ отъ самаго слова „въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ“ и приставь хвостъ, тебѣ присылаемый; кажется, онъ будетъ лучше. При всемъ томъ прошу тебя исправить слогъ во всей статьѣ; я писалъ ее во всѣ поводы, слѣдственно, перескакивалъ чрезъ кочки и канавы; надо однѣ сгладить, другія завалить фашинникомъ, а твой фашинникъ—изъ вѣтвей лавровыхъ. Весь твой.

Р S. Стихи къ Башилову, названные мною „Челобитной“, можешь печатать хоть сейчасъ.

III.

Н. М. Я з ы к о в у.

14-го іюня (1836 г.) С. Маза.

Авось письмо это еще застанетъ васъ въ Языковѣ, любезнѣйшій Николай Михайловичъ, и потому адресую его прямо туда. Я вчера получилъ письмо отъ Вяземскаго изъ Петербурга. Онъ пишетъ мнѣ, что Пушкинъ былъ въ Москвѣ и оттуда только что воротился въ Петербургъ. Я къ нему послалъ важную статью „О партизанской войнѣ“ въ замѣну погибшей отъ меча военнаго министра „Занятіе мною Дрездена въ 1813 году“. Надѣюсь, что эту пропустятъ даже и безъ задержанія въ карантинѣ. Жаль мнѣ покойницу: какая лихая наѣздница была, помяни ее Господи! Мнѣ Вяземскій пишетъ, вотъ слова его: „Знаетъ ли Языковъ мое посланіе къ нему, напечатанное во второмъ томѣ „Новоселья“¹⁾? Если знаетъ, что онъ не от-

¹⁾ «Новоселье» литературный сборникъ, вышедшій въ двухъ частяхъ С.-Пб. 1833—1834.

кликнется?“ Прошу же мнѣ дать отвѣтъ, отчего вы не откликаетесь или сами ему скажите, будучи въ Москвѣ, гдѣ онъ будетъ въ іюнѣ. Я завидую вамъ; хотя я неразлучно былъ съ нимъ всѣ десять дней пребыванія моего въ Петербургѣ, но съ этимъ человѣкомъ не устанешь быть и десять, и столѣтъ потому, что какъ онъ ни уменъ и не милъ, а душа и сердце его очаровательнѣе еще ума его.

Посылаю вамъ „Челобитную“ мою Башилову, предѣдателью строительной комиссіи въ Москвѣ, отцу поэта Башилова. Я прошу его, чтобъ онъ постарался купить для оберъ-полицеймейстера домъ мой, каменный, огромный, на Пречистенкѣ, окно въ окно съ депо пожарнымъ. Стихи довольно удачно набросаны, ждутъ только одобренія парнаскаго моего отца и командира, котораго обнимаетъ Денисъ Давыдовъ.

LIIV.

А. С. П у ш к и н у.

20-го іюня (1836 г.)

Ты меня, любезный другъ, забылъ совсѣмъ; ты мнѣ обѣщалъ прислать 1-й номеръ журнала, а его по сю пору нѣтъ; вотъ и 2-й номеръ на дворѣ, а 1-й все еще не ѣдетъ. Увѣдомь, получилъ ли ты мою статью „О партизанской войнѣ“ и еще къ ней *variante*. Это все послано съ Шеншинымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы ты эту статью напечаталъ прежде „Занятія Дрездена“, вполнѣ охолощеннаго. Возврати мнѣ искаженную рукопись, которая мнѣ необходима.

Въ „Пчелѣ“ ¹⁾ есть ругательства на „Современникъ“, по слогу видно, Булгаринъ машетъ...., нельзя ли махнуть

¹⁾ Давыдовъ, очевидно, здѣсь ошибся. Въ «Сѣв. Пчелѣ» 1836 г., апрѣля 17-го, была, напротивъ, помѣщена статья, въ которой авторъ возстаетъ противъ несправедливыхъ нападокъ на «Современникъ», появившихся въ «Библіотекѣ для чтенія» 1836 г., т. XV, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что «Современникъ есть родъ бранно-періодическаго журнала».

его ладонью по ланитѣ, какъ нѣкогда махнулъ ты его въ „Литературной Газетѣ“ ¹⁾). Не забудь прислать 1-й номеръ журнала и мою тетрадь.

Слава Богу, всѣ мои насмѣшки на свадьбу К. даромъ; онъ не женится; это были лишь пустые московскіе слухи.

LV.

А. С. Пушкину.

7-го іюля (1836 г.) С. Маза.

„Очи“ не позволяю тебѣ печатать ни за что, даже и безъ подписи ²⁾), но „Челобитная“ къ твоимъ услугамъ. Не хочешь ли двухъ эпиграммъ ³⁾? Тисни ихъ безъ подписи (то-есть, эпиграммы, а не „Челобитную“, подъ которой непременно нужно подписать мое имя). Первая эпиграмма не принадлежитъ почти мнѣ, она мнѣ внушена Вяземскимъ, а я ее переложилъ въ стихи; вторая же хоть и моя, да плоска, она съ мыслью не новою, а потому мнѣ не нравится. Посылаю тебѣ еще мадригалъ — подражаніе Вольтеру, мнѣ противны первые четыре стиха. Передѣлай ихъ по-своему и пусти ихъ въ ходъ безъ моей подписи.

Ты теперь долженъ получить уже вторую статью мою и *vigilante* къ ней ⁴⁾), она была послана чрезъ Шеншина; если онъ въ Петербургѣ, это все уже у тебя, если же его нѣтъ, то пролежить до его возвращенія, ибо застраховано. Я на-

¹⁾ Намекъ на статьи Пушкина «О запискахъ Видока» (Литер. Газета 1830 г., № 20), гдѣ все сказанное о Видокѣ, начальникъ тайной полиціи, относится къ Булгарину. Качества Видока—честолюбіе, шпіонство, доносы и т. п.

²⁾ «Очи»—первоначальное заглавіе стихотворенія: «Я помню, глубоко»... Первые строки письма вызваны словами Пушкина въ письмѣ къ Давыдову отъ мая 1836 г.: «Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твой «Очи» безъ твоего позволенія: я бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени?»

³⁾ Эпиграммы №№ LXXVII, LXXVIII.

⁴⁾ «О партизанской войнѣ».

дѣю ъ, что ты будешь доволенъ этой статьей, она отрывокъ изъ любимаго сочиненія моего, которое я кончаю. Боюсь, что „Дрезденъ“ ¹⁾ будетъ очень плохъ безъ Винценгероде, это останется на твоей совѣсти, ты пожелалъ имѣть это въ своемъ журналѣ.

Увѣдомъ, куда адресовать тебѣ письмо? я же пускаю на удачу, на Каменный Островъ. Продолжаешь ли ты занимать домъ Баташева или перемѣнилъ, и чья дача, на которой ты живешь?

LVI.

А. М. и Н. М. Языковымъ.

3-го февраля (1837 г.). Москва, на Пречистенкѣ, въ собств. домѣ.

Знаете ли нашу общую горестъ? Пушкинъ, нашъ славный Пушкинъ, убитъ на дуэли! Онъ приревновалъ жену свою — и, какъ все увѣряютъ, напрасно, она даже и не кокетствовала, а какой-то Дантесъ, кавалергардскій офицеръ (и побочный сынъ Голландскаго короля) давно искалъ уже всеми ередствами компрометировать ее въ обществѣ. Пушкинъ закипѣлъ какъ Отелло, вызвалъ Дантеса на дуэль, ранилъ его сильно, но самъ палъ. Пуля вошла въ брюхо и остановилась въ кишкахъ; онъ умеръ чрезъ три часа по полученіи раны. Я такъ разстроенъ этимъ извѣстіемъ, что нѣтъ силъ писать вамъ болѣе. *C'est une calamité publique.* Обнимаю васъ. Денисъ Давыдовъ.

Вчера были у насъ Хомяковъ съ Екатериной Михайловной.

¹⁾ «Занятіе Дрездена 1813 года».

LVII.

А. П. Ермолову.

20-го марта 1839 г. С. Маза.

Я вѣрно четыре раза писалъ Евдокиму ¹⁾, почтеннѣйшій братъ Алексѣй Петровичъ, чтобы онъ увѣдомилъ меня о вашемъ подагрическомъ припадкѣ, то ему слѣдовало бы на сей счетъ меня и успокоить. Но онъ молчалъ, и обязанность его взяла на себя петербургская газета, въ которой я, къ удовольствію моему, увидѣлъ, что 20-го февраля вы пріѣхали въ Петербургъ. Итакъ, слава Богу, подагра съ плечъ долой, или лучше съ ногъ долой! Дай Богъ никогда уже ей не посѣщать васъ и возвратиться въ Сенатъ, гдѣ ея вѣчная главная квартира. Спустя нѣсколько дней по прочтеніи въ газетѣ о вашемъ пріѣздѣ, я получилъ и отъ моего Васи извѣстіе о томъ же, но онъ къ извѣстію этому прибавляетъ, что, какъ кажется ему, вы въ Петербургѣ не надолго; я же съ своей стороны полагаю, что вы, конечно, проведете тамъ Святую недѣлю. Пишу къ вамъ туда, желая, чтобы письмо мое васъ еще тамъ застало, ибо оно заключаетъ въ себѣ просьбу и вотъ какую.

Вы помните, что два года тому назадъ, т-е-есть, 1837 года октября 3-го я подалъ графу Орлову записку, въ которой просилъ его объ исходатайствованіи у государя императора перемѣщенія праха незабвеннаго нашего героя князя П. И. Багратіона изъ пустыннаго села Сима, Владимирской губерніи. Орловъ въ ту же минуту отнесъ записку мою къ государю, а его величество изволилъ передать ее военному министру съ тѣмъ, чтобы по ней было исполнено въ свое время; Орлову же изволилъ сказать, что прахъ этотъ перенесенъ будетъ на Бородинское поле и погребенъ у памятника.

Открытіе памятника, кажется, будетъ лѣтомъ. Перемѣщеніе праха князя Багратіона требуетъ заблаговременнаго распоряженія

¹⁾ Генераль-маіоръ Е. В. Давыдовъ (ум. 1842 г.), младшій братъ Д. В. Давыдова.

и предписаній въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ этомъ дѣлѣ должны нѣсколько соучаствовать и коимъ нужно будетъ употребить нѣсколько времени для приведенія въ исполненіе предписаннаго. Мѣста эти—Синодъ и Владимирское губернское правленіе. Сверхъ того, если честь сего перемѣщенія возложена будетъ на меня—честь, которую я приму за истинное благодѣяніе, (и на которую, впрочемъ, я имѣю все право и потому, что я былъ болѣе времени, чѣмъ другіе, адъютантомъ князя и потому, что я подалъ мысль о перемѣщеніи его праха и хлопочу о томъ), то мнѣ нужно будетъ получить на сіе предписаніе военнаго министра заблаговременно, дабы имѣть время распоряжаться по сему случаю.

Я писалъ дежурному генералу Клейнмихелю и просилъ его доложить о томъ графу Чернышеву. Но такъ какъ вы теперь въ Петербургѣ, почтеннѣйшій братъ, то не можете ли вы сдѣлать мнѣ милость поговорить о томъ съ графомъ и уладить такъ, чтобы до выѣзда еще вашего изъ Петербурга все это распоряженіе было сдѣлано, и предписанія разосланы во все тѣ мѣста, въ которыя ихъ слѣдуетъ разослать? Вы крайне обязали бы меня; сдѣлайте милость, не откажите мнѣ въ этомъ.

Болѣе писать изъ снѣжныхъ степей моихъ нечего, скажу только, что я съ нѣкотораго времени все боленъ; ревматизмы одолѣваютъ! Это слѣдствіе бивуачной жизни. Поневолѣ вспомнишь слова генерала въ какой-то французской піесѣ: „La gloire! Ça ne donne que des rhumatismes; c'est le seul bien qu'on ne nous conteste pas“ ¹⁾.

Простите, почтеннѣйшій братъ! Въ маѣ, если Богъ дастъ жизни и здоровья, надѣюсь васъ увидѣть въ Осоргинѣ ²⁾ или въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ. Преданнѣйшій всей душою братъ Денисъ.

¹⁾ Подмосковная деревня А. П. Ермолова.

²⁾ Переводъ. Слава! Она даетъ только одно неоспоримое благо — ревматизмы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо императору Александру I.

(1814—1815 г.) ¹⁾.

Sire! Un sort que je crois injuste accable au sein de Vos états un homme que le hazard a si longtemps épargné aux champs d'honneur; daignez jeter un regard d'indulgence non point sur mes services, mais sur la douleur d'un soldat qui n'a pas mérité d'y être en proie. Je ne prétends point rappeler à Votre Majesté les journées où j'ai combattu; leur fréquence est leur unique mérite, je le sais et le peu d'éclat qu'elles ont jetté sur ma vie est trop payé par le souvenir d'une conscience sans tâches; non, Sire, je ne prétends pas m'étendre sur les détails d'une carrière peu féconde en exploits dignes de Vous être présentés... L'histoire de ma vie se réduit à deux mots: quatorze ans de travaux militaires et pas un reproche à me faire. En Prusse, en Turquie, en Russie, en Allemagne et en France, partout où Votre Majesté eut des ennemis, mon bras les a combattus, et le titre de général qui m'a été accordé dernièrement, devint enfin le prix de mes services. Un ordre que les autorités militaires ont

¹⁾ Настоящее письмо было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1814 году Давыдовъ получилъ за Краонское сраженіе чинъ генераль-маіора, а въ концѣ того же года было приказано переименовать его изъ генераль-маіоровъ въ полковники, какъ произведеннаго по ошибкѣ. Оскорбленный такого рода произволомъ, Давыдовъ и рѣшился обратиться къ государю съ настоящимъ письмомъ. Въ 1815 году ему былъ возвращенъ генеральскій чинъ.

annoncé en Votre auguste nom me parait irrévocable et je ne balançais plus à prendre les attributs de mon grade, quand tout-à-coup je me vis par un arrêt, que je ne puis encore comprendre, dépouillé des honneurs qu'il avait plu à Votre Majesté d'accorder au plus zélé de ses soldats. Daignez, Sire, un seul instant être mon juge et Vous rappeler que je n'ai point sollicité la recompense de mes faibles services, mais du moment qu'elle m'a été accordée, j'ose Vous demander qu'elle me soit laissée, d'autant plus que Votre Majesté a dû se convaincre plus d'une fois, qu'au défaut de talents supérieurs, j'ai toujours fait preuve des premiers vertus d'un soldat.... d'un dévouement sans bornes et d'un amour ardent pour la gloire de Vos armes, sentiments qui ne sont jamais sortis de mon coeur et que j'ai si souvent appuyés par des actions si non glorieuses, du moins toujours honorables. L'ex-général Denis Davidoff¹⁾.

¹⁾ Переводъ письма. Государь! Несправедливый рокъ обременяетъ въ вашей державѣ челоуѣка, котораго судьба сохранила такъ долго на поляхъ чести! Соболаговолите взглянуть взоромъ снисходительнымъ не на мои заслуги, а на горестъ солдата, который не заслужилъ подобной участи. Я не позволю себѣ напомнить вашему величеству дни сраженій, въ которыхъ я участвовалъ: ихъ число составляетъ только ихъ достоинство, знаю это, и потому блескъ ихъ оставилъ во мнѣ одно воспоминаніе, что жизнь и совѣсть моя остались безупречны. Нѣтъ, Государь, не буду утруждать васъ подробностями моей службы, недостойной вашего вниманія; она выразится двумя словами: четырнадцать лѣтъ военнаго поприща и ни одного упрека. Въ Пруссіи, Турціи, Швеціи, Россіи и Германіи, вездѣ, гдѣ у вашего величества были враги, я сражался съ ними и чинъ генеральскій былъ недавно наградой моей службы. Я смѣлъ думать, что ваша воля, объявленная военными властями, непреложна, и не колебался надѣтъ на себя знаки моего новаго достоинства; какъ вдругъ, по произволу, котораго я до сихъ поръ не понимаю, я былъ лишенъ почестей, которыми ваше величество почтили самаго усерднаго изъ вашихъ солдатъ. Соболаговолите, Государь, быть моимъ судьей; удостойте вспомнить, что не я ходатайствовалъ о награжденіи моихъ слабыхъ заслугъ, но, получивши награду, позвольте мнѣ просить васъ оставить ее за мною, ибо ваше величество могли неоднократно убѣдиться, что во мнѣ живетъ одно достоинство солдата, взамѣнъ высшихъ талантовъ эта безпредѣльная преданность и горячая любовь къ славѣ вашего оружія, эти чувства никогда не выходили изъ моего сердца, и я ихъ всегда поддерживалъ дѣянiami, если не славными, то всегда достойными. Бывшій генераль-маіоръ Денисъ Давыдовъ.

II.

Письма П. Д. Киселеву.

7-го августа 1819 г.

.... Радъ очень, что ты въ упреки всѣхъ предсказателей и астрологовъ сошелся съ графомъ Витгенштейномъ ¹⁾; иначе не могло быть съ человѣкомъ открытаго характера и молодцомъ душою и дѣлами. Ей-ей сожалѣю, что я тебя старше по службѣ, — право съ удовольствіемъ послужилъ бы съ тобою. Впрочемъ, увѣренъ, что сожалѣніе мое не долго продлится; если уже назначено мнѣ судьбою быть обойденнымъ, то пусть лучше обойдетъ умный и дѣятельный человѣкъ, какъ ты, нежели какой-нибудь лѣнивый скотъ, въ грязи валяющійся. Божусь, что я это отъ души говорю. Люди прошедшаго столѣтія не поймутъ меня, ибо ихъ мысли и чувства падали къ стопамъ Екатерины, Зубова ²⁾ и Грибовскаго! ³⁾ Слова: отечество, общественная польза, жертва честолюбія и жизни для нея — извѣстны были только въ отношеніи къ власти, отъ которой они ждали взглядъ, кусокъ эмали или нѣсколько тысячъ бѣлыхъ негровъ. Впрочемъ, я не говорю, что я хочу всегда подъ тобою остаться. Нѣтъ, дай Богъ послѣ и мнѣ быть тебя чиновище, то-есть, полезнѣе Россіи, ибо первое у меня цѣнится послѣднимъ. „C'est l' utilité qui donne la valeur“, говоритъ Сей, и сіе слово я отношу какъ къ государственному хозяйству, такъ и нашему быту. Вспомни, что Вяземскій сказалъ обо мнѣ въ посланіи своемъ:

Врагамъ былъ грозенъ не по чину,
Друзьямъ — ты не по чину милъ.

¹⁾ Между Киселевымъ и Витгенштейномъ существовалъ одно время разладъ, вызванный назначеніемъ П. Д. Киселева въ 1819 году начальникомъ штаба 2-ой арміи.

²⁾ Платонъ Александровичъ Зубовъ — фаворитъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II.

³⁾ Адрианъ Моисеевичъ Грибовскій — статсъ-секретарь Екатерины II, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при дворѣ.

Тогда и я стоилъ болѣе многихъ, даже полезныхъ людей. Теперь— я какъ червонецъ въ денежныхъ погребѣхъ графини Браницкой! ¹⁾ Но погоди, кто знаетъ, что будетъ? Можетъ-быть, перевороты государственные вытащатъ сундуки изъ-подъ сводовъ, и червонцы въ курсъ пойдутъ.

Каталогъ твой о нынѣшнихъ и будущихъ занятіяхъ твоихъ весьма хорошъ. Дай Богъ тебѣ исполнить все, что ты предпринимаешь, ибо рвеніе твое имѣетъ цѣлью общую пользу. Я тебя всегда любилъ, ты знаешь это; но теперь тебя болѣе и болѣе почитаю при каждомъ о тебѣ извѣстіи. Продолжай, братъ, дави могучею стопою пресмыкающихся!

Ко мнѣ прислали на тысячу рублей книгъ. Я теперь весь зарытъ въ нихъ и предпринялъ курсъ фортификаціи въ Бусмарѣ, государственное хозяйство въ Сеѣ и *politique constitutionnelle* въ Benjamin Constant и Bentham, коихъ у меня полныя сочиненія. Времени много передъ руками; давай учиться, тѣмъ свободнѣе, что мѣсто начальника штаба совершенно пустое. Выпиши себѣ *Oeuvres de Benjamin Constant* и *Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la tribune nationale*. 4 vol. Не всѣмъ имѣть Мониторъ. Препятствія интересныя сочиненія! Иногда на досугъ взглянешь въ нихъ и будешь ими доволенъ. Денисъ Давыдовъ.

15-го ноября (1819 г.).

Душная моя должность ²⁾, какъ тюрьма, гаситъ даже воображеніе мое; въ него такъ много вкралось прозы, что я себя не узнаю. Заговорили было, что Австрія на насъ вооружается; отъ радости трубка упала изъ зубъ моихъ, и я взглянулъ на саблю мою, снѣдаемую ржавчиной, но векорѣ узналъ, что штыки нѣмецкіе поднялись на мысли народныя, то-есть, я

¹⁾ Графиня А. В. Браницкая, племянница князя Г. А. Потемкина, впоследствии оберъ-гофмейстера при императорѣ Николаѣ I, известная въ свое время богачка.

²⁾ Д. В. Давыдовъ занималъ тогда должность начальника корпуснаго штаба въ Кременчугѣ.

увидѣлъ, что они намѣрены колоть воздухъ, — и я со вздохомъ велѣлъ закурить трубку и раскрылъ воинскій уставъ о пѣхотной службѣ. Да проститъ мнѣ Михаилъ идеологъ! ¹⁾ Скучное время пришло для нашего брата солдата! Что мнѣ до конституціонныхъ преній! Признаюсь въ эгоизмѣ. Ежели бы я не владѣлъ саблею, и я, можетъ-быть, искалъ бы попроща свободы, какъ и другой; но, обнаживъ ее разъ съ тѣмъ, чтобы никогда не выпускать изъ руки, я знаю, что и при свободномъ правленіи я буду рабомъ, ибо все буду солдатомъ. Двадцать лѣтъ идя одной дорогой, я могу служить проводникомъ по ней, тогда какъ по другой я слѣпецъ, которому нужно будетъ схватиться за поясъ другого, чтобы идти безопасно. Мнѣ жалокъ Орловъ съ его заблужденіемъ, вреднымъ ему и бесполезнымъ обществу; я ему говорилъ и говорю, что онъ болтовнею своею воздвигаетъ только преграды въ службѣ своей, которою онъ могъ быть истинно полезнымъ отечеству. Какъ онъ ни дюжъ, а ни ему, ни бѣшенному Мамонову ²⁾ не стряхнуть абсолютизма въ Россіи. (Онъ) долго еще будетъ... тѣмъ свободнѣе, что, разслабясь ночью грезой, она сама не хочетъ шевелиться, не только привстать разомъ. Но мнѣ онъ не внимаетъ. Опровергая мысли Орлова, я также не совѣмъ и твоего мнѣнія, чтобы ожидать отъ правительства законы, которые сами собою образуютъ народъ. Врядъ ли оно дастъ намъ другіе законы, какъ выгоды осѣдлости для военнаго поселенія, или рекрутскій наборъ въ Донскомъ войскѣ! (Простите Донскіе казаки, хранители русской арміи и спасители отъ изнуренія легкой нашей кавалеріи!..) Какъ военный человѣкъ, я все представляю себѣ въ военномъ видѣ: я представляю себѣ свободное правленіе какъ крѣпость у моря, которую нельзя взять блокадою; приступомъ — много стоитъ. Смотри Францію; но рано или поздно поведетъ осаду и возъ-

¹⁾ М. О. Орловъ (род. 1788 г., ум. 1842 г.), флигель-адъютантъ императора Александра I, одинъ изъ декабристовъ.

²⁾ Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 1790 г., ум. 1863 г.), участникъ Отечественной войны; человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, отличавшійся въ жизни различнаго рода причудами и странностями.

метъ ее осадю, не безъ урона рабочихъ въ сапахъ, особенно у гласиса, гдѣ взрывы унесутъ не малое ихъ число; за то мѣста взрывовъ будутъ служить ложементами, и осада все будетъ подвигаться, пока, наконецъ, войдетъ въ крѣпость и раздробитъ монументъ Аракчеева. Что всего лучше—это то, что правительство, не зная почему, само заготовляетъ осаждающимъ матеріалы военнымъ поселеніемъ, рекрутскимъ наборомъ на Дону, соединеніемъ Польши, свободою крестьянъ и проч. Но Орловъ объ осадѣ и знать не хочетъ; онъ идетъ къ крѣпости по чистому мѣсту, думая, что за нимъ вся Россія двигается, а выходитъ, что онъ, да бѣшеный Мамоновъ, какъ Ахиллъ и Патроклъ, которые вдвоемъ хотѣли взять Трою, предприняли приступъ... Но довольно объ этомъ.....

Недавно выписалъ я новую книгу о Малой Азіи. Эта сторона намъ почти неизвѣстна, то-есть, топографическая ея часть. Я изъ нея выписываю все, что касается до береговъ Чернаго моря въ Анатолиі и даже, что касается глубины этой провинціи. Можетъ-быть, выписка моя полезна будетъ тому, кто будетъ командовать высаднымъ войскомъ въ Анатолиі, которая есть сердце Турецкой имперіи и куда, слѣдовательно, мы должны будемъ устремить истинный ударъ нашъ. О, если бы я командовалъ этимъ войскомъ! *Il y a du romanesque, il y a de la poésie dans cette expédition!* И она точно по мнѣ! Но увы, репутація моя умнаго человѣка поглощается мнѣніемъ, что я вѣтренъ и безхарактеренъ, слѣдовательно, пустой человѣкъ! Проклятое мое остроуміе и стихотворство много мнѣ повредили въ мнѣніи людей сухой души и тяжкаго разсудка. Но что же дѣлать? Поздно уже увѣрять, что я не поэтъ, и молчать съ неподвижнымъ взоромъ, какъ будто я думаю. Каковъ есть, таковъ и представляюсь. Но помню, какъ глубокомысленные мудрецы искали способъ поставить яйцо стоймя, и какъ его Колумбъ поставилъ... Денисъ Давыдовъ.

III.

Письмо князю В. Θ. Одоевскому ¹⁾.

9-го января (1824 г.).

Съ сокрушеннымъ сердцемъ объявляю вамъ, любезнѣйшій князь, что, перечитавъ еще разъ отрывокъ, вамъ мною обѣщанный, я нашелъ его совершенно недостойнымъ для „Мнемозины“. Къ тому же, право, стыжусь о себѣ говорить, а еще болѣе печатать. Такъ и быть, отдаю вамъ вступленіе Финляндской кампаніи, но послѣдняго отрывка не могу, право не могу отдать! Боюсь сраму.

Пороюсь въ бумагахъ моихъ и, если найду что либо достойное печати, то пришлю къ вамъ немедленно. Покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

Въ настоящее изданіе писемъ Д. В. Давыдова не включены: 1) письма къ А. А. Закревскому, большое собраніе которыхъ напечатано въ 73-мъ томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» и обнимаетъ собою года 1815 — 1831; 2) всѣ письма, которыя носятъ на себѣ характеръ военныхъ донесеній или рапортовъ, и большая часть которыхъ помѣщена въ изданіи 1860 года въ приложеніяхъ къ Дневнику партизанскихъ дѣйствій, не вошедшихъ въ настоящее изданіе, и 3) письма Д. В. Давыдова къ его сыну Василию, къ Е. Д. Золотаревой и П. Д. Кисилеву, изъ которыхъ извѣстны въ печати только отрывки, помѣщенные въ «Собраніи сочиненій Давыдова» изд. 1860 г., т. III, въ статьѣ А. А. Осипова: Біографія Д. В. Давыдова («Истор. Вѣстникъ», 1890 г., т. XLI) и въ трудѣ А. П. Заблоцкаго - Десятовскаго: Графъ П. Д. Кисилевъ и его время. С.-Пб. 1882 г., т. I.

Письма, вошедшіе въ настоящее собраніе, извлечены изъ слѣдующихъ изданій: «Библіографическія Записки» 1858 г. (т. I.); «Москвитянинъ» 1841 г. (т. III); 1850 г. (т. IV); «Русскій Архивъ» 1866 г., 1868 г., 1871 г. (кн. I), 1879 г., (кн. II); «Русскій Инвалидъ» 1829 г. (№ 274); «Русская Старина» 1870 г. (т. II), 1872 г. (т. V и VI), 1873 г. (т. VIII), 1877 г. (т. XX), 1884 г. (т. XLIII), 1887 г. (т. LV), 1888 г. (т. LX), 1889 г. (т. LXI), и 1893 г. (т. LXXVII); «Раутъ» 1854 г. (кн. III) и «Собраніе сочиненій Д. В. Давыдова», изд. 1860 г., ч. III. Письма за №№ XXXVI, I печатаются съ рукописей, за сообщеніе которыхъ приносимъ искреннюю благодарность Л. Н. Майкову и Н. К. Шильдеру; письмо къ князю В. Θ. Одоевскому извлечено изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

¹⁾ Князь Владимиръ Оеодоровичъ Одоевскій съ 1824 г. вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ сталъ издавать альманахъ «Мнемозину», въ первой части котораго было напечатано «Извлеченіе изъ записокъ генералъ-маіора Д. В. Давыдова. Кампанія 1803 года. Финляндія». Это извлеченіе составляетъ начало статьи Давыдова «Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи».

Рѣчь Д. В. Давыдова, произнесенная въ „Арзамасѣ“.

Друзья мои!

Я избралъ предметомъ рѣчи моей то, что всего болѣе занимаетъ насъ въ нашемъ собраніи — самое наше собраніе. Не ожидайте отъ меня тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми украсили предметъ сей нѣкоторые изъ моихъ сочленовъ. Я намѣренъ въ возможной простотѣ говорить съ вами о нѣкоторыхъ предметахъ до него относящихся. Новый сочленъ, котораго мы съ сердечнымъ удовольствіемъ здѣсь въ первый разъ видимъ, познакомится чрезъ то съ нашими законами, и, можетъ-быть, не бесполезно будетъ, если я снова оживлю ихъ и въ вашей памяти.

Цѣль наша — образованіе себя въ литературѣ, особливо въ русской, образованіе нравственнаго нашего характера. Чѣмъ можемъ мы ее достигнуть, какъ не дружескими откровенными совѣтами, неограниченною, но кроткою искренностью, которая должна быть однимъ изъ главныхъ нашихъ законовъ! Мы взаимно подкрѣпляемъ другъ друга; насъ здѣсь восемь, и всякій изъ насъ въ восемь разъ сильнѣе здѣсь, нежели былъ бы онъ одинъ безъ чистосердечныхъ друзей, которые исполнены къ нему любви, которые радуются его успѣхамъ во всемъ, которые и отъ его обхожденія ожидаютъ себѣ взаимной пользы. Но только тогда можемъ мы ласкаться достигнуть нашей цѣли, когда живо почувствуемъ все, что можетъ произвести въ насъ единодушіе и неслабѣющее усердіе, когда еще тѣснѣе соединимся мы узами дружбы. Теперь съ сердечнымъ сожалѣніемъ вижу я, что мы раздѣлены, такъ сказать, на двѣ части, и та и другая порознь въ совершенно короткомъ знакомствѣ между собою, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ насъ не довольно еще одинъ съ другимъ сближены. Будемъ стараться, сколько можно, истребить это неравенство; приведемъ, если смѣю такъ сказать, въ равновѣсіе нашу взаимную дружбу; будемъ искренни, будемъ усердны, будемъ единодушны, и тогда-то всякое упражненіе наше будетъ приносить намъ пользу, будетъ имѣть свою цѣну; тогда-то собраніе

наше утвердится на основаніи непоколебимомъ, тогда-то всякій изъ насъ будетъ искать въ немъ и найдетъ отдохновеніе въ самыхъ трудахъ, радость, отраду въ непріятностяхъ жизни, спасительные совѣты во всякомъ случаѣ, тогда-то будетъ оно запечатлѣно печатью братства, и мы ощутимъ живо сладостныя дѣйствія нашего союза.

Искренность, любезные друзья, да будетъ первымъ закономъ нашего собранія; все другое: совѣты, похвалы и самую критику можемъ мы найти въ свѣтѣ; искренность царствуетъ только здѣсь. Но кто же изъ насъ смѣшаетъ ее съ грубостью, съ колкостью въ критикѣ. Нѣтъ! Вездѣ кротость должна сопровождать ее, иначе это значило бы только удаляться отъ нашей цѣли. Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ огорчиться дружескою критикою? Онъ узнаетъ, что написалъ дурные стихи, но вмѣстѣ увидитъ и то, что онъ имѣетъ истинныхъ, чистосердечныхъ друзей, можетъ-быть и отъ нихъ же самихъ получить безпристрастное увѣреніе, что можетъ сдѣлать лучше. Но за то и какъ же неоцѣненна будетъ для него похвала ихъ, въ которой не будетъ уже онъ подозрѣвать никакой скрытности, никакого пристрастія: онъ предастся тогда свободно своей радости, ибо для каждого изъ насъ, признаемся искренно, друзья мои, для каждого изъ насъ не можетъ быть ничего пріятнѣе такого приговора.

Мы счастливы, мы можемъ питать въ себѣ этотъ небесный въ сердцахъ нашихъ энтузіазмъ, предадимся ему; пусть радость будетъ для насъ матерью добродѣтелей, пусть благородный, святой энтузіазмъ юности будетъ ихъ душою, ихъ пищею. Никто еще не помогаль несчастному по опредѣленію одного холоднаго разсудка; сердце должно иногда заглушать его голосъ, чтобы быть тѣмъ нѣжнѣе, тѣмъ сострадательнѣе, тѣмъ дѣятельнѣе въ оказаніи помощи. Есть великія, священные добродѣтели, которыя безъ энтузіазма существовать не могутъ, которыя кажутся мечтою для жалкаго, равнодушнаго философа, судящаго о нихъ съ однимъ своимъ разумомъ. Еще опытность не научила насъ разсуждать, дѣлать мудрыя и глубокія разсужденія, чтобы располагать нашими поступками, по

тѣмъ сильнѣе можемъ мы чувствовать! Послѣдуемъ же гласу сердець нашихъ, направимъ стремленія его въ благое, и мы будемъ дѣятельны, будемъ веселы, будемъ благополучны.

Проснитесь! Дышите въ насъ, великіе безсмертные, принимайте жертвы сердець нашихъ, пылающихъ вашимъ пламенемъ, носитесь духомъ своимъ надъ нами. Друзья, въ эту минуту чувствую живо, что смерть за отечество — ничто!

Извлечено изъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ,

помѣщеннымъ въ трехъ томахъ Сочиненій Д. В. Давыдова.

Томъ I.

1) Къ біографіи: портретъ Д. В. Давыдова, въ рубашкѣ и плащѣ, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ; съ подлинника, рисованнаго Б. Лангеромъ и гравированнаго Г. Аванасьевымъ.

2) Къ стр. 46: рисунокъ къ стихотворенію «Гусарскій пиръ»; съ гравированнаго на стали подлинника (неизвѣстнаго художника), приложеннаго къ изданію сочиненій Давыдова 1840 года.

3) Къ стр. 97: представленіе ребенка Давыдова Суворову; съ гравированнаго на деревѣ полиטיפажа, рисованнаго А. И. Коцебу и помѣщеннаго въ «Исторіи Суворова», соч. Н. Полевого.

4) Къ стр. 305: свиданіе императора Александра съ Наполеономъ, съ современнаго рисунка Готро (Gotherot).

Томъ II.

5) Къ стр. 3: портретъ Я. П. Кульнева; съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ книгѣ: Жизнь генераль-маіора Кульнева. С.-Пб. 1815.

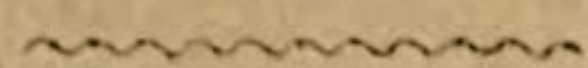
6) Къ стр. 29: портретъ Давыдова въ казакинѣ и ермолкѣ; съ гравюры Э. Орма, воспроизводящей картину, писанную А. О. Орловскимъ масляными красками.

7) Къ стр. 61: портретъ князя П. И. Багратіона, съ гравюры I. Саундерса, сдѣланной по оригиналу Тончи.

Томъ III.

8) Къ стр. 109: портретъ Н. Н. Раевского; съ гравюры I. Кардели.

9) Къ стр. 109: Н. Н. Раевскій ведетъ своихъ малолѣтнихъ сыновей въ сраженіе; съ рисунка, помѣщеннаго подъ вышеупомянутымъ портретомъ работы Кардели.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абакумовъ А. И. II, 242.
 Аббасъ-Мирза. I, 145, 164, 167, 171, 172, 173. II, 190, 191, 194, 197, 267, 323.
 Ага-Магомедъ-ханъ. I, 149.
 Аджихановъ. I, 172.
 Адлербергъ гр. В. О. II, 249. III, 162 - 165.
 Акинфьевъ. II, 104.
 Александра Оедоровна, императрица. II, 297.
 Александровъ. II, 67, 84.
 Александръ Виртембергскій. II, 38, 306.
 Александръ I, императоръ. I, vii, 76, 107, 127, 132, 144, 150, 152, 166, 230, 303, 305—307, 309—317. II, 79, 80, 101, 124, 153, 160, 173, 174, 182, 200—203, 206—209, 219, 290, 295. III, 59, 86, 119, 121, 133, 149, 151, 156, 169, 229, 239.
 Аллартъ. III, 135.
 Аллаяръ-ханъ. II, 197.
 Алорно. См. Илорно.
 Альвенслебенъ. I, 158.
 Альмерасъ. II, 108.
 Альткирхъ. III, 122.
 Алябьевъ. II, 173, 181.
 Аминъ-Сардаръ. I, 172.
 Андржейковичъ И. Ф. II, 147, 149.
 Анненковъ Д. Н. III, 184.
 Анрепъ, генер. - лейтенантъ. I, 125, 150, 180, 181, 186, 188, 190.
 Анрепъ, полковникъ. II, 263, 265, 304—307, 317.
 Антингъ Фр. III, 201.
 Антифеевъ. II, 52.

Анштетъ. II, 78.
 Аракчеевъ гр. А. А. I, 128, 150—153, 159, 160. II, 40, 126. III, 148, 234.
 Араповъ, кавалергадъ. I, 285.
 Араповъ П. Н. III, 198.
 Арндтъ Н. О., лейбъ-медики. III, 160.
 Арно. I, vi, 42, 76.
 Арнольди И. П, 247.
 Асланъ-ханъ. I, 170.
 Астаховъ. II, 41.
 Ауеръ. I, 280.
 Ахметъ-ханъ. I, 167.
 Афанасьевъ Г. III, 239.
 Афонинъ. II, 52.

Б.

Баговутъ К. О. I, 122, 137, 139, 140, 181, 186, 191, 192, 203, 218, 224, 226, 235, 247, 269. II, 73.
 Багратионъ кн. П. И. I, i, ii, ix, 3, 4, 57, 115, 116, 122, 127, 129—134, 141, 142, 150, 154, 168, 191—193, 197—200, 202, 203, 207, 210—214, 217, 218, 222, 224—229, 231, 234—240, 242—253, 255, 260—263, 265—267, 270, 279, 283, 286, 288, 293, 296, 297, 299, 300, 305, 313, 314, 320. II, 6, 8, 9, 11, 15, 21, 29, 33, 38, 39, 41, 61, 62, 80, 132, 204, 290, 293, 294. III, 21, 77, 87, 88, 90, 91, 93, 94, 109, 110, 122—124, 171, 227, 228, 239.
 Балабинъ. I, 217.
 Балланшъ. III, 211.
 де-Бальменъ гр. А. Б. I, 122.
 Бараге-Дилъе. II, 54, 55, 95, 98, 100, 101. III, 60, 62, 64, 66, 67, 69.

- Баратаевъ кн. I, 119.
 Баратынскій Е. А. I, vi. III, 183, 186, 191, 194, 197, 203, 215.
 Барклай-де-Толли М. Б. I, viii, ix, 122, 132—134, 137—139, 142, 143, 152—154, 158, 159, 176, 181, 183, 184, 186, 193, 197, 198, 200, 201, 247, 262, 263, 266. II, 31 — 36, 38—41, 204, 293, 294. III, 21, 85, 86, 88, 94, 109 — 111, 115, 116, 120.
 Барковский I, 285.
 Бартелеми. II, 151.
 Бассано герцогъ. См. Маре.
 Батюшковъ К. Н. I, vi, xii, 76. III, 125, 126.
 Бауеръ. I, 151.
 Баханова. II, 327.
 Бахметевъ А. Н. II, 118, 156. III, 126, 146.
 Бачко. I, 280.
 Башиловъ А. А. I, 77. III, 214, 223, 224.
 Бедряга полковникъ. III, 105.
 Бедряга 3-й, Н. П., 41, 51, 54, 84.
 Безбородко кн. А. А. I, 148. III, 134—138.
 Безродный В. К. I, 143.
 Бекеръ. I, 177, 180, 181.
 Бекетовъ Д. II, 41, 49, 52, 54, 84, 109, 173, 181.
 Бекетовъ П. П. I, 77.
 Бековичъ. I, 169.
 Беллюзаръ. III, 209.
 Бенкендорфъ А. Х. II, 139, 156, 157, 166, 189. III, 51.
 Беннингсенъ Л. Л. I, 115, 121, 124—129, 136, 176 — 189, 191, 192, 196, 199, 202 — 212, 215, 219, 220, 224, 225, 230, 233, 236, 238, 239, 242, 245, 246, 252, 258 — 261, 264, 265, 268, 272, 274, 277, 278, 280, 282, 284, 286, 287, 289, 290—293, 297—299, 301, 307, 309. II, 33, 36, 73, 80, 147, 290, 293. III, 42, 44, 46.
 Бергманъ П. III, 182.
 Бернадотъ. I, 118, 123, 176 — 179, 182, 184, 186, 188—191, 195, 204, 209, 210, 213, 217, 221—223, 259—262, 265, 268, 271, 272. III, 43—48.
 Бернисъ. III, 222.
 Бертье. I, 191, 261, 301, 307, 318. II, 90, 111, 112, 246. III, 41, 43, 44, 56, 58, 61 — 68, 72, 75.
 Бессьеръ. I, 177 — 179, 182, 184, 186, 188, 189, 259, 260, 274, 307. III, 61, 63, 64, 66, 73, 75.
 Бестужевъ А. А. I, vii. III, 155, 184.
 Бестужевъ П. А. III, 184.
 Бибииковъ С. I, 117.
 Бирюковъ, сотникъ. II, 67, 69, 70.
 Бистромъ К. И. I, 218, 236. III, 118, 121.
 Бланкаръ. II, 111, 112. III, 69.
 Блюхеръ. I, 5. II, 157 — 160, 163, 170, 180. III, 42.
 Богдановъ. I, 207.
 Богуславскій, исправникъ. III, 60.
 Бодъ. II, 81, 82.
 Болгарскій. I, 108.
 Болховскій, штабъ-офицеръ. II, 75 184. III, 102.
 Бомонтъ. I, 177.
 Бонами. II, 33, 34.
 Бороздинъ, генералъ. I, 117, 118, 236. II, 137. III, 103.
 Браницкая гр. А. В. III, 232.
 Брокеръ, ген.-майоръ. II, 306.
 Брентано. II, 176.
 Брониковскій. II, 219.
 Брусъе, генералъ. III, 62, 97, 101, 102.
 Брюеръ. I, 204, 205, 209, 270, 272.
 Бувьеръ. I, 275.
 Будбергъ. I, 307.
 Буковскій, генералъ. II, 327.
 Буксгевденъ гр. О. О. I, 125, 128, 176, 177, 183, 184, 186, 188. II, 6, 8, 24, 40, 272.
 Булатовъ. I, 6, 27, 28.
 Булгаринъ О. Б. I, iv, x. III, 224, 225.
 Буняковскій, подполковникъ. I, 150.
 Буриме. I, 45.
 Бурмонъ. II, 254.
 Бурцовъ А. П. I, v, viii, 3, 15—17, 75.
 Бурцовъ И. Г. III, 220.
 Бутурлинъ, генералъ - квартирмейстеръ. II, 185, 186.
 Бутурлинъ гр. Д. П. III, 220.
 Бутурлинъ С. II, 188.
 Бухаринъ Н. Я. I, 147.
 Бухмейеръ, генералъ. I, 150.
 Быхаловъ, полковникъ. II, 100.
 Бѣгичевъ С. Н. II, 196.

Бѣгичевъ Д. Н. II, 196.
Бѣгичевъ И. М. II, 126.
Бѣлинскій В. Г. I, XII.
Бѣльскій, капитанъ. II, 48, 53, 59,
85—87.
Бюловъ. II, 157.
Бюрта, генералъ. II, 108.

В.

Вавжедкій. I, 106.
Вагенфельдъ. I, 280.
Вадбольскій кн. III, 51, 59.
Валевскій. II, 223.
Валуевъ. I, 115, 182, 183.
Валуевъ П. А. III, 150.
Вальтеръ-Скоттъ. I, XII. III, 22, 31,
78, 79, 186.
Вансловъ, маіоръ. II, 110.
Варлаамъ. II, 136.
Васильевъ гр. I, 115.
Васильчиковъ II, 32, 37, 39, 131, 137.
Васильчиковъ гр. М. В. II, 153. III,
115, 116, 160.
Ваценко И. З. II, 249.
Вейротеръ, генералъ. I, 132.
Вейссенгофъ. II, 240.
Вейсфлокъ, генералъ. II, 224.
Величинскій, подполковникъ. II, 236.
Вельяминовъ А. А. I, 145, 163, 164,
170, 172. III, 166.
Вельяшевъ. III, 151, 152.
Верзилинъ, полковникъ II, 267.
Вивіенъ. I, 270.
Видокъ. III, 225.
Виже. I, III, IV, 26.
Викторъ, генералъ. I, 91. II, 74, 79,
122, 131, 158. III, 20, 33, 46, 61,
66, 89, 105, 107, 108.
Вилъе Я. В. I, 136. II, 37.
Вильсонъ Р. II, 134. III, 106.
Винценгероде Ф. Ф. I, 5, 229. II,
94, 153, 156, 157, 159, 160, 163,
167, 168, 170—172, 176, 178,
179, 182, 183. III, 52, 59, 71, 100,
221, 222, 226.
Виртембергскій А. II, 326, 327.
Вистицкій, полковникъ. I, 202.
Витгенштейнъ гр. П. X. I, 142, 149,
155, 156. II, 41, 121, 122, 124, 126,
127, 130—133, 137, 138, 156, 157.
III, 21, 105, 107, 231.
Виттъ гр. И. О. I, 149, 156. II, 264,
283, 284, 301, 303, 306, 308.

Вишневъ С. II, 59.
Віалопольскій. II, 223.
Власовъ М. Г. I, 164.
Властовъ. I, 218.
Влодекъ. I, VIII.
Водонкуръ. II, 124. III, 54.
Воейковъ А. О. I, IV. III, 170, 171, 203.
Войновъ А. Л. III, 144.
Войчинскій. II, 241.
Волковъ. II, 52.
Волконскій кн., генералъ. II, 153.
Волконскій кн. П. М. II, 182, 295.
Вольтеръ. I, VI, 61. III, 135, 155, 197,
225.
Воронцовъ гр. I, 159. III, 123.
Воронцовъ кн. М. С. I, II, 229, 310.
II, 246.
Вреде. II, 24. III, 108.
Вуичъ, полковникъ. I, 214, 218, 236.
II, 110.
Вурмзеръ. II, 282.
Вюрстъ. I, 148.
Вяземская кн. В. О. III, 150.
Вяземская кн. Е. Н. I, 94.
Вяземская кн. М. Г. III, 152.
Вяземская кн. М. П. III, 150.
Вяземскій кн. П. А. I, VI, IX, X, XI,
19, 75, 76. III, 150—154, 194, 198,
203, 217, 218, 223, 224, 231.

Г.

Гагарина Н. О. III, 151.
Гагаринъ кн. О. О. I, 116, 117, III, 151.
Гакки-паша. II, 267.
Галаховъ А. Д. I, III, IV.
Галлуа. II, 240.
Гамильтонъ. I, 148.
Гарданъ, генералъ. I, 91.
Гартлаубъ III, 186.
Гартманъ. III, 185, 195, 197.
Гассанъ-ханъ. I, 6. II, 191, 267.
Гауке, графиня. II, 327.
Гейеръ. III, 119.
Гейлиге-Бике. I, 167.
Гейльфрейхъ К. О. I, 101.
Гейсмаръ О. К. II, 252, 263, 265,
285—288, 290, 302, 303, 308, 309,
312.
Гельгудъ. II, 220, 229.
Генкель. I, 213.
Георгъ III, англ. король. I, 164.
Гермонси, генералъ. I, 137.

Гетальсъ. II, 65.
 Гильемино, генераль. II, 124.
 Гишаръ. I, 98.
 Глинка С. Н. III, 211.
 Глинка О. Н. I, 76.
 Глушковскій А. II. I, 75. III, 152.
 Говардовскій, полковникъ. I, 128. II, 40.
 Гогель, полковникъ. I, 216, 218, 236, 247.
 Гогенцолернъ. III, 147.
 Гозиусъ, полковникъ пут. сообщенія. II, 193.
 Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій кн. М. И. I. VII, 45, 52, 126, 127, 129—134, 138, 146, 152—154, 198, 293. II, 32—39, 72—75, 77—80, 94, 105—107, 111, 121—123, 125—128, 130—132, 134, 135, 139, 141—143, 148, 152, 153, 157, 160, 177, 182, 204, 290, 294. III, 16, 22, 29—32, 51, 54—56, 58, 59, 70, 80—84, 95—98, 101—106, 110, 133, 134, 148, 170, 171.
 Голиковъ. III, 135.
 Голицынъ кн. III, 64.
 Голицынъ кн. А. Н. III, 136, 152.
 Голицынъ кн. Д. В. I, 125, 136, 176, 184, 186, 191, 193, 199, 203, 216, 237, 241, 261, 262, 270, 274. II, 189, 300. III, 119, 120.
 Голицынъ кн. М. С. I, 116. II, 246.
 Голицынъ П. I, 216.
 Голицынъ кн. П. А. I, 76.
 Головинъ, ген.-лейтенантъ. II, 126. III, 137.
 Гопульть, генераль. I, 177, 205, 271, 272, 274, 275, 277, 281.
 Горацій. I, VI, 27.
 Горголій. I, 117.
 Горичъ, ротмистръ. I, 159.
 Горскинъ, ротмистръ. II, 99.
 Горчакова кн. А. И. III, 200.
 Горчаковъ кн. Ал. Ив. I, 221—225, 227, 233, 235, 237, 241—243. II, 6, 8, 38, 39, III, 200.
 Горчаковъ кн. Андр. Иван. I, 83, 175.
 Горчаковъ кн. И. Д. III, 168.
 Горчаковъ кн. М. Д. II, 301.
 Горчаковъ кн. П. Д. I, 163. II, 192.
 Готро. III, 239.
 Готье, генераль. I, 178.
 Граббе, адъютантъ Ермолова. I, 158. II, 35, 103.

Граббе, полковникъ. II, 282, 286, 290.
 Грабовскій гр. I, 116, 122, 212.
 Грабовскій гр. С. II, 216, 219, 236.
 де-Грамонъ А. А. I, 26, 60, 75.
 Грековъ. II, 306.
 Грендоржъ, генераль. I, 131.
 Гренъе. II, 157.
 Гречъ Н. И. I, X. III, 191, 192.
 Грибовскій А. М. III, 231.
 Грибоѣдовъ А. С. II, 193—199, 323. III, 166.
 Гробовой. II, 52.
 Груздевъ Е. А. I, 149.
 Груши, генераль. I, 91, 177, 205, 270, 272, 274, 277, 281.
 Гудовичъ гр., майоръ. III, 64.
 Гудовичъ гр. И. В. I, 149, 163.
 Гурго, генераль. III, 17, 26, 27, 36, 70, 219.
 Гуріель. II, 39.
 Гюдень. I, 183.
 Гюдле. I, 272, 275.
 Гюо. I, 192, 204, 205, 209, 262, 270, 272.

Д.

Давидовичъ. II, 282.
 Даву, Давустъ. I, 133, 177, 180, 183, 186, 188, 204—207, 209, 210, 221, 230, 231, 259, 263, 265, 268, 269, 271—273, 276—279, 281, 282, 292, 293, 312, 318. II, 89, 157, 158, 161—163, 204. III, 57, 68, 75, 77, 88, 97, 98, 110, 122, 123.
 Давыдова Е. Е. II, 107.
 Давыдова А. А. См. де-Грамонъ.
 Давыдовъ, полковникъ. II, 143.
 Давыдовъ А. Л. I, 75, 117. II, 103. III, 126.
 Давыдовъ Ах. Ден. I, 247.
 Давыдовъ Вад. Ден. I, 247.
 Давыдовъ Вас. Д., отецъ поэта. I, II, 98—104, 112. II, 106.
 Давыдовъ Вас., адъют. Кутузова. II, 34.
 Давыдовъ В. Д., сынъ поэта. I, XII, 247. III, 227—235.
 Давыдовъ Д. Д. I, XII, 247.
 Давыдовъ Е. В. I, 284. II, 107. III, 227.
 Давыдовъ Л. В. II, 118—120. III, 125, 126, 143, 145, 146, 158.
 Давыдовъ Н. В. II, 103.

Давыдовъ Н. Д. I, 247.
 Даламбертъ. III, 137.
 Далмонъ. I, 275.
 Дамасъ бар. I, 117.
 Дантесъ. III, 226.
 Даунъ. II, 175, 176.
 Дашкова кн. Е. Р. I, 148.
 Дверницкій. II, 231, 271, 284—290, 302, 305—309, 311—316.
 Дебальмень гр. I, 221.
 Девисъ. I, 148.
 Дежарденъ. I, 272, 275.
 Делиль. I, vi, 4, 21.
 Деллинсгаузенъ бар. II, 317, 318.
 Дельзонъ, генералъ. III, 103.
 Дельпоццо, генералъ. I, 165.
 Дембовскій. II, 219, 220.
 Денисовъ А. К. I, 107, 108. II, 138. III, 70.
 День 1-й. II, 242.
 Депрерадовичъ Н. И. II, 73.
 Дерфельденъ, генералъ. I, 104, 105, 148.
 Детерко, полковникъ. I, 92.
 Дехтяревъ. I, 266.
 Дзѣконскій. II, 318, 320, 322.
 Дибицъ, бар. И. И. I, ix, 76, 166, 169, 296. II, 133, 184, 185, 187—189, 238, 242—251, 263, 264, 268—276, 278, 279, 281—285, 291—293, 299, 301, 309, 310, 314, 318, 322, 323. III, 160, 162, 167, 187.
 Диестъ, поручикъ. I, 154. III, 116, 120.
 Дмитріевъ-Мамоновъ гр. М. А. II, 173. III, 233, 234.
 Догдель. III, 137.
 Долгорукій кн. М. П. I, 190, 191, 229, 241, 247. III, 47, 48.
 Долгорукій кн. Н. А. II, 249.
 Домбровскій. I, 141. II, 123, 124, 131. III, 105, 107.
 Дороховъ И. С. II, 74, 76, 78. III, 51, 54, 59, 62, 63, 92, 101, 102, 171.
 Дохтуровъ Д. С. I, 125, 136, 184, 186, 203, 221—223, 225, 227, 233, 240, 270. II, 35, 36, 39, 74—77, 79, 105, 153. III, 28, 93, 101, 102, 122.
 Друэ. I, 189.
 Духинъ-Вонсовичъ. III, 75.
 Дюпонъ. I, 189, 190.
 Дюрокъ. I, 303, 307. III, 75.
 Дюронель. I, 204, 205, 209, 271, 272.
 Дюръ, г-жа. II, 152.
 Дюрютъ. I, 5. II, 162, 168—171, 174—179.

Е.

Евгеній, вице-король Италіи. II, 74, 77, 110, 157. III, 97, 98, 101, 175.
 Евгений, принцъ Виртембергскій. II, 35, 36, 73, 79, 89, 153. III, 62, 75, 97, 98, 116, 118.
 Егоровъ. II, 52.
 Ежовъ Ф. М. I, 81.
 Езерскій. II, 221, 233.
 Екатерина Великая. I, 82, 88, 125. II, 107, 151, 199, 294. III, 95, 132—138, 231.
 Елизавета Алексѣевна, импер. II, 268.
 Ермоловъ А. П. I, viii, ix, 6, 76, 92, 107, 108, 121, 122, 130—150, 151—175, 183, 190, 200, 207, 208, 213, 218, 227, 228, 230, 235, 236, 243, 244, 247, 256, 266, 279, 281, 289, 312. II, 32—40, 72—80, 95, 103, 121, 123—126, 128, 130, 132, 137, 152, 190, 191, 193—198, 207, 219, 248, 249, 268, 283, 292, 294—301, 313, 319, 323. III, 28, 85, 87—89, 102, 103, 109—111, 115—121, 156, 162, 163, 166, 169, 170, 208, 227, 228.
 Ермоловъ П. Н. II, 184. III, 117, 158, 159.
 Ефремовъ. II, 94.

Ж.

Желтухинъ. II, 39.
 Жераръ. II, 157. III, 97.
 Живковичъ, подполковникъ. I, 236.
 Жилинскій I. А. I, 212.
 Жирардъ. II, 74.
 Жирко. II, 52.
 Жихаревъ С. П. I, 75.
 Жобаръ. III, 215.
 Жомини Г. В. I, 232. II, 204, III, 19, 26, 27, 37, 126.
 Жуковскій В. А. I, п, vi, xii, 19, 28, 76. III, 152, 180, 217.
 Жюне, герцогъ. II, 38, 39, 79, 89, 101, 102. III, 64, 65, 67.

З.

Заблоцкій-Десятовскій А. П. I, viii. III, 235.
 Завадовскій гр. III, 138.
 Загоскинъ М. Н. III, 173, 176, 177, 186.
 Зайцевскій Е. П. I, 7, 56, 76.

Закревскій гр. А. А. I, хш. II, 8.
III, 165—167.
Замойскій, графъ. II, 222, 239.
Зассъ, генераль. III, 144.
Застровъ. II, 161.
Звіерковскій. II, 216.
Зворичъ. II, 52.
Злотницкая Е. А. I, 76. III, 154.
Зола. II, 52.
Золотарева Е. Д. I, vi, 77. III, 235.
Зубовъ гр. В. А. I, 104, 140, 141, 148.
Зубовъ гр. П. А. III, 231.

И.

Иванова А. Н. I, 75. III, 150, 152, 153.
Ивановъ. I, 149. II, 52.
Ивановъ Д. II, 60.
Игельстромъ. I, 85. II, 218.
Игнатъевъ. III, 105.
Иловайскій, генераль. III, 70, 74.
Иловайскій 2-й, В. I, 232. II, 184, 323.
Иловайскій 4-й. I, 232.
Иловайскій 11-й. II, 74.
Иловайскій И. Д. I, 234.
Иловайскій П. Д. I, 234.
Илорно. II, 116.
Ильинъ. III, 137.

І.

Іоркъ. II, 157.

К.

Кабановъ. I, 152.
Каверъ, генераль. II, 312.
Кайсаровъ. II, 124, 129, 139, 318.
Каліостро. I, 320.
Каль, генераль. I, 280.
Калькрейтъ. I, 221, 314.
Каменскій гр. М. О. I, 109 — 123,
128, 178, 182, 183, 196, 211. III,
191, 194.
Каменскій гр. Н. М. I, 4, 111, 140,
151, 178, 221, 235, 240, 245, 280,
281, 291. II, 6, 8, 14, 18, 29, 290.
III, 80, 143—146.
Каменскій гр. С. М. III, 144.
Каминскій, генераль. II, 139, 327.
Каницъ, полковникъ. II, 293.
Каподистріа гр. И. А. 294.
Карамзинъ Н. М. III, 153.
Каргановъ. II, 248, 283, 323.

Кардели. III, 239.
Карлъ, эрцгерцогъ. I, 83, 84, 132. II,
204.
Карпенко. II, 24.
Карповъ. II, 37—39.
Кастелла. I, 161.
Катасановъ. II, 283, 306, 307, 314.
III, 180.
Каховскій А. М. I, 2, 3, 106, 175,
227. III, 138.
Квитницкій. II, 321.
Кенсона, графъ. I, 105.
Кетлеръ. II, 327.
Кикинъ П. А. I, 145. II, 34, 70.
Кирѣевскій. III, 183.
Кирѣевъ. II, 283, 306, 307, 317, 319.
III, 180.
Киселевъ, адъют. Милорадовича. II,
55, 151.
Киселевъ Н. Д. III, 183.
Киселевъ П. Д. I, vш, ix. III, 231—
235.
Кицкій. II, 222.
Кіать-ханъ. I, 169.
Клапаредъ. II, 104. III, 98.
Клейнеръ. III, 188.
Клейнмихель. III, 228.
Клейнъ, генераль. I, 177, 205, 270,
272, 274, 277, 281.
Клерфельдъ. II, 15, 25.
Клингспоръ. II, 6, 24, 26, 27.
Клюка, маіоръ. I, 172.
Кноррингъ. I, 192, 201, 211, 212,
221, 223. II, 156. III, 118.
Кобога, графъ. II, 293.
Ковалевъ. II, 300.
Козарскій А. И. I, 57, 76.
Козень. II, 80.
Козецкій. II, 217, 219.
Козмякъ. II, 241, 242.
Коленкуръ. I, 302, 307, 314, 316.
III, 72, 73, 75, 148.
Коло. III, 126.
Кологривовъ, полковникъ. II, 314, 325.
III, 136, 137.
Колышкинъ, маіоръ. I, 216.
Кольбертъ. I, 204, 205, 209, 270,
272.
Колядка. II, 52.
Комаровъ, поручикъ. I, 244.
Коновницынъ. II. П. I, 152, 153. II,
36, 39—41, 77, 88, 90, 106, 116, 138,
140, 141, 143, 152, 153. III, 146.
Конскій. II, 24, 27.

- Константи́нъ Павловичъ, вел. князь.
I. 110, 233, 239, 306, 307, 310,
315 II, 39, 156, 209, 215, 216,
219, 220—226, 229—233, 264, 265,
296, 302, 323. III, 89, 120, 152.
- Корбино. I, 175.
- Корниловъ П. Я. III, 144.
- Корольковъ, ген.-маюръ. II, 185, 187.
- Корфъ, генераль. I, 122, 213, 214. II,
151.
- Кохановскій. II, 217, 220.
- Кохъ. III, 17, 37.
- Коцебу А. И. III, 239.
- Красовскій, генераль. II, 267.
- Красновъ, генераль. II, 40.
- Крейцъ. II, 231, 252, 263, 265, 271,
284 — 288, 290, 304, 306 — 308,
311—313, 315—320, 324.
- Кретовъ. I, 193.
- Кретцемаръ. II, 182.
- де-Кроа, герцогъ. III, 135.
- Кроссаръ. I, 193. II, 35, 36.
- Круковецкій. II, 220, 240.
- Крутъ. II, 52.
- Крыжановскій А. Ф. III, 139.
- Крючковъ, урядникъ. II, 46, 52, 56,
58, 88, 120.
- Кудашевъ кн. Н. Д. II, 78, 106, 135,
136. III, 70 71, 171, 172.
- Кузнецовъ. II, 302.
- Кукольникъ Н. В. III, 196, 203.
- Кульневъ, братъ Я. П. II, 18,
19, 21.
- Кульневъ Я. П. I. 4, 117, 228, 289,
320. II, 3—28, 29, 145. III, 239.
- Куракинъ кн. А. Б. I, 314.
- Куровскій. I, 233.
- Курута, гр. Д. Д. II, 302.
- Кутайсовъ гр. А. И. I. 142, 207,
208, 279, 281. II, 33, 34, 38.
- Куценко. II, 52.
- Кучинскій. II, 239.
- Кушель. II, 239.
- Кушкина С. А. I, 60. III, 168.
- Кюхельбекеръ В. К. III, 235.
- Ламне. II, 204. III, 212.
- Лангермонъ. II, 240.
- Лангеръ Б. III, 239.
- Ланжеронъ А. О. I, 159, 161. III,
144.
- Ланнъ. I, 177, 180—182, 188, 197,
239, 259, 293, 312, 318. II, 240.
- Ланской. III, 206.
- Ланской В. Д. II, 32.
- Ланской Д. С. II, 32.
- Ланской С. Н. II, 138, 140, 154,
156, 159, 160, 163, 165—168, 171,
172, 175—177, 180.
- Ланюсъ, генераль. III, 63, 65.
- Лаптевъ, генераль. II, 267.
- Ларибоассьеръ. I, 304.
- Ларрей, генераль. III, 56.
- Ласаль, генераль. I, 240.
- Лаудонъ. III, 138.
- Лафонтенъ. I, 14.
- Леваль. I, 270, 272, 273, 277, 281,
Левашевъ гр. В. В. I, 119, 215,
311.
- Левашевъ О. И. I, 101, 215.
- Левекъ. III, 135, 137.
- Левенгельмъ. II, 15, 25, 26.
- Левенштернъ, штабсъ-капитанъ. II,
165, 168, 173.
- Левизъ офъ Менаръ. III, 144.
- Легранъ. I, 270, 272, 273, 277, 281.
II, 121.
- Лекокъ. II, 157, 162, 168, 175.
- Лелевель I. К. II, 204, 219, 220,
229, 242.
- Леопольдъ, принцъ Саксенъ-Кобург-
скій. III, 118.
- Лепинскій. II, 120.
- Лестовъ. II, 52.
- Лестокъ, генераль. I, 125, 176, 188,
191, 208, 223, 235, 259, 260, 262,
263, 265, 270, 276, 277, 279—282,
291, 292, 294, 296, 300.
- Леторъ, полковникъ. III, 63—65, 73.
- Лефебръ, генераль. I, 176, 220, 221.
III, 75.
- Либенау. II, 157, 161, 175.
- Ливень кн. I, 105, 116, 183, 211,
307.
- Лиже-Белеръ. I, 283.
- Лизогубъ, поручикъ. II, 99.
- де-Линъ, принцъ. I, 318. III, 136.
- Липіусъ. II, 175.
- Лисаневичъ II, 126, 192.
- Лихтенштейнъ, принцъ Іоаннъ. I, 31.

Л.

- Лавернъ. III, 201.
- Лавровъ. III, 117.
- Ладыгинъ. III, 119, 121.
- Лакюе. I, 275.
- Ламбертъ гр. К. О. I. 140, 141, 199,
213, 244, 247. II, 131. III, 107.

Лишарь. II, 52.
 Лобановъ кн. III, 52.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Я. И. I, 105, 302, 307, 314.
 Логиновъ. II, 52.
 Ломоносовъ. III, 145.
 Лористонъ. I, 302. II, 157. III, 55, 56, 58.
 Лошетъ. I, 275.
 Лошкаревъ. I, 218. II, 284, 288, 307, 308.
 Лоцилинъ. II, 6.
 Луазонъ. III, 75.
 Луарсабъ, князь. I, 168.
 Луиза, королева. I, 148.
 Львовъ, ген.-маіоръ. I, 236. III, 47, 49.
 Любецкій, князь. II, 217, 219, 221, 222, 233, 236.
 Любомирскій, князь. I, 217.
 Людовикъ XVIII. I, 164.

М.

Мадатовъ кн. В. Г. I, 145, 172. II, 166, 176, 191, 194. III, 166, 169.
 Маевскій. I, 198.
 Маековскій. См. Малевскій.
 Мазаровичъ. II, 195, 198.
 Мазовскій, командиръ. II, 43.
 Майковъ А. А. I, 75. III, 152, 153.
 Майковъ Н. А. III, 152.
 Макаревичъ. II, 51, 114.
 Макаровъ, поручикъ. II, 41, 52, 54, 84, 113, 114, 173.
 Макдональдъ. I, 90. III, 25.
 Маккъ, генераль. I, 130. II, 317.
 Максимовичъ М. А. III, 189, 190, 191.
 Малевскій. II, 9, 10.
 Мальцевъ. II, 198.
 Мамадъ-Али-Мирза. I, 167, 168.
 Мамоновъ, лейбъ-гусаръ. III, 117.
 Мандерштернъ. I, 214. II, 263, 264, 275, 280, 282.
 Мандрыкъ, ген.-маіоръ. I, 117.
 Мансуровъ, маіоръ. I, 130.
 Манучаръ-ханъ. II, 198.
 Маре. I, 285, 286. III, 61.
 Мареско. I, 315, 316.
 Маринъ С. Н. I, п. II, 37.
 Марія Θεодоровна, императрица. III, 153.
 Марковъ Е. И. I, 118, 122, 140, 189, 190, 213, 214, 218, 235, 247, 260. III, 83.

Марковъ гр. И. И. II, 105.
 Маркусъ. III, 178.
 Мартодъ, генераль. III, 63, 64, 66.
 Мартушевичъ, генераль. II, 108.
 Мартыновъ С. II, 60.
 Маруа. I, 275.
 Маріонъ. II, 103.
 Масальскій К. П. I, 58, 77.
 Маслениковъ, подполковникъ. II, 91, 92, 93.
 Массена. I, 89, 223, 230—233, 246. II, 204. III, 49.
 Мацневъ. I, 77.
 Мацыпура. II, 52.
 Мацырюкъ. II, 52.
 Меласъ. I, 232.
 Мелентьевъ. II, 169, 173.
 Меллеръ-Закомельскій бар. П. И. I, 145, 152, 229. II, 76.
 Менсдорфъ, графъ. II, 183. III, 149.
 Менторъ. II, 8.
 Меншиковъ. II, 191. III, 87, 88.
 Мерфельдъ, генераль. I, 130.
 Меттернихъ. II, 209.
 Мехти-Кули-ханъ. I, 166, 167.
 Милорадовичъ гр. М. А. I, 131, 151. II, 41, 55, 79, 80, 103, 115, 121, 131, 137, 151, 152, 154. III, 120, 121, 149.
 Миллеръ П. И. III, 151.
 Мильго, генераль. I, 177, 204—206, 270, 272, 277.
 фонъ-Мильтицъ. II, 182.
 Минчакъ Кисаевичъ. I, 112.
 Минъ. III, 157.
 Мирза-Сале. I, 164.
 Михайловскій-Данилевскій А. И. I, VII, XIII. II, 38, 73. III, 205—208, 210, 212, 216, 219.
 Михайловскій - Данилевскій Л. М. III, 206.
 Михаилъ Павловичъ, вел. князь. II, 296.
 Мишель, капитанъ. III, 62.
 Мишо де-Боретуръ А. Ф. II, 136. III, 144.
 Могень. II, 204.
 Молоховскій. II, 219, 223.
 Монтебелло, графъ. II, 240.
 Монтескью. III, 45.
 Монтолонъ, генераль. III, 19, 28, 38—40.
 Монцаревъ. II, 52.
 Моранъ. I, 180. III, 97.

Мордвиновъ. II, 122.
Моро. I, 89, 91.
Мортемаръ, герцогъ. II, 241, 242.
Мортъе. I, 131. III, 75.
Мостовскій. II, 216, 223.
Мотылевъ. II, 52.
Муравьевъ, генералъ. I, 169. II, 235, 306, 316, 317.
Мустафа-ханъ. I, 167.
Мутонъ, генералъ. III, 73, 75.
Мюратъ. I, 131, 179—182, 186, 188, 209, 238, 239, 245, 259, 274, 292, 293, 297, 300, 307, 310, 315. II, 73. III, 26, 57, 61, 63, 64, 74, 75, 101.

Н.

Назимокъ, полковникъ. II, 191.
Нансути, генералъ. I, 177.
Наполеонъ. I, VII, X, XII, 10, 70, 86, 90, 93, 110, 118, 126, 127, 130, 132, 135, 156, 179—188, 191, 196, 197, 202, 204—206, 210, 212, 214, 220, 221, 228, 230—233, 236, 239, 245, 251—253, 255, 256, 260—264, 266, 268, 271—274, 276, 281, 283, 285, 286, 289, 290—294, 297, 299, 301—320. II, 31, 37, 39, 50, 72, 74—76, 78, 80, 87, 89, 90, 102, 104, 108—110, 120—122, 124, 125, 127—133, 135, 136, 138, 139, 145, 148, 158, 159, 170, 183, 200, 201, 203, 204, 219, 240—242, 246, 251, 252, 273, 275, 278, 282, 305, 315, 328. III, 8, 13, 15—17, 19, 22—26, 28—32, 37—45, 50—69, 72—77, 79, 81, 85, 88, 89, 91, 96, 98, 99, 101—107, 115, 117, 124, 128—132, 140, 147, 148, 177, 204, 206—210, 213, 219, 220, 239.
Нарышкина М. Л. I, 114—116. III, 192, 194.
Нарышкинъ, майоръ. III, 71.
Нарышкинъ А. Л. III, 136.
Нарышкинъ Л. А. III, 136.
Нахимовъ. III, 60.
Невѣровскій. III, 124.
Ней. I, 177, 178, 182, 184, 186, 188, 189, 195, 204, 205, 209, 210, 213, 215, 221—228, 230, 245, 259, 260, 263, 265, 270—272, 279, 281, 283, 289, 293, 294, 296, 297, 300. II, 89. III, 27, 37, 45, 57, 58, 68, 75, 97, 98, 126,

Нейдгартъ. II, 8.
Нейдгартъ 2-й. II, 242, 282.
Никитинъ А. П. II, 33, 76, 77, 156. III, 88, 115.
Никифоровъ Е. II, 60.
Николъ, полковникъ. I, 312.
Николай I, императоръ. I, I, 6, 164. II, 184—190, 196, 219, 222, 223, 233, 237, 239, 241, 249, 263, 267, 268, 270, 295—298, 328. III, 162, 227.
Новосильцовъ. III, 117.
Новосильцовъ Н. Н. I, 216.
Ностицъ, графъ. III, 147.
Нѣмцевичъ. II, 217, 220.

О.

Обозненко. I, 213.
Огаревъ Н. О. II, 194.
Огинскій К. П, 117, 120.
Одеlebenъ. II, 161, 175, 179.
Одильонъ. II, 204.
Одоевскій кн. В. О. III, 235.
Ожаровскій. I, VIII. II, 87, 88, 94, 98, 109, 110—112, 114—118, 137, 139, 142, 143.
Ожеро. I, 177—182, 186, 188, 204—206, 209, 259, 271—275, 277, 279, 281. II, 95, 96, 98, 100, 101. III, 70, 175.
Озеровъ. III, 185.
О'Кенель. II, 204.
Окуловъ, адъют. Милорадовича. II, 151.
Окуневъ, ген.-контрол. Варш. Герцогства. II, 206, 207.
Окуневъ Г. А. III, 152.
Окуневъ Н. А. II, 126.
Ольшевскій О. Д. I, XII. II, 192, 321, 325. III, 154.
Опперманъ, графъ. II, 323.
Орбеліани, князь. I, 165.
Орлова-Чесменская, графиня. II, 151.
Орловскій А. О. III, 239.
Орловъ. II, 131, 140, 163, 167, 168, 176, 178, 179, 182. III, 122.
Орловъ гр. А. Г. III, 137.
Орловъ гр. А. О. II, 323. III, 227.
Орловъ М. О. II, 157, 160. III, 233, 234.
Орловъ-Денисовъ, графъ. I, 5. II, 39, 77, 87, 88, 93, 94, 97—101, 107—109, 116, 137. III, 70.
Ормъ Э. III, 239.
Орнано, генералъ. III, 101, 102.

Оруркъ гр. I. К. I, 119, 150, 202, 229. II, 116.
Осицовъ. I, 224.
Осицовъ А. А. III, 235.
Осмакъ. II, 52.
Остерманъ гр. П. А. I, 125, 135, 154, 176, 177, 180—184, 186, 199, 203, 208, 270, 277. II, 36, 38, 39, 73. III, 116—121.
Островскій. II, 219, 220.
Остроградскій. I, 239.
Офросимовъ. I, 122, 199, 226.

П.

Павель I, императоръ. I, 82, 149. II, 80.
Павловъ, поручикъ. II, 119.
Пакто. I, 189.
Палень 2-й, графъ. II, 308.
Палень гр. П. А. I, 178.
Палень гр. П. П. I, 122, 141, 142, 184, 190, 191, 208, 213, 214, 218, 227, 229, 236, 247, 277, 289. II, 124, 264, 265. III, 47, 48, 87, 107.
Палицынъ. II, 88.
Панинъ, графъ. I, 88.
Панкратьевъ Н. П. III, 163, 167, 169.
Панова Е. Д. III, 212.
Парни. I, vi, 36, 38, 40.
Паскевичъ гр. И. О. I, 145, 161, 171—173. II, 32, 33, 189, 193—196, 248, 249, 267, 283, 297—300, 323, 324, 328. III, 115, 162, 165, 166, 169, 220.
Пассекъ, генераль. II, 38.
Пацъ, генераль. II, 217, 220, 240, 241.
Пашковъ А. В. II, 287, 301, 302, 306, 317, 319, 320.
Перигоръ Луи. I, 301, 302.
Периньонъ, генераль. I, 91.
Персиановъ, хорунжій. II, 67.
Петерсонъ. III, 195, 196, 205, 208.
Петръ Великій. I, 169. III, 132—137.
Петръ Георгиевичъ, принцъ Ольденбургскій. III, 205.
Пизарро. III, 176.
Писаревъ А. А. I, vii.
Платовъ. II, 283, 306, 307.
Платовъ гр. М. И. I, 107, 126, 127, 149, 159, 167, 190, 201, 213, 215, 218, 221, 223, 235—237, 240, 241, 245, 283. II, 40, 72, 76, 78, 87, 90,

94, 105, 121, 123, 131, 137, 138. III, 31, 45, 46, 48, 74, 91—93, 104, 123, 180.
Плоховъ, генераль. II, 320, 321.
Плоцъ, генераль. I, 270, 279.
Пожарскій. I, 45.
Поздѣвъ, адъют. Ермолова. II, 77.
Полевой К. А. I, vii. III, 113.
Полевой Н. А. III, 192, 202, 239.
Поливановъ Ю. И. I, 101.
Полотовъ. III, 71.
Понсь-де-Верденъ. I, vi, 44.
Понте-Корво. См. Бернадотъ.
Понятовскій кн. I, 151. II, 89, 101, 102. III, 61, 70.
Поповъ. II, 65.
Поповъ, меръ. II, 113, 114, 135.
Поповъ 3-й. II, 284, 307.
Поповъ 13-й. II, 64, 98, 112, 154, 173. III, 171.
Поповъ В. С. III, 139.
Потемкинъ, генераль. I, 106, 126.
Потемкинъ кн. Г. А. I, xi, 82, 125, 175, 189. II, 292. III, 121, 122, 134, 137—140.
Потоцкій гр. С. С. I, viii. II, 106.
Похвисневъ Н. И. III, 167.
Прейлингъ. II, 175.
Прендель, подполковникъ. II, 157, 163, 169, 179, 180.
Приманъ. II, 52.
Прозоровскій, князь. I, 126.
Пуквиль. III, 139, 140.
Пучковъ. II, 42, 52.
Пушкинъ А. М. III, 198.
Пушкинъ А. С. I, iii—vi, x—xii, 75, 139. III, 183, 186, 190, 192, 194, 203, 210, 214—218, 221—226.
Пушкинъ В. Л. I, xi, 76. III, 152, 198.
Пушинъ, ген.-майоръ. I, 117.
Пышницкій, генераль. I, 157.
Пъери. I, 130.

Р.

Радзивиллъ Ант. II, 241.
Радзивиллъ кн. Мих. II, 217, 241, 281, 282.
Раевская С. А. III, 145.
Раевскій А. Н. III, 145.
Раевскій Н. Н. I, vii, 57, 158, 159, 218, 224—226, 228, 231, 236, 243, 289. II, 11, 12, 25, 27, 28, 32, 33, 36, 73, 77, 104, 105, 118. III,

97, 101, 103, 109—126, 143—145, 219, 220, 239.
 Разумовскій, графъ. I, 82, 83.
 Рамодановъ, хорунжій. II, 164.
 Раппъ, генераль. III, 72, 73, 74.
 Растопчинъ гр. О. В. II, 32, 35.
 Раутенштраухъ. II, 216, 219.
 Рейтернъ. I, 311.
 Ренъе. II, 132, 157, 161, 162.
 Репнинъ, князь. I, 105. II, 274. III, 137, 139.
 Реутъ, полковникъ II, 191, 194.
 Рехбергъ, генераль. II, 157, 161, 175, 179.
 Ржевскій П. II, 114.
 Риво. I, 189.
 Ридигеръ О. В. I, 7, 117. II, 231, 270, 271, 288, 307, 308, 311, 312—315, 318 — 322, 324, 326 — 328. III, 179.
 Римскій-Корсаковъ, майоръ. I, 150.
 Ришелье Жерменъ-дю-Плесси. I, 160, 161.
 Роге, генераль. I, 225. II, 109, 110.
 Розенъ. II, 121.
 Розенъ бар. А. В. II, 222, 252, 264, 284—287, 303, 308—311, 322, 326.
 Ромарино, полковникъ. II, 240, 326.
 Роткирхъ. I, 158.
 Ротъ. II, 149, 150.
 Рошъ-Шуаръ. I, 161.
 Рубенсъ. I, 319.
 Рудухинъ, полковникъ. II, 302, 303.
 Ружицкій. I, 7. II, 326.
 Румянцевъ, генераль. I, 126. II, 292. III, 134, 137, 138.
 Румянцевъ Задунайскій гр. П. А. I, 85.
 Рындинъ, ген.-майоръ. I, 117.
 Рыцаръ. I, 242.
 Рѣзвый Д. П. I, 142, 208, 270. III, 143.
 Рюхель. I, 280.

С.

С—нъ Е. О. I, 30.
 Сабанѣевъ И. В. I, 157, 169, 218, 236. II, 123, 124, 249.
 Сабуровъ И. В. I, 77.
 Савари. I, 188, 215, 302.
 Савоини. II, 33.
 Сагюкъ, генераль. I, 177.
 Сайдъ-эффенди. I, 170.
 Сакенъ ген.-л. I, 125, 136, 176, 191, 197, 217, 224, 228—230, 261, 263, 270. II, 121, 145.

Сакенъ ген.-майоръ. II, 265, 267, 308, 324.
 Салаевъ И. В. I, х. III, 182, 189.
 Салтыковъ гр. II, 274.
 Самойловъ гр. А. И. I, 148, 175, III, 138.
 Самсонъ. II, 109.
 Саундерсъ I. III, 239.
 Свѣчинъ. III, 71.
 Себастьяни, графъ. I, 75, 127. II, 240.
 Севардземидзевъ, князь. II, 194.
 Сегюръ. I, 139, 140. III, 17, 18, 70, 136.
 Седморадскій, ген.-лейтенантъ. I, 125, 137, 176—188, 195, 197, 259. III, 47.
 Сенармонъ, генераль. I, 243.
 Сенковскій, I, х, хI. III, 34, 191, 192, 194, 204, 207—209, 216.
 Сентъ-Илеръ. I, 204—206, 270, 272, 273, 275—279, 281, 282.
 Сентъ-Сюльписъ, генераль. III, 65.
 Сень-Женъе. II, 15.
 Сень-При, графъ. I, 105, 116, 134. III, 109, 110.
 Сень-Сиръ, генераль. II, 176. III, 105, 108.
 Сенявинъ Д. Н. II, 124.
 Серавскій. II, 306, 308, 312, 315.
 Серюгъ. I, 285—287.
 Сеславинъ А. Н. I, viii, 5. II, 74—76, 78, 79, 90, 94, 95, 97—99, 101, 107, 109, 111, 112, 114, 136, 137—141. III, 8, 29, 51, 70, 74—76, 102, 103, 171, 172, 174.
 Сиверсъ, полковникъ. III, 64.
 Сиверсъ гр. Я. К. III, 143, 146.
 Силинъ. II, 24.
 Синельниковъ, губерн. Херсонскій. I, 175.
 Сипягинъ Н. М. III, 160.
 Ситниковъ. II, 52.
 Скржинецкій. II, 220, 229, 241, 309, 310, 315, 320.
 Скрыпка. II, 52.
 Слатвинскій, генераль. II, 326, 327.
 Смирдинъ. III, 182, 187, 204, 206, 208, 213, 220.
 Смирный. II, 40.
 Соболевскій. II, 219.
 Соковнинъ. II, 82.
 Солтыкъ. II, 206, 210, 213, 215—217, 222, 223, 235, 239, 241, 259.
 Сомовъ, ген.-майоръ. I, 131, 201—203, 273.
 Сорбье. I, 210.

Сосницкій И. И. III, 155.
 Спиридовъ Г. А. III, 137.
 Ставицкій М. О. I, 202.
 Ставраковъ. I, 86.
 Старынкевичъ. II, 32.
 Сталь. II, 106, 139.
 Строгановъ, баронъ. I, 165, 166.
 Строгановъ, графъ. I, 228.
 Строгановъ, гр. П. А. I, 28.
 Суворовъ кн. А. А. I, 81. III, 201.
 Суворовъ-Рымникскій кн. А. В. I, ix-x,
 1, 10, 81-108, 123, 125, 127, 130,
 133, 148, 151, 179, 243, 251, 264,
 272, 276, 293. II, 13, 32, 83, 272,
 273, 275, 278, 291, 292. III, 95,
 109, 133, 134, 137, 140, 198—208,
 209, 236.
 Сульть. I, 177, 182, 186, 188, 192,
 204, 206, 209, 221, 222, 232, 233,
 238, 245, 259, 262, 272, 292, 293.
 Сурлай. I, 167.
 Сухозанетъ. II, 242.
 Сухтеленъ гр. П. П. I, xii.
 Сысоевъ, полковникъ. II, 76. III, 94.
 Сюаръ. II, 240.
 Сюшетъ. I, 84.

Т.

Талаевъ. II, 41.
 Талызинъ, ген.-маіоръ. II, 156, 191.
 Тарелкинъ. II, 110.
 Тарковский. I, 167.
 Татариновъ. II, 51, 114.
 Тацитъ. III, 113.
 Темировъ, маіоръ. II, 63.
 Теттенборнъ, полковникъ. II, 140,
 156, 157. III, 149.
 Тибуллъ. I, vi, 35, 75, 257.
 Тилингъ, поручикъ. II, 67, 68.
 Тиллій, генералъ. I, 177.
 Тиманъ, графъ. II, 282, 290, 321.
 Тишинъ 2-й. II, 242.
 Тишкевичъ, графъ. II, 137.
 Тищенко. I, 86, 98, 101.
 Толстой, графъ. I, 7, 122, 183, 199,
 201, 211, 230, 231, 242.
 Толстой гр. А. П. II, 316, 317.
 Толстой гр. Н. А. I, 156.
 Толстой гр. П. А. I, 90, 207. II, 189.
 Толстой гр. О. И. I, iv. II, 35. III, 198.
 Толь. I, 129, 152. II, 35, 36, 38, 40,
 79, 106, 131—135, 242, 247, 283,
 304, 311, 314, 322. III, 13, 121,
 179, 205.

Тончи. III, 239.
 Тормасовъ А. П. II, 49, 141.
 Торри. II, 246.
 Трикелевичъ, поручикъ. II, 267.
 Трубецкой кн. В. С. I, 122, 212. II,
 156.
 Тугутъ, баронъ. I, 82, 148.
 Тузовъ. II, 52.
 Тургеневъ А. И. III, 212.
 Турчаниновъ. I, 122.
 Тутчи-Оглу. I, 168.
 Тучковъ. I, 191, 199.
 Тучковъ 1-й Н. А. I, 122, 125, 135,
 152, 184, 203, 270. II, 6, 8, 27, 28,
 38, 39. III, 88.
 Тучковъ 2-й. II, 154.
 Тучковъ 3-й, П. А. II, 37—39.
 Тышкевичъ, генералъ. III, 71.

У.

Уваровъ гр. С. С. III, 215.
 Уваровъ О. П. I, 150, 216, 231, 235,
 237, 307. II, 41, 80, 139. III, 146,
 152.
 Удино. I, 157, 220, 241, 242. II, 122,
 123, 138. III, 25, 33, 105, 107, 108.
 Уланіусъ, полковникъ. I, 132.
 Уланъ. II, 239.
 Улыбышева. См. Панова.
 Ушаковъ. III, 206.
 Уминскій. II, 308, 309.
 Уткинъ. I, 98.
 Уцмій Кайтахскій. I, 167.

Ф.

Фези, генералъ. II, 315.
 Феншъ. II, 327.
 Фень. II, 109. III, 100.
 Фердинандъ Эсте, эрцгерц. I, 132.
 II, 296.
 Фере. I, 270.
 Фиглевъ. III, 52.
 Фигнеръ. А. С. I, viii, 5. II, 36, 74,
 78, 90, 94—99, 101, 107. III 52,
 70, 171—176.
 Филисовъ. I, 218.
 Фирксъ, баронъ. I, 166.
 Фицтумъ. I, 152.
 Фитингофъ, маіоръ. I, 150.
 Флемингъ. II, 27.
 Фобедкій. I, 280.
 Фокъ, генералъ. I, 238.

Фонвизинъ. I, 157. II, 40. III, 117.
 Форость. II, 52.
 Франкъ. II, 168, 174.
 Фредро. II, 217, 219.
 Фрейлихъ. I, 5. II, 143, 144, 160.
 Фридрихсъ. I, 117.
 Фридрихъ Великій. I, 93, 156. II, 275, 278. III, 107, 137, 138, 140.
 Фуа, генераль. I, 93.
 Фуксъ Е. III, 201.
 Фуль. II, 246.
 Фуше. III, 204.

Х.

Харадецкій. II, 239.
 Хвостовъ гр. Д. И. III, 200, 204, 205.
 Хилковъ, князь. III, 64.
 Хитровъ, поручикъ. I, 122.
 Хлопицкій. II, 217—219, 221—224, 230, 233—238, 241, 242.
 Ховенъ. II, 39, 73.
 Хозревъ-Мирза. I, 164. II, 198.
 Хомяковъ А. С. III, 194, 203, 215, 216, 226.
 Хоперскій. II, 304.
 Храповицкіе С. и Я. I, 119.
 Храповицкій Н. II, 51, 62.
 Храповицкій С. С. II, 49, 50, 51, 62, 65—67, 69, 84, 91, 105, 106, 109, 113—115, 117, 118, 120, 146, 148—150, 168, 173, 181.
 Храповицкій С. Я. II, 45, 48, 68, 83.
 Хржановскій. I, 7. II, 231, 315—318, 320—322, 324.

Ц.

Циціановъ кн. П. Д. I, 163.
 Цызыревъ, генераль. III, 144.

Ч.

Чаадаевъ П. Я. III, 211.
 Чаплицъ, ген.-лейтенантъ. I, 119, 184, 202, 280, 286, 287. II, 123, 128, 130, 139.
 Чапскій, графъ. I, 151.
 Чарторижская, княгиня. II, 224, 227.
 Чарторижскій. II, 217, 219, 220, 223, 238, 242.
 Чебышевъ, адъют. кн. Волконскаго. II, 295.

Челокаевъ кн. Г. I, 146.
 Чернозубовъ, полковникъ. III, 52, 59.
 Чернышевъ. II, 156.
 Чернышевъ, гр. А. И. I, 107, 217, II, 156, 157, 159, 179, 206. III, 71, 105, 149, 178, 221, 222, 228.
 Чернышевъ гр. И. Г. I, 160.
 Четвертинскій кн. Б. А. I, 116, 215. III, 151.
 Чеченскій. II, 51, 57, 61, 62, 65—67, 69, 84, 97, 99—101, 108, 112, 117, 143, 144, 148, 160—162, 164, 165, 167, 172, 173.
 Чичаговъ П. В. II, 116, 121—133, 136—139, 141, 156. III, 91, 107.
 Чорба, маіоръ. I, 101.

Ш.

Шаликовъ кн. П. И. I, вп, 50, 76.
 Шамбре. II, 89. III, 18, 26, 27, 37, 54, 56, 57, 60, 61, 75.
 Шамшевъ. II, 118.
 Шардаровъ Я. I, 167.
 Шатиловъ. II, 82.
 Шау, подполковникъ. I, 150.
 Шахмаль-Тарковскій. I, 170.
 Шаховской А. А. III, 109, 155.
 Шаховской кн. И. Л. II, 263 — 265, 279, 280, 282, 301.
 Шварценбергъ, князь. I, 156—158. II, 121, 132, 139, 143, 290. III, 25, 147, 149.
 Швецовъ. I, 165.
 Шевичъ. II, 40.
 Шембекъ, полковникъ. II, 220, 240.
 Шёнингъ. I, 280.
 Шеншинъ. III, 210, 224, 225.
 Шепелевъ В. Ѳ. I, 117, 227. II, 48, 49, 72, 93, 115.
 Шепингъ Э. I, 245, 297, 298.
 Шереметевъ, ген.-маіоръ. III, 180.
 Шилингъ. II, 306, 317.
 Шиль, полковникъ. II, 191.
 Шиндлеръ полковникъ. II, 265.
 Шиповъ, полковникъ. II, 192.
 Шиповъ С. П. III, 220.
 Шишацкій. См. Варлаамъ.
 Шишковъ А. С. I, хі.
 Шіановъ. III, 174.
 Шкляревъ. II, 52.
 Шкредовъ. II, 52.
 Шмитъ, ген.-квартирмейстеръ. I, 131.
 Штейнгель, генераль. I, 217, 233.

Штиглицъ, баронъ. I, 94.
Штрандманъ, адъют. Ермолова. I, 159.
Штюрмеръ. III, 187.
Шуваловъ, поручикъ. III, 174.
Шуваловъ гр. II. А. III, 93, 110.
Шульцъ. II, 182.

Щ.

Щербатовъ кн. А. Г. I, 142, 215,
216, 220. II, 123. III, 146.
Щербининъ, ген.-поручикъ. I, 102.
II, 107.

Э.

Эверсъ, генералъ. II, 73, 79, 83, 87.
Эйхенъ 2-й. I, 122, 199.
Экономовъ, майоръ. I, 132.
Эльфинстонъ, контръ-адмиралъ. III,
137.
Эммануэль, ген.-лейтенантъ. II, 192.
Эриксонъ. I, 218, 236.
Эртель, генералъ. I, 153, 155. II,
121, 127. III, 105.
Эссенъ 1-й, генералъ. I, 137, 188,
242, 259, 260.
Эссенъ 3-й II. К. I, 125, 137, 195,
197, 213, 214.

Ю.

Юдинъ, сотникъ. III, 63.
Юзефовичъ М. В. I, XII.
Юрковскій. I, 122, 174 — 176, 191,
193, 247, 248, 254, 260, 261. II,
47.

Я.

Языковъ А. М. III, 187, 188, 195,
198, 209, 226.
Языковъ Н. М. I, IV, VI, IX, XII. II,
182—188, 190, 191, 193, 195, 202,
205, 208 — 210, 215 — 217, 223,
226.
Яковлевъ. III, 100.
Якубовичъ А. И. III, 155—159.
Янковскій, генералъ. II, 327.
Яросовскій. II, 239.
Яшвиль, князь. I, 156. II, 93.

Ф.

Федоровъ. II, 52.
Феофилактъ, митрополитъ. I, 171. II,
294.

— ❦ —

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Davydov, Denis Vasil'evič,

Sočinenija Denisa Vasil'eviča Davydova [ežeměsjačnoe priloženie k žurnalu 'Sěver' za janvar' - mart 1893g.]

Bd.: 3

1893

Opp. 666 h-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11662922-6